

**Слова и беседы Анатолия, архиепископа
Могилевского и Мстиславского. Часть 2.
Слова и беседы на воскресные дни и по
особым случаям
архиепископ Анатолий (Мартыновский)**

Часть 1 →

Слово в неделю Сыропустную

Сие, ведяще время, яко час уже нам от сна востати.
(Рим. 13:11).

В приведенном изречении Св. Апостол именует сном обыкновенный, греховный образ нашей жизни, потому что, как сонный человек, погруженный в беспорядочные грезы души своей, не думает о действительном положении своем в мире; так и мы, увлекаясь мнимыми удовольствиями века сего, помышляя только о наслаждении земными благами, не думаем о цели бытия нашего, не стремимся к вечному блаженству, для приобретения коего дана нам жизнь настоящая! И подлинно; если так называемые удовольствия, забавы, утехи, игры, и наслаждения мира сего не только не приносят нам ни малейшей существенной пользы, но даже повергают душу нашу в состояние несравненно пагубнее, чем бред страждущего неизлечимой болезнию, то обыкновенный образ жизни нашей не есть ли пагубный сон над бездной вечной гибели? Сколько же спасительно увещание Св. Апостола, что пора нам пробудиться от сна греховного: *сие, ведяще время, яко час уже нам от сна востати!*

С сей целью Св. Церковь, вводя нас во святые дни Четыредесятницы, усугубляет материнскую свою заботливость о душевном нашем спасении, стараясь и чтениями, и песнопениями, и особенного вида Богослужением пробудить нас от сна греховного и привести в чувство покаяния. В чем же состоит пробуждение от сего пагубного сна? В сознании своей греховности и раскаянии. Живое чувство греховного состояния нашего составляя, так сказать, первую степень покаяния, к которому приглашает нас Св. Церковь.

Одно из опаснейших состояний души нашей есть нравственное усыпление, по которому мы не сознаем своей греховности. Человек, обратив тщательное внимание на свои поступки, на легкомысленное свое поведение, легко может очувствовать, невольно станет помышлять: какие принесут для него плоды поступки его в будущем, что за цель бытия его

на земле, какая участь ожидает его за гробом? По сему губитель рода человеческого употребляет все средства, чтобы отвлечь человека от самопознания, не допустив его к сознанию своего греховного состояния. И лукавый мир, неутомимо придумывает беспрестанные забавы, увеселения, игры, чтобы, привлекая к ним людей, постоянно держать их в развлечении, самозабвении, рассеянности, не допуская нас вникнуть в самих себя: а без сего условия, очевидно, что грешник столько же будет помышлять о покаянии, об исправлении жизни своей, сколько помышляет кто о необходимости умыть лицо свое, не зная, что оно чем-нибудь замарано.

Напротив, при малейшем внимании к себе, человек не может не видеть нравственного своего безобразя, не может не сознавать, что в нем господствует какое-то насильственное смятение чувств и желаний; что он омрачен тьмой духовного неведения, что он не старается узнать цели, для коей поставлен на земле; что он не то делает, чего бы внутренне желал и что бы должен делать; что, получив желаемое, он всего более не доволен тем, чего сам хотел; что он превращает нравственный порядок, который мог бы устроить его и близких его благостояние; что он не так поступает с близкими, как бы желал, чтобы с ним поступали другие; что сердце его сгорает превратными желаниями; что он употребляет во зло природные дарования и способности; что он подавил в себе пороками наклонности к добру; что от порабощения суете и легкомыслию силы его истощаются, чувства притупляются; что даже способы к существованию его в сем мире расточаются им на суету и как дым без всякой пользы исчезают.

Во всем этом грешник, пришедши в себя, удостоверяется и при свете здравого разума, а озаренный светом Божественного откровения содрогнется, приметив, что он произвольно томится в рабстве греховном; что мысли, желания, ощущения, беседы и дела его Богопротивны; что он весь проникнут ядом греховным; что он не старается иметь Бога в разуме и сердце своем; что он совершенно уклонился от путей Божиих, отпал от завета с Богом; что он предпочитает мрак страстей и заблуждения животворному свету Евангелия; что он разодрал и осквернил

одежду оправдания Христова, в которую облекся во Св. Крещении; что он своим образом жизни постоянно оскорбляет благость Творца своего, раздражает Его правосудие, упорно поступает вопреки благодати Божией, потому что, предавшись превратному уму, без всякой пользы теряет время; между тем как угоджение миру и порабощение страстям сделало его в собственных очах омерзительным. Таким образом самопознание доводит грешника до раскаяния в безрассудном поведении своем.

Но раскаяние не есть еще покаяние, а только, так сказать, встреча с добродетелью. Раскаивающийся, с одной стороны, убеждается, как мучительно быть рабом греха, жертвой суеты и легкомыслия; с другой стороны, сознает, какое блаженство для сердца в исполнении законов Божиих!

И поистине, ничего не может быть для человека горестнее живого сознания, что он в греховном порабощении истощил свои силы, истощил душевные и телесные способности, гоняясь за призраками счастья; что он сеял ветер, расточал все, что имел, чтобы пожать терние раскаяния; что он, стремясь за превратными желаниями сердца своего, нажил одно омерзение и досаду на самого себя; что, кружась в вихре мирских удовольствий, он изнурил свое здоровье; что блага, которых жаждой сгорало сердце грешника, ничтожны и суетны; что наслаждения, которым он предавался, скоротечны и тлетворны; что мнимые блага мира сего он покупал то самым безрассудным легкомыслием, то самыми тяжкими заботами, – хотя в них не было и тени того, чего жаждало его сердце; что одна капля греховной сладости, которую привелось ему иногда вкусить, отравила его спокойствие и сделалась неиссякаемым источником самых горестных последствий; что порабощение миру покрыло грешника позором; что сам он чувствует бесполезность и свое ничтожество в мире сем, а между тем свое воле с сделало его невольником страстей, и обратившихся в мучительный навык безумных прихотей!

Терзаемый такими мыслями, грешник обращает грустный взор на веселую юность свою, особенно на беззаботное отрочество свое и с горестью помышляет: куда улетело

бесценное, блаженное время невинности, время неведения и мирских удовольствий, и мнимых благ мира сего, и мучительных обычаев, – время чуждое изнурительных забот, печали, зависти, горестей и бедствий! Умиленное воспоминанием отроческого состояния сердце приводит нас к искреннему сознанию, что большей частью от нас зависело сохранить на всю жизнь младенческую простоту сердца, а вместе с сим, и блаженное состояние невинности; что никто насильно не влек нас на неправедные пути порока; что, напротив, тысячи препятствий, пронизывая нас страхом гибельных последствий, удерживали нас от проступков. В столь горестном сознании, само собой, представляется еще неотразимое убеждение, что сердце наше и на земле испытывало бы сладость истинного блаженства, если бы мы из детства приучились бороть страхи свои, управлять душевной борьбой с безрассудными желаниями; что нет высшего наслаждения, как одерживать победу над беспорядочными движениями нашего сердца, что посему всякая заповедь Божия – святая, благая и совершенная; что благоугождение воле Божией составляет первую потребность нашего духа; что если бы мы из детства пребыли верными закону Божию, то никакие обстоятельства и случайности жизни нашей, даже никакие превратности мира сего не могли бы исторгнуть из сердца нашего внутреннего довольства, потому что уделом духа нашего было бы самое сладостное, безмятежное спокойствие, и мир совести нашей был бы, по слову Пророка, обилен, как река водами, а правда наша была бы, как волны морские (Ис. 48:18)!

С противоположной стороны, какими мучениями терзается совесть раскаивающегося грешника при мысли, что он, не нашедши в сей жизни ни в чем ни исинного удовольствия, ни постоянного наслаждения, потерял сверх того вечное блаженство; что хотя милосердие Божие еще щадит его, но вечное правосудие всецело осуждает его; что он, по упорству нераскаянного своего сердца, сам уготовал для себя вечное горе и муки; что грехи как бремя гор гнетут, подавляют его; что отягченное беззакониями существо его, увлекается в преисподнюю, которая готова поглотить его, что его ожидают

бесконечные страдания в геенне огненной, где дым мучения осужденных восходит во веки веков (Откр. 14:11).

Очевидно, что подобное пробуждение от сна греховного, потрясши грешника внезапно, если он никогда не думал обратиться на путь покаяния, может повергнуть его в отчаяние; но при содействии благодари Божией, раскаяние ведет грешника к истинному покаянию. Посему, если желаем душевного спасения, прежде всего, углубимся в совесть нашу, и при свете заповедей Божиих рассмотрим наши помышления, намерения, ощущения, желания, слова и все, что мы делали в течении нашей жизни, а преимущественно с того времени, в которое мы в последний раз искали очищения от грехов наших в таинстве покаяния. Чем внимательнее исследуем совесть нашу, тем большим раскаянием потрясется душа наша и произведет в нас неизменное покаяние ко спасению, благодатью и щедротами Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, коему честь, слава и поклонение, со безначальным Его Отцом и Святым, присносущным Духом, во всю вечность. Аминь.

Слово в неделю Сыропустную

Но щь убо прейде, а день приближися. Отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света (Рим. 13:12)

Как прилично нынешнее чтение апостольского послания вступлению во дни Св. Четыредесятницы! В обыкновенные дни соблазнительные обычай и суety мира, как некоей бурей увлекают людей в темную область греха и забвения Бога; а в наступающее время Св. Четыредесятницы кружение и забавы мирские, пресекаются, – гибельные соблазны являются реже, так что Христиане находят более свободы духа и побуждений к покаянию. Посему благовременно воскликнуть с Апостолом: *но щь прейде, а день приближися.* Что сказать и обо всем протекшем времени нашей жизни? Не есть ли оно темная ночь греха и заблуждений? Не все ли оно протекло в суете и легкомыслии? О, если бы эта ночь навсегда покрылась мраком! Но придет день суда Божия, который осветит все дела, скрытые во мраке, и обнаружит намерения сердечные (1Кор. 4:5)! Тогда какая нас ожидает участь, если не воспользуемся остающимся нам временем и не оплачим заблуждений ума и сердца нашего слезами искреннего покаяния? Кто весть, может быть, Св. Церковь многих из нас в последней раз призывает к покаянию; может быть, слух наш не огласится более напоминанием Апостола, повелевающего отложить дела темные и облечься во оружие света! Последуем же призыванию Св. Церкви и для сего вникнем в приведенное изречение Апостола!

Отложим дела темная! Как все время разделяется на дни и ночи, так и дела наши одни суть светлые, другие – темные, т. е. сообразные с волей Божией или противные ей. Как в видимой природе долговременное отсутствие света солнечного, покрыв все предметы мраком, лишило бы их теплоты своей и поразило бы хладом всю растительность, до того, что все живущее омертвело бы, так в царстве нравственном без света благодати Божией омертвили бы для добра все душевые силы и не могла бы произрастать ни одна добродетель. Кто ходит во мраке, тот

сам не знает, куда идет, поминутно спотыкаемся, блуждает и, опустившись в какую-нибудь пропасть, погибаешь. Подобно сему, кто провождает жизнь только по указаниям ума своего, не следя свету Евангельского Богопознания, тот не знает, с какой целью живет в сем мире, уклоняется от нее и, по причине неведения, или забвения Бога, действует под влиянием князя тьмы – дьявола, который всех желает сделать участниками бедственного состояния, низринуть в область вечного мрака!

Между тем, в сердце нашем есть опасение, по которому всем постыдным и пагубным делам свойственна скрытность и мрак, коими люди, порабощенные греху, стараются оградить себя, страшась, чтобы их действия не сделались явными. Так, по словам Мудрого, *бегает нечестивый ни единому же гоняще* (Притч. 28:1), а по замечанию Апостола, *упивающиеся в нощи упиваются* (1Сол. 5:7)! К делам тьмы Евангелие относит и любостяжение, и сластолюбие (Еф. 4:19), всякий вид греховной нечистоты, малейший зародыш гнева и недоброжелательства ближнему, до той степени, что по словам Писания, *всяк ненавидящий брата во тме пребывает и не весть, камо идет, яко тма ослепи очи ему* (1Ин. 2:11). Правда, что мир сей, со временем падения наших прародителей, поставлен во тьме, так что люди по своей испорченности более любят греховный мрак (Ин. 3:19), нежели свет Божественной истины. Однако делателей беззакония язычники признавали достойными смерти (Рим. 1:32), как людей вредных в общежитии, для которых нет ничего священного; а по опыту каждому известно, что душевное состояние грешника мучительнее и бедственнее всякого несчастья, потому что греховная тьма, помрачив ум, терзает свои жертвы беспрестанными ужасами уготованных им казней во времени и в вечности, ежеминутно тревожит их совесть и не дает им ни на одно мгновение спокойствия.

Сколько же должно быть для сердца сладостно освобождение от мрака греховного! Оно без всякого сравнения восхитительнее той радости, которую долго страдавший чувственной слепотой ощущает по своему прозрении, взирая на красоту неба и окружающей его природы. Посему, если лишенный света солнечного всевозможные прилагает

попечения, чтобы рука искусного врача очистила взор его от наростов, помрачающих зеницы очей его; то каких не стоит усилий исцеление слепоты, помрачающей душевные очи? Для прозрения в жизнь вечную необходимо возыметь совершенное отвращение от дел тьмы, сгорать самым плененным желанием прозрения во спасение, ежечасно вздыхать и молиться, да просветит Господь очи сердца нашего своей благодатью!

Не усомнимся же отвергнуть дела тьмы и предаться руководству благодати Божией, или, по словам Апостола, *облечься во оружие света!*

Светом мира, просвещающим всякого человека, – Божественным светом, коего не может объять никакая тьма (Ин. 1:5, 9), и Солнцем правды (Мал. 4:2) Св. Писание именует Господа нашего Иисуса Христа, потому что Отец Небесный по безпределной любви к роду человеческому доставил Единородного Сына Своего во свет всем народам (Ис. 49:6), чтобы ослепленным тьмой греховной и мраком неведения Бога исинного даровать прозрение в жизнь вечную. По той же любви Спаситель низшел к нам, сидящим во тьме и сени смертной (Ис. 9:2), чтобы озарить нас светом истины, привести в познание Бога истинного (1Ин. 5:20), который обитает во свете неприступном (1Тим. 6:16) и в коем нет тьмы ни единого (Ин. 1:5)!

Явно, что как в царстве видимой природы солнце есть источник света, теплоты и жизни, так в Царстве благодати Иисус Христос освещает ум, одушевляет сердце, оживотворяет для жизни по Богу всего человека. Как растения, согреваемые солнцем, от теплоты его получают растительную силу и плодотворность, так всякий человек только от света учения Христова озаряется премудростью в жизнь вечную, только от полноты благодати Его получает силы преуспевать в добродетели. Без Иисуса Христа никто не может делать никакого добра (Ин. 15:5); только проникнутые лучами света Его делаются светильниками, горящими любовью Божией и светящими такой святостью жизни, перед которой все добродетели, прославляемые миром, кажутся тьмой и мраком греховным!

Каким же средствами достигается столь вожделенное для души состояние? Обращением к слову Божию, как к светильнику, сияющему в темном месте (2Пет. 1:19), пламенной молитвой сердца, пылающего Божественной любовью, частым принятием Таинств Св. Церкви, обновляющих и освящающих человека, воздержанием и постом, умерщвляющим страсти и окрыляющим дух наш в небесные селения. Вот те орудия, при посредстве коих смертные соделываются сынами света Христова и, облекшись броней веры и любви (Еф. 6:16), не увлекаются своеволием и соблазнами мира сего, но помышляют об одном добре перед Богом и людьми (Деян. 24:16). Памятуя заповедь Спасителя, истинные Христиане не выказывают своих подвигов, подобно лицемерам; но стараются делать добро так, чтобы не ведала левая рука, что делает правая (Мф. 6:3). Впрочем, благочестивые души не опасаются благотворить и в очах человеческих, потому что, действуя в чувстве вездеприсутствия Божия, от коего не скроет никакая тьма, поступая всегда с такой чистотой совести, как если бы тысячи очей взирали на них, истинные последователи Иисуса Христа не боятся света солнечного, не страшатся никаких свидетелей. Между тем, так как ни худые, ни добрые дела долго скрываться не могут (1Тим. 5:25), то сыны света Христова, подобно светилам небесным, сияют святостью нравов посреди нечестия и растления мирского (Флп. 2:15)!

Такого образа жизни требует Господь нам, заповедуя своим последователям: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5:16). К крайнему прискорбию, по сознанию нашей совести мы заблудили от пути спасения и, хотя озарены светом Евангелия, хотя и для нас воссияло Солнце правды, Господь наш, мы, однако же, доселе ходили темными путями греха, уклонялись в непроходимые пустыни порока. Как Христианам, нам известны и средства ко спасению. Воспользуемся же наступающими днями Св. Четыредесятницы, обратимся ко Господу всем сердцем, станем ходить во свете заповедей Божиих, не обращаясь на распутья порока, и мы узрим свет вечного спасения! Аминь.

Беседа в неделю Торжества Православия, первую Великого Поста, о вере православной

Аще свидетельство человеческое приемлем, свидетельство Божие более есть (1Ин. 5:9)

Без веры, братья, по учению божественного апостола Павла, невозможно угодить Богу, ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть и взыскивущим Его мздовоздатель бывает (Евр. 11:6). А если никто из людей не знает сокровенных мыслей и внутренних тайн другого человека, кроме духа человеческого, живущего в нем, то тем паче о непостижимом существе Божием один Бог может сообщить истинные понятия (1Кор. 2:11). И Бог, по безпределной благости Своей, открыл Церкви Своей такое о Себе познание, до которого ум человеческий собственными силами, при всех напряженных усилиях, достигнуть не в состоянии. Если же Бог даровал нам откровение о Себе, то самое спасительное употребление нашего разума покорить его вере в Божественное откровение – верить слову Божию; потому что, если разум не может не верить свидетельству человеческому, то без всякого сравнения большей достойно веры нашей свидетельство Божественное! *Аще свидетельство человеческое приемлем, свидетельство Божие более есть (1Ин. 5:9)*, говорит Св. Иоанн Богослов. А Бог истину Своего откровения засвидетельствовал сверхъестественными знамениями Своего всемогущества – чудесами и пророчествами.

И так, по Божественному откровению и учению Св. Церкви, веруем во единого Бога (Втор. 6:4. 1Тим. 1:17), в трех Лицах, которые суть: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой (Мф. 28:19). Бог Отец не рождается и не исходит от другого Лица; Сын Божий предвечно рождается, а Дух Святой предвечно исходит от единого Бога Отца, но три сии Лица Пресвятой Троицы суть единого существа и совершенно равного Божеского достоинства. Сей Триединый Бог – Самосущий (Исх. 3:14), предвечный (Ис. 41:4. Пс. 89:3), безконечный (Лк. 1:53. Пс.

101:28), вездесущий (Иер. 23:24), премудрый (Рим. 11:33), всеведущий (1Ин. 3:20), всеблагий (Пс. 144:9), всеправедный (Пс. 144:17), всесвятый (1Цар. 2:2), и всемогущий (Пс. 113, 11), – в начале времен привел из небытия в бытие всесильным Своим Словом видимый и невидимый мир (Быт. 1:1), даровав, во-первых, бытие чистейшим духам, или Ангелам (Иов. 38:6, 7).

Первоначально все Ангелы были добрыми и святыми. Но одни из них, непоколебимо утвердившись в святости, любви и стремлении к одному доброму, постоянно славословиях Бога (Пс. 102:20–22), приводят в исполнение определения Его относительно людей; даже каждый верующий, по благоволению Божию, при Св. Крещении получает Ангела-хранителя (Мф. 18:10); но св. Ангелы содействуют в приобретении спасения только желающим наследовать жизнь вечную (Евр. 1:14). Другие Ангелы, не устояв в добре, согрешили перед Богом (Иуд. 1:6), и навсегда оставшись во зле, соделались вечными врагами Божиими и нашими, всемерно стараются поработить людей греху (2Сол. 2:9), чтобы низринуть нас в то бедствие, которому сами подвержены (Мф. 25:41), и посему именуются дьяволами (Ин. 8:44). По сотворении бесплотных духов, Триединый Бог единственным словом своим: да будет! – создал, в шесть дней, из ничего видимый мир, т.е. обитаемую нами землю, окружающую ее твердь со всеми небесными светилами, все, что наполняет собой землю, воды и воздух, и в заключение сотворил первого человека (Быт. 1:3–28), от которого произошел весь род человеческий (Деян. 17:26). Бог образовал сперва из земли тело первого человека, Адама, вдунул в него бессмертную душу (Быт. 2:7), и во время глубокого сна его, вынув одно из ребра его, создал из него для Адама помощницу (Быт. 2:22). Первый человек, будучи, по благодати Божией, невинен и безгрешен (Еккл. 7:29), не только уподоблялся Ангелам Божиим, но даже имел образ и подобие Божие (Быт. 1:26), коими был одарен при самом создании своем, т. е. он обладал мудростью чистой и полной (Быт. 2:20, 23), волю имел, направленную к одному доброму (Еф. 4:24), так что сердце его, в праведности и святости истины (Кол. 3:10), горело чистой любовью к одному Богу; посему и совесть первого человека была спокойна и

безмятежна. В таком состоянии наших прародителей все окружающие их твари были вполне покорны их владычеству (Быт. 1:26), и самое жилище праотца нашего, названное раем (Быт. 2:8), было страной неизреченных утех, радости и чистых удовольствий.

Если бы прародители наши пребыли в состоянии невинности и сохранили данную им от Бога заповедь, то не только сами были бы всегда счастливы, но сообщили бы свое бессмертие и блаженство и всем потомкам своим, всему человеческому роду. Но первобытная невинность и блаженство наших прародителей прекратились, как только они, быв обольщены вселившимся в змея дьяволом, вкусили плодов от запрещенного Богом дерева (Быт. 2:16, 17); а преступлением заповеди Божией они низвергли себя и весь род человеческий в самое горькое и бедственное состояние (Рим. 5:12).

С тех пор мы зачинаемся и рождаемся в беззакониях (Пс. 50:7); помышления сердца человеческого с младенчества влекут человека на зло (Быт. 6:5), в уме и душе его постоянно возникают злые мысли и желания (Рим. 7:18), каждый человек ощущает в себе перевес греховных склонностей над добрыми и спасительными желаниями (Рим. 7:19); все люди сделались предметом гнева раздраженного правосудия Божия (Еф. 2:3); весь род человеческий уподобился страждущему расслаблением, который не в состоянии помочь себе собственными силами. Никто из людей, самых праведных, не мог изобрести средств к удовлетворению правосудию Божию за грехи рода человеческого, потому что и праведники боялись суда Божия, ощущая в себе силу греховности (1Ин. 1:8); никакой Ангел, сколько бы ни был возвышен по своей природе, не мог восстановить человека в первобытное состояние, открыть снова путь к вечному блаженству, потому что для сего требовалась Творческая сила (Еф. 2:10); ни один сотворенный дух не дерзал принять на себя посредничество к примирению человека с Богом, потому что за оскорбление Бога – существа бесконечного – требовалось бесконечное удовлетворение – требовалась жертва цены безпредельной (Евр. 7:23, 24).

Но Бог, от вечности предвидя плачевнейшее состояние рода человеческого, воспоследовавшее через грехопадение наших прародителей, побуждаемый благостью и любовью своею, предопределил снова даровать нам вечное блаженство (Еф. 1:4). С сей целью Отец Небесный прежде создания мира благоволил, чтобы человек снова был поставлен в такое состояние, в котором бы возможно было для него приобретение вечного блаженства (Ин. 3:6). Единородный Сын Божий благоизволил вочеловечиться (Пс. 39:7, 8), чтобы удовлетворить правосудию Божию за грехи всех людей и доставить средства к их спасению (Евр. 10:7–10); вместе с сим Святой Дух благоволил прийти, освятить и обновить нас действием благодати своей (Тит. 3:5).

А чтобы людям, хотя отчасти было известно, сколь велики благодеяния, предназначенные роду человеческому милосердием Божиим, Дух Святой открыл вам в божественном Писании, и мы веруем, что второе Лицо Святой Троицы, восприявшее на Себя дело искупления нашего от греха и вечной смерти, есть единородный Сын Божий (Ин. 1:18), Премудрость (Притч. 8:22) и Слово Отца Небесного (Ин. 1:1), непостижимо прежде всех веков бесстрастно (неким образом подобно тому, как от света, усматриваемого в солнце, рождается одной и той же природы свет, видимый во всей подсолнечной), рожденный от Бога Отца, истинный Бог (1Ин. 5:20) от Бога истинного, единосущный Отцу по Божеству (Ин. 10:30), которым все сотворено (Ин. 1:3).

С начала мира постепенно, многократно и многообразно было обещано Богом пришествие во плоти в мир Сына Божия (Быт. 3:15. 12:3. 26:4); а через Пророков предсказано не только время явления (Быт. 49:10. Дан. 9:24–27), но и признаки, по которым можно было узнать Его (Ис. 7:14. 11:1, 2. 53:4–12. Мих. 5:2. Зах. 9:9. Пс. 21). Наконец, по исполнении времен, совершились обетования, пророчества и преобразования о Его пришествии, и мы веруем, что единородный Сын Божий, вселившись во утробу пресвятые Девы Марии (Лк. 1:35), содействием Всесвятого Духа заимствовал от Ее чистейших кровей плоть (Ин. 1:14), подобную нашей, кроме греха, и,

приняв душу человеческую (Ин. 10:17, 18), соделался истинным человеком (1Тим. 2:5), не преставая быть истинным Богом (Рим. 9:5); так что Он есть Богочеловек, наименованный на земле Иисусом Христом, в Лице коего два естества – Божеское и человеческое соединены неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно (догмат 4 Вселенского Собора). Посему Приснодевственная Матерь Иисуса Христа есть воистину Богородица (Ис. 7:14. Лк. 1:43), без всякого сравнения чистейшая Херувимов и славнейшая Серафимов.

Вместе с сим веруем, что Господь и Бог наш Иисуса Христос, приняв на Себя с человеческим естеством и немоющи человеческие, хотя проявлял Божество свое неслыханными в мире до пришествия Его чудесами (Мф.8:3, 13:9, 22:12, 13, 14, 19–20, 25; Лук.17:14; Ин.5:8, 9:7, 11:43), однако ж нас ради обнищав (2Кор. 8:9), подвергался в течение жизни различным опасностям (Мф. 2:13. Лк. 4:29), лишениям и бедствиям (Мк. 11:13; Лк. 9:58), злословию, унижению и преследованиям (Мф. 12:24; Ин. 5:18); наконец, озарив нас светом истинного Богопознания (Ин. 1:18), и открыв нам волю Отца Небесного (Ин. 6, 40), чтобы удовлетворить правосудию Божию за грехи человеческого рода (1Тим. 2:6. Ин. 1:29), быв учеником своим предан врагам своим, претерпел посмения, поругания и крестные мучения, умер и погребен при Понтии Пилате (Мф. 26:47–75, 27).

Будучи телом во гробе, Спаситель наш низшел душой во ад, чтобы освободить из него души, от века ожидавшие Его пришествия (1Пет. 3:18–20. Еф. 4:8, 9); в третий же день, по погребении, воскрес силой Божества Своего из гроба; а по воскресении Своем многократно являлся Он, в продолжении четырехдесяти дней, ученикам Своим, продолжая учить их тайнам Божественного Своего Царствия (Деян. 1, 3).

Совершив дело искупления нашего, Господь наш Иисус Христос вознесся перед учениками Своими с плотью Свою на небеса (Деян. 1:9), и возсел одесную Отца Небесного (Мк. 16:19), т. е. воспринял и по человечеству Своему всякую власть на небеси и на земли (Мф. 28:18), к преспянию основанного им благодатного Царства, или Церкви Святой (1Кор. 15:25). С сей

целью Спаситель, управляя всеми, происходящими в мире событиями, защищает Церковь Свою промыслом Своим от всех тайных и явных наветов, козней и гонений вражеских, так что и врата адовы не преодолеют ее (Мф. 16:18); для непрерывного же созидания Церкви Святой, благодатно в ней по Своему обетованию присутствуя (Мф. 28:20), поставляет (Еф. 4:11, 12), умудряет и наставляет Духом Святым пастырей и учителей ее (Ин. 16:13) верно преподавать слово истины Еgo; а посему Церковь никогда не может отпасть от веры, ни погрешит в истине ее, или впасть в заблуждение. Таким образом, основываясь на учении Св. Апостолов, исповедуем, что Господь наш Иисус Христос есть един Пастыреначальник (1Пет. 5:4), един вечный Ходатай Бога и человеков (1Тим. 2:5), един безгрешный Первосвященник (Евр. 7:26), един Глава таинственного тела Своего – Церкви Святой (Еф. 1:22, 23), един Царь сего благодатного Царства Своего (Лк. 1:33); потому что Церковь есть исключительно Царство Божие духовное, на земле (Мк. 1:15; 1Петр. 2:9). Благодатное же царство Христово будет продолжаться до скончания мира (1Кор. 15:25): тогда Господь наш Иисус Христос приидет во славе Своей, со всеми святыми Ангелами (Мф. 25:31), судить всех людей живых и мертвых (Ин. 5:29); за сим последует Царство славы и блаженства, которому не будет конца (Лк. 1:33).

Веруем также и в Духа Святого, Господа животворящего, предвечно, непостижимо исходящего о единого Бога Отца (Ин. 15:26), и вместе исповедуем, что, по сему исхождению, Дух Святой есть Бог истинный (Деян. 5:3, 4), единосущный Богу Отцу и Богу Сыну (1Кор. 2:11. Мф. 10:20. Гал. 4:6), полоняемый и прославляемый вместе с Отцом и Сыном (Мф. 28:19); что Дух Святой говорил через Пророков и Апостолов (2Пет. 1:20, 21); что Он, по ходатайству (Ин. 14:16) и ради заслуг Господа нашего Иисуса Христа, таинственно, силой благодати Своей, обращает нас на путь покаяния (Пс. 58:11), возбуждает в нас молитвенные вздохания (Рим. 8:26), начинает в нас и содействует нам во всяком добром деле (Флп. 2:13), очищает нас от грехов и освящает нас в таинствах Св. Церкви (Тит. 3:5, 6), приводит ко спасению каждого человека, истинно верующего.

Веруем и во единую, святую, кафолическую и Апостольскую Церковь; исповедуем же, что она едина, потому что истинно верующие во Христа, в каких бы веках и странах ни жили, составляют одно духовное тело (Еф. 4:4–6), которое, как таинственное тело Христово (Кол. 1:24), имеет одну Главу – Христа Спасителя (Еф. 1:22) и одушевляется одним Духом Божиим. Верием, что Церковь есть Святая, потому что, будучи освящена учением, страданиями и кровью Иисуса Христа (Еф. 5:25–27), постоянно освящается еще молитвами и благодатными таинствами Нового Завета. Признаем, что Церковь есть кафолическая, или вселенская, потому что она не ограничивается ни каким-либо местом, ни временем, ни народом (Кол. 1:5, 6, 3:11); но заключает в себе истинно верующих из всех мест, времен и народов (Гал. 3:9). Именуем Церковь Апостольской и Православной, или правоверующей, потому что она, как здание Божие, не имея другого основания, кроме Иисуса Христа (1Кор. 3:10. 11), утверждается на учении Его Апостолов и Пророков, которое Церковь неизменно проповедует в истинном смысле и разумении (Еф. 2:19–21), сохраняя притом непрерывно от самых Апостолов преемство даров Духа Святого через священное рукоположение своих Пастырей и Учителей (Деян. 14:23). Вместе с сим признаем долгом своей совести повиноваться учению, учреждениям, уставам и руководству святой Церкви, потому что, по отношению к Пастырям Церкви, Спаситель сказал: *слушаяй вас, Мене слушает, и отвергаяйся вас, Мене отвергается* (Лк. 10:16), а неповинующийся Церкви Святой равен язычнику и явно грешнику (Мф. 18:17). Призываем, наконец, в молитвах наших и нуждах Святых, благоугодивших Богу своей жизнью, потому что они, будучи на высших степенях приближения к Богу, своими посредствующими молитвами, очищают, подкрепляют и приносят перед Бога молитвы верных (Откр. 8:4). Предаем и вручаем милосердию Божию души умерших с верой, хотя и небезгрешных (2Мак. 12:43), уповая, что им, к достижению блаженного воскресения, вспомоществуют приносимые за них молитвы, особенно соединенные с приношением бескровной жертвы тела и крови Христовой (Ин. 14:13).

Признаем и приемлем еще новозаветные Таинства Святой Церкви, веруя, что через Св. Крещение возрождаемся от Духа Святого в жизнь духовную и святую (Ин. 3:5), соделываясь причастниками благодати (Мк. 16:16), исповедуем же одно Крещение (Еф. 4:4), потому что как естественное, так и духовное рождение есть одно. В Таинстве Миропомазания получаем дары Св. Духа, возвращающие нас к жизни духовной (2Кор. 1:21, 22). Во Святом Причастии, под видом хлеба и вина, вкушаем самого Тела и Крови Христовой для вечной жизни (Ин. 6:58). В таинстве Покаяния, при посредстве Священника невидимо разрешаемся самим Иисусом Христом (Мф. 18:18). В таинстве Священства Дух Святой через Святительское рукоположение поставляет правильно избранных совершать таинства и пасти стадо Христово (Деян. 20:28). В таинстве Брака благословляется свыше супружеский союз мужа и жены (Еф. 5:31, 32), и испрашивается им благодать чистого единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей, а в таинстве Елеосвящения при помазании тела Св. елеем получают больные благодать Божию, исцеляющую немощи душевые и телесные (Иак. 5:14).

Наконец, по вере в Иисуса Христа ожидаем воскресения мертвых, имеющего в определенное судьбами Божиими время, при конце сего видимого мира совершиться действием всемогущества Божия, по которому все тела умерших, соединясь со своими душами, оживут, воскреснут, сделаются нетленными и неразрушимыми (1Кор. 15:53, 54), и предстанут страшному судилищу Христову (Мф. 25:32), на котором каждый получить воздаяние, смотря потому, что кто делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор. 5, 10). Уповаем же, что для верующих, любящих Бога и делающих добро, и воспоследует тогда жизнь столь блаженная (Мф. 13:43), что мы теперь сего блаженства и вообразить не можем (1Кор. 15:49); а неверующие и нераскаянные грешники будут ввержены в геенну огненную, преданы огню и вечному мучению (Мф. 25:41, 42).

Так научены мы, братья, от самой вечной Истины, Христа Спасителя нашего, так веровать приняли от Св. Апостолов; так, а не иначе, учили и утвердили вселенские и поместные Соборы

и Учители Церкви; такое учение содержит Православная, кафолическая Церковь наша; за сию веру святые Мученики пролили кровь свою. Посему, кто твердо и непоколебимо пребывает в вере сей даже до смерти, свидетельствуя веру свою добрыми делами, так что от любви Божией не в состоянии отлучить его ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни нагота, ни опасность, ни меч (Рим. 8:35), тот, несомненно, может получить вечное спасение. Аминь.

Слово в первую неделю Великого Поста

Егоже писа Моисей в законе и пророцы, обретохом Иисуса. (Ин. 1:45).

Целые тысячелетия ожидал род человеческий жертвы, которая, удовлетворив за грехи его правосудию Божию, вполне убеждала бы разум, что она соразмерна оскорблению величия Божия. Но тщетно проливалась повсеместно кровь животных, повсюду дымились на алтарях всесожжения: ни одна жертва не имела силы успокоить человеческую совесть разумным убеждением, что ей удовлетворено правосудие Божие; никто не дерзал ни об одной жертве сказать с такой уверенностью, с какой Иоан Креститель, указав на Иисуса Христа, изрек: се Агнец Божий, вземляй грехи мира (Ин. 1:29)! Посему-то, едва услышали сие свидетельство упоминаемые в нынешних чтении Евангелия ученики Иоанновы, немедленно в сокрушении сердца не только сами последовали за Спасителем, но и ближним своим сообщают утешительное известие: *Егоже писа Моисей в законе и пророцы, обретохом Иисуса!* Вместе с сим Апостолы прилепились к Иисусу Христу с такой решимостью, что в последствии могли говорить Ему: се, мы оставихом вся и в след Тебе идохом (Мф. 19:27).

Такую же решимость производит в сердце искренно кающегося глубокое чувство бедственного состояния души в греховной неволе. Посему, если бы и у нас первейшим предметом наших желаний было единое на потребу – душевное, то и мы приступали бы к таинству покаяния, во-первых, с истинным сокрушением сердца о нашей греховности, и, во-вторых, с неизменным предположением жить целомудренно, праведно и благочестиво.

1. Сокрушение, свойственное истинному покаянию, есть внутренняя, болезненная скорбь сердца, которой томится кающийся при взгляде на протекшую жизнь, от сознания, что она была сцеплением самых безрассудных желаний, намерений, поступков, что она протекла в суете и легкомыслии. И в помышляющих о вечной участи своей, живое сознание

своей греховности превосходит всякую душевную скорбь об утрате временных благ, превосходит ощущение всякого рода несчастий и бедствий, какие только постигают человека в течении настоящей жизни, потому что если грех есть величайшее зло, ненавистное премудрости, благости и правде Божией; если грех доводить до потери высочайшего блага – самого Бога, то естественно гораздо более сокрушаться о том, что мы поработили себя греху, нежели о всех бедствиях, постигающих человека в сей жизни? Ибо можно ли вообразить бедствие более того, как когда обличает меня совесть, что я оскорбил Бога, Господа, Благодетеля, Отца моего, который в течении моей жизни ежеминутно изливал и не перестает изливать на меня бесчисленные благодеяния; что я преогорчил благость Божию, потерял милость Отца Небесного, лишился Его благодати, попрал своими беззакониями заветную кровь Спасителя моего, отпал от завета с Ним, преогорчил благость Утешителя Духа Святого, помрачил в себе образ и подобие Божие, осквернил одежду оправдания заслугами Христовыми, данную мне во Св. крещении! Может ли быть чувство болезненнее того убеждения, что я не только сделался недостойным предназначенного мне Царствия Небесного, но еще заслужил вечное отвержение от лица Божия, привлек на себя праведный гнев Божий, приобрел вечные мучения и слезы отчаяния в геенне огненной? Может ли быть злостнейшая неблагодарность, безрассуднейшая дерзость, упорнейшее противление, как пренебрежение неисчислимых щедрот Божиих, постоянное преступление заповедей Всевышнего, ожесточение во грехах, действующее, злобно вопреки благодати Божией?

Так для души, истинно сокрушающейся об оскорблении Бога своими грехами, ничего не может быть болезненнее греховного состояния. И при содействии благодати Божией, сокрушение сердца кающегося полагает благонадежное начало примирения его с Богом, потому что, признание своей виновности перед Богом и сокрушение об оскорблении Его умилостивляет Бога. *Душа, сетующая о величестве зла греховного, иже ходит слячен и боляй, и очи его оскудевающии, и душа, алчуща оправдания Господня воздадят Тебе славу и*

правду, Господи, говорит Пророк (Вар.2:18). Таким сокрушением сердца были проникнуты те блаженные, которые по общей слабости нашей природы, поползнувшись во грех, всецело обратились на путь покаяния, и слезами душевного болезнования о том испросили помилование Божие и прощение грехов своих. Так очистил Бог от грехов кроткого Давида; ибо Давид с горькими слезами молился: *помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50:3). Простил Отец Небесный блудному сыну безрассудное поведение; ибо сей из глубины души вздохал: *Отче! согреших на небо и пред Тобою, и уже несмъ достоин нарещися сын твой* (Лк. 15:18, 19). Принял Спаситель снова в лик Апостольский верховного Петра после его отречения, ибо Петр не переставал оплакивать свое малодушие. Благодать Божия омыла от греховных нечистот Марию, ибо она слезами своими омыла ноги Иисуса Христа, и власами главы своей отерла их.

2. Искреннее сокрушение о своей виновности перед Богом, возбудив в кающемся отвращение от греховного образа жизни своей, производит в нем содействующей ему силою благодати намерение впредь провождать жизнь по воле Божией. Какое же намерение в сем отношении можно почесть признаком истинного покаяния?

Главный признак истинного покаяния состоит в решительном намерении впредь не возвращаться на путь порока, потому что, с одной стороны, не возможно и прощение грехов наших, если мы от всего сердца не гнушаемся грехами своими, не ощущаем в себе совершенного к ним омерзения; с другой стороны, если кающийся, сокрушаясь о греховном своем состоянии, не решается в тоже время всемерно стараться об исправлении своего поведения, то вся жизнь его пройдет в бесплодных предположениях о сем; в течении целой жизни, то будет томиться он желанием искреннего покаяния, то содрогаться при мысли оставить свои греховные привычки, обратившиеся как бы в природу его. Посему, хотя по временам и станет он каяться, но никогда не кончить начатого. Равным образом, намерение жить по заповедям Божиим необходимо в

кающимся самое искренне, которое пронизало бы все силы души нашей. Истинное покаяние зависит еще от намерения самого пламенного, которое, объявив все желания и ощущения сердца нашего, постоянно окрывает душу нашу любовью к Спасителю, управляет и мыслями, и начинаниями, и действиями нашими во всех отношениях наших. Наконец, признак истинного покаяния состоит в твердой и неизменной решимости, которой не в состоянии поколебать ни какие препятствия, не могут ослабить ни какие затруднения и обстоятельства жизни нашей!

Если кающийся не проникнут такой решимостью; то тщетно и само упование его на милосердие Божие, тщетна надежда и на прощение грехов его. Посему-то Давид, обратившись на путь покаяния, клятвой утвердил себя в своем предположении: *кляхся, говорил он, и поставих сохранити вся заповеди Твоя* (Пс. 118:106), Господи! Самое милосердие Божие обещает грешникам помилование только под условием решительного обращения на путь добродетели: *отвратитесь, взыает Бог устами Пророков, отвратитесь от путей ваших лукавых и от начинаний ваших злых* (Зах. 1, 4), – да оставит нечестивый путь *своя, и муж беззаконный советы своя* (Ис. 55:7)... *Обратитесь ко Мне, глаголет Господь, всем сердцем вашим в посте и в плачи и в рыдании; расторгните сердца ваша, а не ризы ваша* (Иоил. 2:12, 13), и *помилую вас* (Иер. 42:12)... Следовательно, только тот может утешаться надеждой на милосердие Божие, кто, сокрушаясь о своей греховности, делает все, что только состоит в его силах, чтобы снова не сорваться на путь порока!

С сей целью, приступающий к таинству покаяния должен предварительно испытать себя: тверда ли его решимость принести искреннее покаяние, или намерение его еще шатко и слабо. А испытать себя в сем отношении очень легко. Стоит только обратить внимание: подавляем ли мы в себе силой воли и молитвенных вздоханий греховный образ мыслей и желаний? Если ты доселе был надменным, непокорным, строптивым: ощущаешь ли в себе готовность подражать уничижению Спасителя, смирившего Себя так, что был

послушлив Отцу Небесному до смерти крестной? Если ты находил удовольствие в клеветах и пересудах: готов ли теперь сознаться перед всеми в злословии, которым ты обидел ближнего? Если ты ленился участвовать в общественном Богослужении: радуешься ли теперь духом, подобно Пророку, когда говорят тебе: *пойдем в дом Господен?* (Пс. 121:1) К удостоверению в искренней решимости принести покаяние содействует еще наблюдение за собой: избегаем ли случаев, увлекавших нас в грехопадения? Решились ли мы всемерно удаляться от дурных сообществ, от соблазнительных мест и зрелиц? Отвращаемся ли мы от нескромных игр, забав и всего того, что увлекает в растление нравов? Без такой решимости покаяние наше будет ложно, обманчиво; ибо по слову Мудрого: *любяй бедство впадет в не* (Сир. 3:25)! а Тот, кто больше Соломона, говорит: *аще око твое соблажняет тя, изми е и верзи от себе, добрейше ти есть со единем оком в живот внити, неже две оце имущу ввержену быти в геенну огненную* (Мф. 18:9).

И так, если, углубляясь в себя, сознаем, что нет еще в нас искренней решимости принести покаяние, заслуживающее прощения грехов, то значит нет в нас, братья, и искреннего сокрушения о том, что мы грехами своими преогорчили благость Божию. О сем-то более всего и стереть должно, что мы не чувствуем сокрушения о грехах наших. Для нас необходимо самое усилие покаяния и много, много слез, потому что мы и бесчувственно грешим и безмерна тяжесть грехов наших!

Господи Боже наш, Душе Святый! Сокруши окаменение сердца нашего, даруй нам образ покаяния и твёрдую решимость жить по Твоим заповедям. Аминь.

Слово в первую неделю Великого Поста

Дети, последняя година есть. И якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша (1Ин. 2:18)

Последней годиною, или временем, в приведенном изречении ученик любви Божественной именует все время от первого до страшного пришествия Спасителя на землю. Именем антихриста означается вообще противник Иисуса Христа и Его учения. Противники Иисуса Христа и Его учения, с первых веков Христианства начали и не престанут являться до второго пришествия Христова. Предостерегая нас о сем, чтобы мы не увлеклись каким-либо духом, противным учению Христову, не перешли на сторону врагов Его, и не подверглись вечной гибели, святые Апостолы благовременно указали, что самое противление Евангелию, есть признак вечной гибели для противящихся Ему, и завещали нам твердо пребывать в вере Христовой, не колеблющаясь ни о едином же от сопротивных, еже тем убо есть явление гибели, нам же спасения, и сие от Бога (Флп. 1:28).

Подобным образом и Св. Церковь, умоляя ежедневно Господа о соединении Церквей, о совокуплении во едино стадо расточенных овец Христовых, о просвещении помраченных неверием, в настоящий день, в собраниях более торжественных нежели наше, внушает чадам своим, что пребывающие в единомыслии с ее учением, свидетельствующие веру свою добрыми делами, несомненно приобретают вечное спасение; что противные толки и мнения ненавидящих Св. Церковь, противящихся Ей с злобным упорством суть духа антихриста. И уместно ли в этом сомнение? Если наша Церковь, несомненно, истинная Церковь Христова, то питать к ней злостную ненависть и с упорством отвергать Ея учение не тоже ли, что противиться учению самого Евангелия? Следовательно, злостная ненависть, питаемая некоторыми к нашей Церкви, есть признак верного спасения для сыновей Ее, и вместе с тем явный признак антихриста духа врагов Ее!

Участь истинного учения Христова соединена с судьбой истинных Его последователей – с судьбой Церкви. При самом основании Ее, по откровению Божию, было известно, что учение Иисуса Христа и Его последователи будут предметом всеобщей ненависти мира. Следовательно, один этот признак, не говоря о других, столь ясно указывает на истинную Церковь Христову, что найти ее удобнее, нежели город, построенный на вершине горы.

Возьмите книги Нового Завета, сличите предсказания Духа Святого о судьбе Св. Церкви с самими событиями, и вы удостоверитесь, что не было в мире ни одного учения, ни одного общества, коих участь была бы предсказана с такою точностью, как участь Церкви Христовой. Так, с одной стороны, было предсказано, что восстанут лживые учители с превратными своими толками, *иже внесут ереси погибели* (2Пет. 2:1); что восстанут *нечестивцы, обращающие благодать Божию в случай к распутству* (Иуд. 1:4); что будут *ругатели истины, отвергающиеся искупившаго их Господа* (2Пет. 2:1); что особенно в последние времена многие Христиане *отступят от веры, внемлюще духовом лестьчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своей совестью* (1Тим. 4:1, 2). С другой стороны, в самом начале Христианства было известно, что истинные последователи Христовы будут *ненавидимы всеми народами ради имени Христова* (Ин. 15:19; Мф. 10:22, 24:9); что за одно *исповедание сего имени* они будут *умерщвляемы, убиваемы и презираемы* (Мф.10:18; Мк. 13:9; Мф. 23:34); что их будут *поносить и всячески злословить*; что даже *желающие благочестно жити о Христе гоними будут* (2Тим. 3:12); но что при всех усилиях мира *и врата адова не одолеют Церкви Христовой* (Мф. 16:18).

По таковому предречению Божию, с самого того времени, в которое возникла Церковь Христова, тотчас восстали против нее гонения во всех видах, и не было ни одного века, ни одного промежутка времени, в которое, если по-видимому не самая Церковь, то учение ее не имело бы противников. Так будет и до скончания века. Но хотя лились потоки мученической крови, хотя серпом мучительства пожинаемы были Христиане подобно

колосям на ниве земледельца, хотя Церковь как будто колебалась от устремленных на нее ветров лжеучения, хотя ад потрясал целым миром, чтобы потрясти Церковь: здание ее не рушилось. Иисус Христос, обещавший пребывать в Церкви своей до скончания мира, не только сохранял ее всегда невредимой, поставлял в нее пастырей и учителей к совершению Святых; но даже во всяком столетии прославлял ее подвижников силой чудотворений. Так в прошедшем столетии Иисус Христос прославил у нас Святителей – Димитрия Ростовского, Иннокентия Иркутского, а в наши времена – Митрофана Воронежского.

Где ныне царства и народы, при коих насаждена Церковь Христова? Нравы их изменились, законы забыты, сила их истлела, их деяния сделались притчей, даже имя многих народов исчезло с лица земли. В развалинах градов и твердынь едва приметны теперь следы, потрясавшей некогда вселенную, Римской империи, а Церковь Христова всегда одна и та же. Где теперь Нероны, Диоклитианы, Северы? Где Савеллии, Манихеи, Арии, Нестории и подобные им? Где ныне общество, которое вменяло бы себе в честь называться именем какого-либо древнего ересеначальника? Где общество, о котором можно было бы сказать, что оно следует хотя одному учению из тех, коим следовали древние общества, восстававшие на Церковь? Время извело их на позорище мира, и время поглотило. Такая же участь и новейших лжеучителей. Почему? Потому что всякий сад, егоже не насади Отец Небесный, искоренится (Мф. 15:13). Вследствие такого определения Божия, хотя были времена, в которые различные толки, противные учению истинной Церкви Христовой, озарялись необыкновенным блеском силы и славы, но то были воздушные явления, блуждающие огни, на миг вспыхивавшие и на всегда потухавшие. Одна истинная Церковь и ее учение, во всех обстоятельствах и переворотах мира, страдая под крестом, как и теперь страждет на востоке, но покровительствуемая православным самодержавием, как в нашем отечестве, постоянно сияет одним и тем же светом истины. И хотя иногда собираются окрест Церкви чреватые адской яростью тучи, и

врагам Церкви кажется, будто померк уже свет ее, но на самом деле мрак покрывает врагов Церкви, а для сынов ее всегда сияет свет истины, подобно тому, как при выходе Израильтян из Египта мрак лежал на целом Египте, а для народа Божия солнце сияло во всей силе своей. Посему, если истинная Церковь Христова охраняется особенным промыслом Божиим, то очевидно, что пребывающие в недрах ее с полной надеждой на спасение могут предаться ее руководству, не колеблясь никакими толками, противными ее вероучению.

Но волны тлетворных мнений, воздвигаемых врагом нашего спасения посредством своих служителей, особенно в наши времена восстают на Церковь Христову. Где же найти безопасное пристанище от бесчисленных толков, направленных к потрясению Церкви и увлечению сынов ее в бездну гибели? В самой Церкви, или в молитвенных собраниях ее, и в согласном свидетельстве протекших веков, что наша Святая Церковь чужда всяких нововведений, постепенно ведущих к растлению веры.

Молитвенные храмы нашей Церкви по справедливости можно почесть безопасным убежищем от всех лжемудрований человеческих, потому что в наших храмах ежедневное Богослужение, совершаемое на языке удобовразумительном для сынов Церкви сопровождается такими чтениями слова Божия, молитвословиями и песнопениями, в которых с такой полнотой излагается учение веры и деятельности христианской, что прилежно посещающий храмы нашей Церкви и внимательно слушающий ее чтения, молитвословия и песнопения удобно может приобрести ясные понятия о всех неизбежно необходимых для душевного спасения предметах веры и деятельности христианской. Посему, если ум твой волнуется каким-нибудь тлетворным ветром учения, то, следуя завещанию Св. Апостола, *не оставляй церковного нашего собрания, как у некоторых бывает (Евр. 10:25)*, но старайся чаще участвовать в общественной молитве Св. Церкви, внимай ее молитвословию всем сердцем и всем помышлением, и возноси совокупно с ней из глубины души молитву: *утверждение надеющихся на Тя, Господи! утверди меня на камени веры*

Твоей, и заповедей Твоих! Ты бо еси просвещение сущих во тьме, Ты спасение отчаянных, Христе Спасе мой, веселится о Тебе сердце мое и поет Тя дух мой (Ирмос, глас 6, п. 3)!

Но обращающемуся в мире невольно иногда случается слышать хитросплетенные мнения, коими враги истины думают затмить истину вероучения нашей Церкви. От приражения таких толков легко может защитить тебя свидетельство протекших от начала Христианства веков, что наша Церковь ни в чем не изменила первобытного учения веры, не допустила в недра свои никаких нововведений. Ибо если сначала Христианства в продолжение целых веков так, а не иначе, учила вся вселенская Церковь, как исповедует и учит наша Святая Церковь, то истина учения ее не может подлежать никакому сомнению; напротив, малейшее уклонение от первобытного учения вселенской Церкви, сколько бы оно ни было благовидно, ведет к заблуждению, и никогда не сойдется с истиной: как не могут сойтись две черты, проведенные в противоположном одна от другой направлении. Например, скажем, не для пререкания кому-либо, а для утверждения нашего в истине, есть Христианские общества, в которых считается излишним приобщать всех Христиан от Чаши Господней. Слушая их умозаключения, иной, не зная дела, может увлечься ими. Но кому известно, что сначала Христианства в тех самых Христианских обществах, в которых теперь отнята от мирян чаша крови Господней – слишком тысяча четыреста лет все Христиане приобщались Тела и Крови Господней, под видами хлеба и вина, и нет еще пяти веков, как последовало в тех обществах новое о сем высочайшем таинстве учение, то для всякого становится очевидным, что дух такого учения противен ясным словам Спасителя, который в слух окружавшего Его народа изрек: *аще не снете Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе (Ин. 6:53)*. Есть общества, отвергающие установленную Спасителем иерархию, Апостольские предания, даже Таинство Покаяния, и сами сознаются, что их вероучение и толки начались не более, как за три века до нашего времени, других еще позже, и достоверно известно, что никогда во всей Христианской древности не было

ни одного Христианского общества похожего на их общины. Чего же более нужно для убеждения нашего в истинной вере Христовой? И не опасно ли увлекаться неосновательными, зыбкими мнениями таких обществ, которые в наше время сами по себе разрушаются!

Так, братья, не может быть и нет благонадежнее к душевному спасению тех путей, которыми руководствует нас Св. Церковь. Будем же внимательны к ее материнским внушениям. Она умоляет нас словами Св. Апостолов: *блюдитесь от творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже вы от нее научистесь. Пребывайте (Рим. 16:17), твердыми в отеческой вере в том же разумении и в той же мысли (1Кор. 1:10), не колеблющиеся ни о едином же от сопротивных, еже тем убо есть явление погибели, вам же спасения, и сие от Бога (Флп. 1:28). Аминь*

Слово в день Торжества Православия

Аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет (Гал. 1:9)

Ни одним действием Святой Церкви не поражаются столько враги ее, сколько тем, которое Церковь положила совершать в настоящий день. «Какая», говорят, «неумеренная строгость! к чему и за что предавать людей анафеме?» – Но если бы сии совопросники потрудились вникнуть в дело и с ним сообразить свои суждения, то сами бы устыдились своих восклицаний: с одной стороны, потому, что если они не отреклись еще христианского имени, то при малейшем беспристрастии легко могли бы усмотреть, что открытое исповедание Церковью Православной веры, соединенное с отвержением противного учения, есть только повторение того суда, который Св. Церковь совершала с начала основания своего, и что посему, если бы Церковь отменила это древнее постановление; то тем самым уклонилась бы от первобытного своего устроения, и не была бы уже точно такой Церковью, какую основал Иисус Христос; с другой стороны, ропот противников Церкви неоснователен, потому что торжественное исполнение столь древнего постановления имеет значение совершенно противное тому, какое о нем составили себе враги православия. Что Св. Церковь в этом духе действовала со времен Апостольских, – это, между прочим, очевидно из приведенного изречения Св. апостола Павла, который говорит: *аще кто вам благовестить паче, еже приясте, анафема да будет!* Что противникам Церкви не за что оскорбляться, когда она тот же суд изрекает по отношению к ним – это показывает самое значение не только слова «анахема», но и всего предстоящего проследования. Что же значит изрекаемая Церковью на врагов своих анафема? Отлучение их от общения с ней. Что значит вообще предстоящие молитвословия и провозглашения? Предание упорных противников Церкви суду Божию. Но не сами ли они произвольно чуждаются Церкви и, уклоняясь в деле христианского благочестия от суда ее, подвергают себя суду

Божию? Следовательно, открытое исповедание Церковью православия, соединенное с отвержением противным ему учений, не заключает в себе ничего враждебного по отношению к врагам Церкви. Оно только предостерегает истинно верующих от духовного общения с врагами православия и указывает на гибельные последствия отпадения от Церкви.

Настоящее исповедание Церковью православной веры и отвержение враждебных ей учений, по отношению к истинно верующим есть открытое указание на врагов Церкви для предостережения сынов ее от духовного общения с ними. Стоит только вслушаться в чтения, предшествующие и сопровождающие провозглашение анафемы, – и всякий без труда может уразуметь, что Церковь, указывая ныне на врагов истинно христианского учения, как бы так взвывает к сынам своим: «Вот враги матери вашей и вашего спасения! Многих из них некогда я отродила купелью Св. Крещения, укрепила для жизни по Богу благодатью Духа Святого, питала Телом и Кровью Господа моего, облегчала их данной мне властью от бремени греховного, благословляла брачные их союзы и чадородие, возносила до небес надежды их удостоверением в Евангельских обетованиях, руководила их посредством своих Пастырей, исцеляла душевные и телесные их раны елеем небесного милосердия. Чем же они воздали мне за толикие благодеяния? Будучи моими детьми сочли себя мудрее своей матери; требуя сами воспитания, возмечтали, что могут быть моими наставниками; вместо должного подчинения, дерзнули сделаться моими судьями; будучи сами омрачены суеверием, называют мои уставы предрассудками; блуждая в непроницаемой тьме самых нелепых умствований, считают мраком свет небесного учения; вместо того, чтобы по крайней мере вникнуть в сие учение, кощунствуют и злословят то, чего даже не понимают. Так, провозглашение анафемы есть вопль Церкви, болезнующей о том, что враги благочестия, презрев в буйстве сердца материнские ее увещания, сокрушили легкое иго Христово, свергли благое бремя Спасителя, преогорчили Церковь до глубины духа ее, и старались поражать ее всеми оружиями злобы, изощряли смертоносные мечи на ее пагубу;

что хотя промысл Спасителя, защищая Церковь своим всемогуществом, показал всю ничтожность злонамеренных усилий врагов Церкви, но сии исчадия доселе не престают скрежетать на нее зубами своими, угрожать ей развращением сынов ее. Посему Церковь как бы так умоляет верующих: «Берегитесь врагов моих, дети мои, берегитесь их, чада веры и упований небесных! Не участвуйте в нечестивых совещаниях лжеучителей; не внимайте их коварным внушениям, не ходите по распутиям хитросплетенного их мудрования, не причиняйте мне новых огорчений отчуждением от любви моей. Нет большего мучения для матери, как отречение от нее детей ее! «Меня», внушиает Церковь, «терзали неистовые гонители, проливали кровь мою мучители, восставали на меня целые народы, свирепствовали против меня все силы адовы. Но преследования врагов, обравшись в утешение мое, составили славу мою. Цари язычествовавшие преклонились перед крестом Господа моего; народы покорились игу Евангелия, ослабили даже силы адовы, а злоба отступников моих доселе не престает свирепствовать. Ах! В се претерпленные мной бедствия были для меня менее мучительны, нежели то, что меня отреклись дети мои; гнушаются мной те, для спасения коих я неоднократно была в муках рождения. «Хотите ли, дети веры», продолжает Церковь, «хотите ли иметь хотя общее понятие о врагах моих? Это те, которые, начиная с Иуды-предателя, увлекаемые то корыстолюбием, то своеволием, то надменной о себе мечтательностью, предали тайны Царствия Божия на поругание неверия. Многие из них не только отвергались меня, но даже отреклись Господа, искупившего их, попрали заветную кровь Его, укорили благодать Духа Святого, нарекли благочестие нечестием, и переходя от одного своеволия к другому, предались такому буйству, какому не предавались народы, не познавшие Господа; впали в такое ослепление, что дерзают не признавать промысла Божия, управляющего судьбами мира; неистовствуют, мятутся, крамольствуют! «Казалось бы», внушиает еще Церковь, что, «причинив матери своей столько огорчений, стократно устремляясь на ее поражение и видя тщету своих усилий,

надлежало уже иссякнуть неистовству врагов моих, но злоба их тем более свирепствует, чем безнадежнее их усилия. И вот злобствуют на Церковь и за то, что она открыто предостерегает ныне детей своих от коварства своевольников, обличает отступление, что Церковь не может признавать их детьми своими. А разве может любящая мать удержать себя от того, чтобы не предостеречь детей своих от путей погибельных? Или надлежит безмолвно уступить легкомыслию своеволия, удивляться пустословию нечестия, признавать за истину ложь и безумие, и ожидать пока исчадия зла не увлекут всех сынов веры на путь растления, пока не угасят светильника слова Божия, доколе не помрачат света небесной истины, доколе всего мира не превратят в царство зла и не утвердят на земле его со всеми ужасами ада?».

Предостерегая детей своих от общения с ненавистниками Православия, Церковь Св. вместе с тем предает врагов своих, или лучше сказать, дело свое суду Божию, но паче всего умоляет Бога об озарении заблудших светом небесной истины. Так, не исключая самой себя из всеобъемлющего правосудия Божия и постоянно ожидая явления славы Господа своего, грядущего судить живых и мертвых, Церковь Св. не престает желать врагам своим спасения и для сего ежедневно умоляет Господа: да обратятся они от путей беззакония и приидут в недра ее, да смягчит благодать Божия жестокосердие противящихся слову Евангелия. Но постоянно испытывая непримиримую злобу врагов своих и сокрушаясь о погибели детей своих, совращаемых противниками на путь нечестия, Церковь Св. как бы так взвывает к Спасителю: «Суди мне, Боже, и рассуди прою мою! Знаю, что в предопределенный день Ты приидешь судить вселенную в правде, и народы земли в силе Твоей. Но яви промышление Твое о мне еще прежде пришествия своего, да не до конца нечестивые расхищают наследие Твое. Суди мне, Господи, суди обидящих меня! Преклони очи Твои на дело мое, суди суд мой, и оживотвори меня оправданием Твоим!». Не есть ли эхо глас чадолюбивой матери, преогорченной злобой врагов своих, непристающей желать им спасения, но трепещущей о том, чтобы дети веры, ею

руководимые, не уклонились на путь погибельный? О, воистину! только одна злоба, невежество и предрассудки, неверия могут давать превратный толк действиям Церкви. Но если б ее хулители руководствовались беспристрастным образом мыслей, то сами могли бы свидетельствовать, что ни одно из обществ, именующихся Христианскими, не поступает с такой кротостью с иноверцами, с какой обращается наша Православная Церковь с своими врагами; так, они сами признали бы матернюю любовь ее во всех ее действиях, потому что наша Церковь, как целому свету известно, никогда не преследовала врагов своих мечем и пламенем, не употребляла насилия к обращению кого-либо в недра свои, никого не предавала мучениям в ограждение своего учения, не проповедовала Евангелия с мечем в руках, не возгнетала костров исступленной ревности, как было на Западе. Только перст Божий, промыслом своим нередко показывал, что суд, изрекаемый Церковью на упорных противников ее, подтверждается судом Самого Бога, что Он Сам защищает Церковь Свою, что по словам Спасителя, *связанное Церковью на земле связывается на небе* (Мф. 18:18), что Церковь как дело Самого Бога, пребудет до скончания мира непреодолимой!

И подлинно, чья сила, если не Божия произвела то, что Православная Церковь, ненавидимая миром и преследуемая врагами, со времени основания своего доселе пребывает непоколебимою, что ни мучения исповедников ее, ни ухищрения лжеучителей, ни даже силы адовы не могли потрясти ее основания, изменить догматов ее учения; что тогда, как могущественнейшие царства рушились, народы исчезли с лица земли, забыты их наречия, законы, обычаи, Православная Церковь со всеми своими уставами доселе пребывает в первобытном виде своем? Чей гнев, если не Божий совершил то, что ныне едва имена одни известны Гностиков, Савелиан, Манихеев, Ариан и других бесчисленных еретических обществ, дышавших некогда всею злобой на Церковь Христову? Что, если не суд Божий довел некоторые Христианские общества до того, что с того времени, в которое отделились они от древнего единения с восточной Церковью, с того самого времени, допустив сперва в деле веры нововведения, потом как по

некоей покатости устремились в превратные мудрования, увлекаясь всяким ветром учения, раздробились на бесчисленные, так называемые, преобразования ни в чем с собой несообразные, одно другому совершенно противные? Чей суд, если не Божий, усматривается в том, что лжеучители, отделившиеся от Церкви в нашем отечестве, тотчас после своего отступничества раздробились на бесчисленные, друг другу противные толки, коих последователи взаимно ненавидят себя до того, что самое сближение между собой считают осквернением? Чья казнь, если не Божия, производит то, что всякий упорный презритель благочестия, осуетившись помышлениями своими, доходит до такого умственного омрачения, что, предавшись постыдным страстям, влечит дни свои без надежды на высшую жизнь, находит услаждение в одних грубых удовольствиях и отчужденный от жизни Божией, прозябает подобно ядовитому растению, годному только на сожжение!

Так, имеющий очи неомраченные предрассудками неверия, обращая безпристрастный взор на судьбу врагов Церкви, не может не видеть, что их наказывает самое отступление, что над ними еще в сей жизни совершается суд Божий, предварительно определяющей их вечную участь. Вместе с тем, обращая внимание на судьбу Церкви Христовой, легко можно убедиться, что ее руководствует, защищает и сохраняет всемогущая сила Начальника и Совершителя веры, Господа нашего Иисуса Христа, что Он ощутительно пребывает в Церкви Своей, по Своему обетованию, что посему искренно желающий спасения, не колеблясь никаким ветром сомнения, с полной надеждой может предать себя руководству Церкви Святой. Да и к кому нам идти для познания путей, ведущих в жизнь вечную? Пути, по которым устремились враги Церкви Христовой, столь многочисленны, так перепутались, что при внимательном взгляде на них можно прийти в неразрешимое недоумение, который из них лучше. С другой стороны, не опасно ли, оставив путь спасения, проложенный Апостолами, мучениками и святыми Отцами, искать новых путеводителей? Ах, куда доведет такая пытливость? *Поведаша нам мудрые века сего*

глумления свои, но не яко закон Твой, Господи (Пс. 118:85), – не то, что учение Церкви Твоей – сладостное для души, вожделенное для сердец, ищущих Тебя, Спаситель! Ты насадил в Церкви Твоей глаголы живота вечного; в ней осязательно проявляется божественная сила Твоя во спасение всякому верующему, так что мы несомненно знаем, в Кого и чему веруем, знаем и удостоверены, что Ты сохранишь залог нашего упования до страшного Твоего пришествия. Но Господи! коснись сердец врагов Церкви Твоей, озари слепому ума их светом Твоим, ниспосли в сердца их дух умиления, умягчи их жестокосердие, да не будут страдания и кровь Твоя в их осуждение, но да притекут заблудшие во двор Твоей Церкви, и будут сынами вечного Твоего Царствия! Аминь.

Во вторую неделю Великого Поста (о заповедях Божиих)

Сия бо есть любы Божия, да заповеди Его соблюдаем (1Ин. 5:3)

По изречению Божественного писания, *вера без дел, братья, мертвa есть* (Иак. 2:26). Сам Господь наш Иисус Христос сказал: *не всяк глаголяй Mi: Господи, Господи!* – конечно по вере безплодной и мертвой, – *внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7:21). Значит, несомненный признак того, – в благодатном ли мы состоянии, пребываем ли мы в вере, проникнуто ли сердце наше ее спасительными истинами – состоит в исполнении заповедей Божиих, потому что истинная и живая вера, представляя в истинном свете наши отношения к Творцу и Промыслителю и ближним нашим, побуждает нас поступать так, чтобы жизнь наша была выражением полной подчиненности воле Божией во всех отношениях наших.

1. По духу Евангелия вся ваша деятельность – наши мысли, желания и действия должны происходить из любви к Богу и ближнему. *Возлюбиши*, заповедал Спаситель, *Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всею мыслию твою, и возлюбиши искренняго твоего яко сам себе* (Мф. 22:37–39). А чтобы люди знали как любить Бога всем сердцем, всей душой, всем разумением своим, и как любить ближнего, Бог дал святой Закон Свой, в котором, во-первых, заповедал: *Аз есмъ Господь Бог твой: да не будут тебе бози ини разве Мене* (Исх. 20:2,3). Сия заповедь требует от нас, иметь живую уверенность в бытии Бога, Существа всесовершенного (Аввак. 2:4. Евр. 11:6), всемерно стараться в возрастах в познании Его (Иер. 9:23, 24), а для его упражняться в чтении Священного Писания (2Тим. 3:16,17) и других душеспасительных книг, или внимательно слушать их чтение, также церковные поучения и благочестивые разговоры о Боге, о промысле Божием, дела Его в Церкви (1Сол. 5:11), во всех обстоятельствах жизни нашей обращаться к Нему единому (Пс.

42:5), на Него единого возлагать всю надежду свою (Рим. 8:31), поступать осмотрительно до того, чтобы все дела и мысли наши были проникнуты благоговейным чувством вездеприсутствия и всеведения Божия (Быт. 17:2), почитать гнев Его высочайшим для себя несчастием (Быт. 39:9), безропотно во всем покоряться Его воле (Втор. 11:13, 14), прославлять Его (Пс. 21:24), как всесовершенного, благодарить Его, как Промыслителя и Спасителя нашего (1Сол. 5:18), призывать Его как всеблагого и всемогущего (Пс. 49:15), исповедовать Его устами и святостью жизни (Пс. 104:1), быть послушным сыном св. Церкви Его (Мф. 18:17), и воздавать Богу поклонение, по ее руководству (Евр. 10:25), как Существу высочайшему. Но так как мы большей частью бываем осквернены грехами до того, что и молитвы наши нечисты, безжизненны, недостойны святости и величия Божия, то руководствуемые Церковью Святой, почитая действующую во святых Ангелах и Угодниках Божиих благодать Его, по чувству своего непостоянства, просим их о подкреплении наших молитв своим представительством у Бога. В сем случае мы поступаем подобно тому, как имея нужду в земных благах, хотя все они, собственно, суть дары Божии, обращаемся с просьбой о наделении нас ими к земным благотворителям.

Если такого поклонения Богу требует от нас первая Его заповедь, то явно, что против нее согрешают безбожники, которые, по ожесточению в беззакониях, страшась суда Божия, стараются заглушать вопли своей совести безумной мыслью, будто нет Бога (Пс. 13:1); неверующие Божественному провидению и писанию, помраченные в разуме до того, что вместо одного истинного Бога, признают многие мнимые божества; еретики, примешивающие к учению веры мнения противные слову Божию; раскольники, своевольно уклоняющиеся от единой истинной Церкви Божией; писатели, подрывающие своими сочинениями истины веры и правила нравственности; отчаивающиеся в благодати и милосердии Божиим; волшебники, действующие тайными, злыми силами тварей, в особенности злых духов, и суеверы, надеющиеся на какие-нибудь пустые слова или обыкновенные вещи, как будто

бы на Божественную помощь; полагающие свою надежду на богатство (Пс. 51:9), на разум и силу свою (Пс. 48:7), или на других людей (Иер. 17:5).

2. Требуя от нас всецелой любви, Бог запретил делать кумиры, кланяться и служить идолам. *Не сотвори*, заповедал Господь, себе кумира, и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу, и елика в водах и под землею, да не поклонишися им, ни послужиши им (Исх. 20:4,5). Сею заповедью не воспрещено употребление св. икон, которые мы, по уяснению Св. Церкви, не богоотворим, но почитаем как священные изображения, или письмена дел Божиих и Святых Его; а взирая на иконы, возносим ум и сердце наше к самому Богу и Святым Его. Ибо пророк Моисей, через которого Бог запретил делать кумиры, устроить, по повелению Божию, над ковчегом Завета херувимов и повелел украсить различными изображениями завесу Скинии. Следовательно, второй заповедью как не всякое изображение, так и не всякого рода поклонение им воспрещается.

В глубокой древности люди до той степени были помрачены смыслом, что поклонение, подобающее одному истинному Богу, воздавали идолам, т. е. сделанным руками человеческими изображениям существ вымыщленных, также птиц, четвероногих и гадов, почитая идолов своими Божествами. Христианская вера, светом учения своего, рассеяла такое помрачение ума, до той степени, что теперь только в отдаленнейших странах мира, где люди не имеют никакого образования, есть еще такие грубые идолопоклонники. Но и между нами, братья, водится род идолопоклонства, хотя не столь приметный, потому что все, к чему мы пристраемся до забвения Бога, есть наш идол. Пристрастен ли кто к золоту или серебру? корыстолюбие есть его идол (Кол. 3:5). Поставляет ли кто высочайшим своим блаженством чувственные наслаждения? чревоугодие есть его идол (Фил. 3:19). Употребляет ли кто наружные дела благочестия, – пост, обряды и молитву единственно для приобретения народного уважения, не стараясь о внутреннем исправлении своего сердца? его идол лицемерие (Лк. 12:1). Ценит ли кто выше всего свои способности, телесную красоту,

или какие-нибудь преимущества? его идол тщеславие (Дан. 3). Посему-то Пророк внушиает: *богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс. 61:11); а Спаситель говорит: *иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин, и иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10:37). Верный Евангельскому учению Христианин пользуется благами мира сего с таким беспристрастием к ним, как бы не пользовался ими (1Кор. 7:31), старается умерщвлять свои страсти (Кол. 3:5) постом и воздержанием, и делая всякое добро втайне (Мф. 6:3), в чувстве духовной нищеты, признает себя грешником безответным перед правдой Божией (Лк. 17:10).

3. Любящий Бога всем разумением своим благоговеет к великому и страшному Его имени, тем более, что сам Бог при сотрясении Синая изрек: *Не возмеши имене Господа Бога твоего всуе* (Исх. 20:7). Какое страшное совершают беззаконие богохульники, произносящие дерзкие слова против Бога, ропотники, жалующиеся на Его пророчество, обращающие в шутку или поругание священные предметы веры, невнимательные к произносимой устами молитве, утверждающие клятвой то, чего нет, или не исполняющие справедливой законной клятвы и нарушающие данные Богу обеты, также клянущиеся именем Божиим легкомысленно, по одной безрассудной привычке в обычновенных разговорах. Во избежание таких грехов истинный Христианин старается жить столь честно и свято, что ему верят, когда он скажет о чем: *ей, ей, или: ни, ни* (Мф. 5:34,37)! и только в важных, необходимых случаях, по требованию законной власти, во свидетельство истины, он употребляет с благоговением и клянется именем Божиим.

4. Зная, что все, чем мы в сей жизни пользуемся, имеем от Бога, что по Его милости живем, движемся и существуем (Деян. 17:28), мы, по чувству благодарности, должны всегда возносить свои мысли и сердце к Богу, начинать и оканчивать молитвой каждый день, молиться прежде и после принятия пищи, в начале и по окончании всякого дела, посвящать особенные времена исключительно для общественного Богослужения и благочестивых упражнений. Сего требует врожденное нам

чувство зависимости от Бога и положительный закон Его: *помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай и сотвориши (в них) вся дела твоя: в день же седьмый, суббота Господу Богу твоему* (Исх. 20:8–10). Под именем субботы как в ветхозаветной, так и в новозаветной Церкви разумеется не только седьмой день, посвящаемый Богу, каждой седмицы, но и другие дни празднования или поста, во славу Божию, в честь Пресвятой Богородицы и Святых Еgo. В такие дни, Св. Церковь предписывает каждому Христианину, оставив обычные свои дела и занятия, приходить в храмы Божии на утренние и вечерние молитвословия, участвовать мыслью и сердцем в принесении Богу бескровной жертвы, со вниманием слушать церковные поучения, а после общественного Богослужения заниматься молитвой и чтением слова Божия или душеспасительными разговорами в домах своих, посвящать что-нибудь из своего имения на нужды Церкви и служащих ей, также на благотворение неимущим, посещать больных и заключенных в темницах. Долг совести возлагает еще на нас обязанность строго соблюдать учрежденные Церковью посты и другие постановления, потому что послушник Церкви не покоряется самому Духу Святому, живущему ней (1Сол. 4:8. Ин. 14:16), и, следовательно, столько же согрешает, как грешат те, кои в противность заповеди Божией без очевидной и крайней необходимости занимаются в воскресные дни работами, или, что еще хуже, – предаются пьянству и бесполезным забавам, или заводят соблазнительные игры, отвлекая тем и других от поклонения Богу вместе со всей Церковью.

5. Любовь к ближнему определяется мерой любви каждого человека к самому себе: *яко же хощете да творят вам човецы, и вы творите им такожде* (Лк. 6:31), сказал Спаситель. Но Бог и на земле (Еф. 3:15), для явления нашего в мир сей даровав нам родителей, насаждает в их сердце самую попечительную о нас любовь, особенно в младенческом нашем бессилии, и посему заповедал: *Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет и да долголетен будеши на земли* (Исх. 20:12). Итак, первый долг всякого человека в общежитии почитать своих родителей, повиноваться им (Еф. 6), питать и

покоить их во время старости (Тов. 4:3,4. Притч. 23, 22), по кончине же их молиться о спасении душ их. А как Государство, коего законы защищают нашу безопасность, есть как бы одно великое семейство, которого Отец есть Государь, пекущийся о благосостоянии всех и каждого, то любовь наша к Царю и Отечеству должна простираться до готовности положить за них жизнь свою (Ин. 15:13). Кроме сего, место родителей заступают для нас Пастыри и Учители духовные, потому что они учением и таинствами рождают и воспитывают нас для жизни вечной (Евр. 13:17), и потому также достойны нашего почтения, равно как и все начальствующие господа, воспитатели, наставники, благотворители и старшие возрастом (Рим. 13:1, 2; 1Пет. 2:13, 14, 17; 1Тим. 5:1, 2). Посему Бог повелевает нам покоряться всякой власти (Рим. 13:1, 2), отдавать всякому что должно: *ему же дань, дань; ему же страх, страх; ему же честь, честь* (Рим. 13:7). Раби, говорит божественный Апостол, *послушайте господий своих по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божию от души* (Еф. 6:5, 6); раби, *повинуйтесь во всяком страсе владыкам, не токмо благим и кротким, но и строптивым* (1Пет. 2:18). Повелевая нам поступать таким образом, слово Божие предает проклятью всякого не почитающего своих родителей (Втор. 27:16), признает достойным смерти всякого мятежника, неповинующегося властям (Втор. 17:12. Числ. 16), всякого строптивого своевольника (Втор. 21:17. 21), и осуждает всякого не покоряющегося здравому учению Пастырей Церкви (Евр. 13:17). Но, с другой стороны, тоже слово Божие заповедует отцам не огорчать детей своих (Еф. 6:4), пастырям Церкви – быть бескорыстными (1Пет. 5:2,3); от господ требует доставлять рабам и слугам все должное им и справедливое, помня, что над всеми есть Господь и праведный Судья на небеси (Кол. 4:1).

6. Для человека жизнь всего дороже на земле. Посему Бог, воспрещая всякую обиду ближнего, прежде всего, заповедует: *Не уби* (Исх. 20:13). Убийство есть злобное отнятье жизни у ближнего, каким бы то ни было образом. Но как, во время

путешествия Израильтян по пустыне, сам Бог устроял брани (Числ. 31), и для ведения их назначал полководцев (Исх. 17:10), а Спаситель похвалял веру сотников (Мф. 8:10), упоминаемых в Евангелии, то очевидно, что сей заповедью не воспрещается поражение неприятелей на войне за Государя и Отечество, потому что воин жертвует собственной жизнью и умерщвляет врагов, защищая отчество. Не должно также считать беззаконным убийством, когда, преступника наказывают смертью по правосудию. Но совершают убийство осуждающие подсудимого, которого невинность им известна; подлежит суду Божию, как убийца, и тот, кто укрывает или освобождает убийцу; кто не избавляет, хотя может, ближнего от смерти, например, когда богатый допускает бедного умереть с голода; кто чрезвычайным отягощением и наказаниями доводит подчиненных до преждевременной смерти; кто пьянством, иди развратом, сокращает жизнь свою. Убийца и тот, кто соблазняет и совращает ближнего в неверие, или беззакония; потому что тем подвергает душу ближнего смерти духовной (Мф. 18:7); а по изречению Св. Иоанна Богослова даже всякой ненавидящий брата своего есть человекоубийца (1Ин. 3, 15). Посему, во избежание таких грехов, мы должны помогать бедным (2Кор. 9:7, 9), служить больным (Мф. 25:36, 45), утешать печальных (1Сол. 5:11), облегчать состояние бедствующих (Иак. 1:27), со всеми обходиться кротко (Фил. 4:5) и назидательно (Рим. 14:19), примиряться с гневающимися (Еф. 4:26, 27), прощать обиды и благотворить врагам (Мф. 5:44).

7. Основание семейственного счастья составляет любовь и верность супругов. С сей целью Бог изрек: *Не прелюбы сотворити* (Исх. 20:14.) А Св. апостол Павел, определяя взаимные отношения супругов, говорит: *мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюби Церковь* (Еф. 5:25); *жены, своим мужем повинуйтесь, якоже Господу; зане муж глава есть жены* (Еф. 5:22, 23). Помните, что жена своим телом не владеет, но муж, *такожде и муж своим телом не владеет, но жена* (1Кор. 7:4). Вообще, по слову Спасителя, всякое воззрение с похотствованием есть уже беззаконие (Мф. 5:28) и в очах всеведения Божия преступно; а по учению Св. Апостола, тела

наши суть храмы Св. Духа (1Кор. 6, 19); горе тому, кто растлить храм Божий (1Кор. 3:17). Между Христианами даже именоваться не должны гнусные и скверные беззакония (Еф. 5:3). Посему, мы должны избегать всего, что может возбудить в сердце мерзкие, нечистые чувствования, как-то: должны избегать сладострастных песен, плясок, сквернословия, нескромных игр, шуток, зрелищ и всего того, что нас соблазняет и увлекает в растление нравов и грехопадения.

8. Бог, сотворив человека для труда, и предопределив, чтобы мы трудами рук своих снискивали себе пропитание, повелел: *Не укради* (Исх. 20:15); т. е. запретил нам присваивать себе все, что принадлежит другим, как то: запретил воровать или похищать чужие вещи тайно, грабить явно или отнимать их насильно, жить лукавством и обманами, употреблять в купле и продаже подложную монету, неправильные весы и меру (Притч. 20:10), укрывать воров и хищников, не платить долгов и не исполнять данных обязательств. По смыслу сей заповеди согрешают также мздоимцы, которые берут плату с подчиненных, или подсудимых за дело управления или правосудия; также, тунеядцы, получающие за должность или за дело плату, и не исполняющие своих обязанностей; лихоимцы, с нарушением справедливости обращающие в свою пользу чужую собственность, труды и даже бедствия ближних. Особенно оскорбляют Бога святотатцы, похищающие или присваивающие себе то, что благочестивыми людьми посвящено во славу Божию. В противоположность сим беззакониям от Христиан требуется бескорыстие, верность в данном слове и делах, правота и милосердие к бедным, потому что, если все, что мы имеем, принадлежит Богу, а избыток дается нам промыслом Божиим для вспоможения бедным, то, не уделяя им от нашего избытка, мы тем самым похищаем или утаиваем собственность их и Божию. Неимеющие сострадания к бедным тем большему подвергнутся осуждению, что были и есть люди столько ревнующие о подвигах благочестия, что, отрекшись, по слову Спасителя, собственности (Мф. 19:21, 27), провождают жизнь во славу Божию в совершенном нестяжании.

9. Бог истины и правды, ненавидя всякую ложь, заповедал: *Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна* (Исх. 20:16). Сего заповедью запрещается нам не только свидетельствовать неправедно на кого-либо в суде, или доносить и жаловаться ложно; но запрещается также клеветать на кого-либо заочно, или порицать ближнего несправедливо в лицо. Только поставленным судьям и призванным к тому особенной должностью позволительно судить о действительных пороках или недостатках ближнего; но вне суда и должности никто не имеет на сие права. *Не судите*, говорит Евангелие, да *не судими будете* (Мф. 7:1). Никого не осуждай, потому что ближний твой или не подлежит твоему суду (Рим. 14:4), или не сделал того, в чем ты его осуждаешь (Быт. 39, 11–20), или принес уже покаяние во грехах своих, и Бог простил его (Лк. 18:13, 14). Запрещая же осуждать, искренняя любовь внушает защищать истинную славу и доброе имя ближнего; удерживать себя и от такой лжи, при которой нет намерения вредить ближнему (1Пет. 3:10); ибо слово Божие говорит: *отложи лже, глаголите истину кийждо ко искреннему своему; всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, и не оскорбляйте Духа Святаго Божия, о Немже знаменастеся в день избавления* (Еф. 4:25, 29, 30).

10. Наконец, требуя точного исполнения во всех отношениях своего закона, правда Божия запрещает не только худые дела, но и худые желания и помышления; потому что в очах всеведения Божия и мысли наши суть действия, и когда в душе есть худые желания (Иак. 1:14), то она уже не чиста пред Богом и не достойна Его (Притч. 15:26), и от мыслей, как от семян родятся дела греховные (Иак. 1:14). Из сего явно, что точное исполнение закона Божия состоит в том, чтобы не только не делать, но даже не думать о том, не хотеть, не желать того, о чем помышляет, чего хочет, желает сердце наше в противности воле Божией. А Бог, запрещая все виды зависти и греховные помышления, говорит: *Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего* (Исх. 20:17). Посему, из опасения

нарушить сию заповедь, должно хранить чистоту своего сердца и быть довольным своей участью.

Таким образом, Бог, объявив нам, в чем состоит воля Его благая и совершенная, что должно делать и чего не делать, как бы предложил нам на выбор – добро и зло, жизнь и смерть (Втор. 30:15). Блажен человек, исполняющий закон Божий, потому что Бог за соблюдение Своего закона благословляет человека Своей милостью и щедротам в настоящей жизни и дарует ему бесконечное блаженство в вечности (1Тим. 4:8). Горе человеку, раздражающему Бога преступлением Его заповедей, потому что хотя бы грешник казался в сей жизни счастливым, но его ожидает вечная нечастная участь в геенне огненной. Посему, братья, если мы усматриваем в себе грехи, если совесть обличает нас в преступлении заповедей Божиих, то не умедлим принести искреннее покаяние, которое состоит в болезненном сокрушении сердца о том, что мы оскорбили благость Божию преступлением Его закона, в твердой решимости впредь избегать грехов, во всемерном усилии вознаградить, по возможности, обиду, нанесенную нами ближнему, и загладить причиненные нами соблазны противоположными им добрыми делами. Так, если мы обесславили чье-либо доброе имя, должны сознаться в лживости нашего злоречия перед его свидетелями; если тайно или насильно усвоили себе чужую вещь, должны возвратить ее, кому она принадлежит, с праведным вознаграждением за пользование ей; если кого-либо оскорбили строптивым словом или поступком, должны просить в том прощения; если были нечувствительны к бедствиям ближнего, правда Божия требует от нас щедрого участия в судьбе несчастных; если своеволием и рассеянностью увлекли кого-либо в растление нравов, Евангелие внушает умертвить в себе страсти строгим воздержанием, а святостью жизни своей показать, что мы гнушаемся прежними своими поступками. Без сих условий не заграждаются неправды греха, невозможно победить греховных привычек и испросить у Бога прощения грехов наших. Только ради покаяния, засвидетельствованного решительным исправлением жизни нашей, Отец Небесный прощает нам наши прегрешения, вменяет нам праведность

Господа нашего Иисуса Христа и спасает нас Своей благодатью.
АМИНЬ.

Слово во вторую неделю Великого Поста

Видев же Иисус веру их, глагола разслабленному: чадо, отпускаются тебе грехи твои (Мк. 2:5)

Упоминаемые в нынешнем чтении Евангелия носившие расслабленного, не могли протиснуться с ним сквозь толпу народа до Спасителя, раскрыли кровлю дома, в котором Господь собравшемуся народу говорил слово свое, – и спустили к ногам Иисуса Христа одр, на котором лежал расслабленный. Столь крепкая вера в Божественное всемогущество Спасителя, вера, очевидно, одушевленная надеждой на Его милосердие, заслуживала соответственную награду. Почему Иисус Христос, видя веру их, сказал расслабленному: чадо, отпускаются тебе грехи твои! востани, и возми одр твой и иди в дом твой (Мк.2:5,11). Бывший расслабленный тотчас встал, взял одр свой, и вышел при всех!

Сверхъестественное исцеление сего расслабленного, вразумляя нас, что бедствия, а особенно болезни наши происходят от прирожденного нам и произвольных наших грехов, показывает, что един Иисус Христос есть всемогущий врач душ и телес наших, а вместе с тем наставляет нас, что желающим исцеления душевных язв и недугов в таинстве покаяния, необходимо предварительно возбудить в себе веру и надежду, внушаемые нам Евангелием.

1. Сколько необходимо, приступая к Таинству Покаяния, возбудить в себе молитвенными вздохами и размышлением веру в Евангелие, а особенно усвоить себе всем сердцем веру в ту утешительную для грешника истину, что Иисус Христос есть Искупитель наш от законного проклятия и вечной смерти, – очевидно, из того, что без внутреннего, несомненного убеждения в истинах веры Христовой тщетно грешник будет надеяться на милосердие Божие, потому что, собственно, в нас ничего нет достойного помилования Божия; – тщетно будет помышлять об исправлении своей жизни, потому что все, еже не от веры, по свидетельству Духа Святого, грех есть (Рим. 14:23); что без побуждений к подвигам благочестия,

представляемых нам истинами веры, закон есть мертвая буква, не умеющая в себе силы заставить нашу волю покориться ему, и содействовать нам в исполнении заповедей Божиих. В сем отношении вера есть такой дар благодати Божией, что кроме сего дара ни на земле, ни на небе нет другого средства для спасения человека. *Благодатию бо есте спасени чрез веру, [и сие не от вас, Божий дар] (Еф. 2:8).* И кроме Иисуса Христа *несть иного имене... о немже подобает спастися нам (Деян. 4:12).*

Пленяя разум наш в свое послушание, вера озаряет нас светом столь высокого Богопознания, до которого человеческий разум, при самых напряженных усилиях, сам собой, никогда не в состоянии возвыситься; она открывает нам высочайшую тайну триединого Существа Божия и промышления Его о нашем спасении; представляет совершенства и судьбы Божии о нас в таком свете, в каком естественный взор ума нашего никогда не мог бы созерцать их; восстановляет в нас образ Божий и соединяет нас с Богом столь тесным союзом, какого человек, оставленный самому себе, и предположить не в состоянии. Посему-то Апостолы завещали нам постоянно бодрствовать и возрастать в вере (Рим. 16:17; 2Кор. 8:7); испытывать себя, пребываем ли мы в вере (2Кор. 13:3); всемерно беречься, чтобы не лишиться своего утверждения в вере (2Пет. 3:17).

Утверждаясь на сем завещании святых Апостолов, дерзаю спросить тебя, кто бы ты ни был, возлюбленный, можешь ли ты, вникнув в себя, сказать перед Богом, как научила нас молиться Св. Церковь: «аще вера, яже в Тя, спасает отчаянныя, се верую, спаси мя! яко Бог мой еси Ты и Создатель! Вера вместо дел, да вменится мне, Боже мой; не обрящеши бо дел отнюдь оправдающих мя; но та вера моя да довлеет вместо всех, та да отвечает, та да оправдих мя!». Можешь ли ты, возлюбленный, с полным дерзновением так говорит ко Господу? спрашиваю тебя, потому что подчинение нашего ума послушанию веры, по его упорству и врожденной кичливости, не так легко, как, по-видимому, кажется. В нас, естественно, по врожденному растлению нашей природы, возникают надменные возношения ума против искинного Богопознания, возникают суетные плотские

помышления, восстают сомнения от наветов вечного губителя нашего, духа злобы. Что ж? Старался ли ты преодолевать такие искушения при первом их сознании в себе? Смирял ли ты возношения ума своего? Кроме сего, в наших обществах случается, к прискорбию, встречать людей легкомысленных, или предзанятых пустыми сведениями, надменных мнимой мудростью века сего, которые не только дерзают легкомысленно судить об истинах веры, но даже кощунствовать над ними и предавать их посмеянию... Заграждал ли ты слух твой от таких бесед; имел ли во внимании ту простую истину, что вечная твоя участь, твое спасение, которое зависит от веры, отнюдь не шутка! Слушая хулителей веры, говорил ли ты в сердце своем: *поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи* (Пс. 118:85)?

Есть еще люди строгой, по-видимому, жизни, снискавшие славу добродетельных, но превратно рассуждающие об учении и уставах Святой Церкви, старающиеся то благовидными мудрованиями, то остротами поселить отвращение от нее и ее Пастырей. Не принимал ли ты к сердцу их суждений; не уклонился ли ты в след учения, противного Церкви, не забыл ли ты напоминания Апостола, предостерегающего, что и дьявол и служители его часто берут на себя вид светлых ангелов (2Кор. 11:15)? Допустив усилиться в уме и сердце твоем каким-нибудь превратным мнениям, противным Православной вере, обращался ли ты к просвещенным пастырям Церкви, для разрешения твоих недоумений? Если ты на подобные вопросы не можешь отвечать без обличения совести, то приступая к Таинству Покаяния, исповедай свои сомнения, свое неверие, как величайшее произвольное безумие, как тягчайшее беззаконие; но предварительно возбуди в себе размышлением и молитвенными вздоханиями несомненную веру в истины, проповедуемые Св. Церковью.

2. Положив в основание своего покаяния, с одной стороны, утешительные истины веры, с другой, – угрозы ее нераскаянным грешникам, кающийся может приступать к исповеданию грехов своих, но и не иначе, как одушевленный еще надеждой на Евангельские обетования.

Какие же блага имеет в виду Христианская надежда? Особенное примыщление Божие о желающих вечного спасения, милосердие Божие, готовое простить кающемуся все грехи его и вменить ему оправдание Спасителя; благодатные дары Духа Святого, содействующие верующему в приобретении жизни вечной, и бесконечное блаженство в Царствии Небесном, уготованное любящим Бога. Любовь Божия, не хотящая смерти грешника, но желающая всем вечного спасения, каждого человека влечет обстоятельствами жизни его к вечному его назначению, влечет и тогда, когда он и не помышляет о том, тем паче искренно желающий душевного спасения, не только надеясь, а даже вполне может быть уверен, что все, что ни случается с ним, устроется промыслом Спасителя к его душевой пользе; что все постигающие его бедствия, горести, печали, злоключения ниспосыпаются свыше для содействия ему к очищению от греховных осквернений; что хотя бы все окружающее его восстало против него, любовь Божия не только не оставляет, но тем самым отторгает его от пристрастия к земле, возносит помыслы и желания его к небесной славе, в сравнении с коей ничего не значат все временные страдания. И искренно кающийся, обратив внимательный взор на греховное свое состояние и приключения своей жизни, сколько бы они ни были мрачны и горестны, не может не сознаться, что благодать Божия во все дни жизни его постоянно вела его так, чтобы побудить его стремиться к вечному спасению.

В сем сознании сперва обнимет тебя ужас при мысли о безмерной тяжести грехов твоих, о неблагодарности твоей за бесчисленные благодеяния Божии, об оскорблении благодати Божией твоими беззакониями, о безумном в них ожесточении, но, возводя взор на крест Спасителя, ты одушевишься твердым упнованием, что хотя бесчисленны и безмерно тяжки грехи твои; но милосердие Божие, умилостивляемое бесценной кровью Иисуса Христа, превосходит злобу грехов не только всякого грешника, но и целого мира, что сия кровь есть вечное удовлетворение бесконечной правде Божией, оскорбляемой нашими грехами, и ты ощущишь блаженство тех, чьи беззакония прощены и покрыты грехи (Пс. 35:8)!

Если тебя страшит немощь греховной твоей природы и смущает мысль, что ты не имеешь сил провести остатка жизни своей в неизменном покаянии, то вера, удостоверяя, что с познанием Иисуса Христа дарованы нам Божественные силы, яже к животу и благочестию (2Пет. 1:3), оживотворить тебя несомненной надеждой, что благость Божия, при искреннем твоем желании спасения, до последнего твоего изыхания не перестанет посыпать тебе все необходимое для приобретения вечной жизни, что при содействии благодати Божией не обольстят тебя никакие искушения и соблазны, не сорвать на путь беззакония волнение страстей и похотей, не низринуть тебя в бездну вечной пагубы никакие козни и наветы духов злобы; ибо, по молитве твоей, будут сообщаемы тебе благодатные силы, достаточные для всяких спасительных подвигов, для искоренения всякого греха и усовершенствования в жизни Богоугодной.

Если при всем том ты содрогаешься при взгляде на жестокость пути покаяния, то все ужасы и страх твой сильна рассеять надежда, что ради крестных страданий Спасителя милосердие Божие исхитить тебя из темной области рабства греховного, сопричислить тебя к лицу спасаемых и соделает тебя наследником Царства Небесного, где радуются Ангелы о твоем обращении на путь покаяния, и уготованы для тебя блага, каких не видело ни чье око, не слышало ни чье ухо, и не приходило на сердце ни одному человеку в сей жизни (1Кор. 2:9). «Но тверда ли эта надежда?», спросишь. Тверда; потому что *верен Бог, даровавший нам такие обетования: отрещи боя Себе не может* (2Тим. 2:13).

Таким образом, кающийся в сокрушении сердца, с твердой решимостью провождать жизнь сообразно с волей Божией посредством веры и надежды, привлекает к себе высочайшую милость Божию, очищающую его от всех грехов его. Посему, стараясь при руководстве Св. Церкви возрастать в познании Бога, станем умолять Его благость, да умножить в нас спасительную веру, посредством коей имея дерзновение и надежный доступ к престолу милосердия Божия, исповедаем перед Ним в покаянном сокрушении сердца грехи наши. А по

слову ученика Божественной Любви: *аще исповедаем грехи наша, Иисус Христос верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды (1Ин. 1:9).*
АМИНЬ.

Слово во вторую неделю Великого Поста

Видев же Иисус веру их, глагола разслабленному: чадо, отпускаются тебе грехи твои (Мк. 2:5).

Вот образ лечения, противоположный всем способам врачебного искусства! Обыкновенно врачи, для исцеления телесных болезней, заставляют больных принимать внутрь целебные вещества, или действуют ими на наружные части тела. И не исчислить всех средств, придуманных врачебной наукой для пользования бедного человечества; хотя все они относятся к одному телу. А Господь наш, как бы не примечая, что спущенный через кровлю к ногам Его больной расслаблен всем телом, прощает ему грехи его и тем совершенно исцеляет расслабленного!

Чудо сие показывало, что для Спасителя, как Бога, довольно было одного слова, чтобы равно врачевать как телесные, так и душевные болезни. Кроме сего, чудо Иисуса Христа показывало, что общий источник телесных болезней – есть яд прародительского греха, проникнувший всю человеческую природу, усиленный нашими произвольными грехами; что, посему, исцелением душевных болезней, или прощением грехов, восстановлено и телесное здоровье расслабленного!

Так, братья, грехи суть душевные болезни и имеют сходство с телесными, так что требуют и врачевания подобного последним. Посему-то, как для исцеления страждущих тяжкими болезнями тела врачи определяют особенные времена, так Св. Церковь признает особенно содействующим врачеванию душ наших настоящее время Св. Четыредесятницы, и на нас – служителей своих, как на духовных врачей, возлагает в это время особенную заботливость о требующих душевного врачевания. А кто из нас его не требует? Стоит только, при свете слова Божия и совести, вникнуть в состояние душ наших, и мы содрогнемся, ощущив, сколь тяжким подвержены мы душевным болезням.

1. Греховное состояние по большей части ощутительно для самого грешника; но бывает приметно и для сторонних. Смятение чувств, страстное увлечение, раскаяние, *страшное некое чаяние суда* (Евр. 10:27) Божия суть признаки, по которым каждый может быть уверен, что он в греховном состоянии. Легкомысленные остроты, наглые взгляды, искаженные черты лица, иногда самая поступь и движения выказывают другим греховное состояние души нашей, как нечистота языка, мутные взоры, шаткость походки обнаруживают болезненное состояние тела.

Впрочем люди, по состоянию души своей, бывают похожи или на здоровых по телу, или на подверженных различным болезням, от легкой до переходящей в сон бесчувственности, или на мертвцевов.

В здоровом состоянии мы проникнуты каким-то одушевлением, ощущает все приятное, восхищаемся красотами природы, довольствуемся всякою питательной пищей, находим удовольствие в трудах, не смущаемся, когда небо помрачается бурями и невзгодами. Подобно сему, старающийся провождать жизнь сообразно с волей Божией, при всех занятиях возносит мысли свои к Богу, старается все делах во славу Еgo, находит особенное удовольствие в подвигах благочестия, радуется когда ему говорят: *в дом Господень пойдем* (Пс. 121:1), чувствует в совести мир с Богом, с младенческим доверием обращается к Нему с молитвой, смело приступает к престолу благодати, и хотя, сознавая в себе малейшее уклонение от заповедей Божиих, терзается раскаянием даже в невольно содеянном грехе, но довольный всяким состоянием, благоденствует, когда подвергается лишениям благ земных и злоключениям.

Одержаный болезнью не находит приятности ни в чем том, что радовало его в здоровом состоянии. Самая сладкая пища для него отвратительна, даже беседы и утешения близких его сердцу несносны; малейший шум беспокоит его; лишенный сил, он ничего полезного не может делать ни для себя, ни для других, потому что не владеет своими членами. Так грешник не только не живет любовью к Богу и ближнему, не помышляет о цели бытия своего на земле, не находит душевного

наслаждения в подвигах благочестия, но даже скучает беседой о Божественных предметах, чувствует душевное утомление от самой краткой молитвы, досадует на посты и другие постановления Св. Церкви, томится продолжительностью Богослужения в храмах Божиих.

Доколе больной ясно сознает болезнь свою, ощущает боль то в тех, то в других членах тела своего, благовременно старается о своем излечении, прилагает к тому возможные со своей стороны усилия, следует предписаниям врача, не отвергает врачебных пособий, дотоле можно еще иметь надежду на выздоровление больного. Равным образом, доколе грешника с сердечным сокрушением сознает свою греховность, хотя по временам вздыхает о ней, прилагает хотя какие-нибудь усилия к исцелению от греховного недуга, преклоняет слух к слову Божию, дотоле есть еще надежда на исцеление душевных язв его в Таинстве Покаяния.

Самое опасное состояние телесной болезни, когда врачебные пособия нимало не улучшают положения больного, когда страждущий начинает ощущать онемение то в тех, то в других членах, наконец, от истощения жизненных сил, погружается в продолжительный сон, в котором едва приметны признаки жизни, а больной не приходит в чувство сознания даже от сильного потрясения. Бывает и нравственное усыпление, по которому грешник не ощущает в душе своей ничего возвышенного, святого, не понимает уже ничего Божественного, не ощущает в совести своей ни честного, ни постыдного, не приходит в чувство раскаяния о грехах своих, не отстает от гнусных своих привычек, неудержимо предается пресыщению, сластолюбию, и другим порокам, несмотря ни на лишения благ земных и несчастные приключения, ни на общественные бедствия, угрожающие ему гибелью. Это сон над бездной вечной пагубы, близкий к вечной душевной смерти. И действительно, только чудо милосердия Божия может пробудить такого грешника, и благодать не престает внушать ему: *востани, спай, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5:14).

Больной, лишенный всех жизненных сил или пораженный смертоносным ударом, умирает; главным признаком сего является смрад и гниение тела. И душа нераскаянного грешника поражается окончательным омертвением для жизни Богоугодной. В сем состоянии спасительные истины веры кажутся грешнику безумием, он отвергает их с упорством, ищет утешения в кощунстве, безбожии и разврате, успокаивает себя той ложной мыслью, будто смерть телесная уничтожит бытие его, а за гробом не будет другой жизни!

2. По свойству своему, как телесные, так и душевые болезни бесчисленны до той степени, что даже Пророк сказал; *грехопадения кто разумеет* (Пс. 18:13)? Но как в здоровом состоянии тела, так и в благодатном души нашей, опасно шутить и легкими уязвлениями. Небольшую, например, причиняет боль царапина иголкой; но если б кто вздумал долго накалывать свое тело на одном и том же месте; то такая шутка имела бы вредные последствия, ибо случается, что едва приметная заноза производит столь сильное воспаление, что признается нужным отсечь целый член. Подобно сему, желающий душевного спасения должен беречься и малых, по-видимому, грехов и приносить в них покаяние, потому что, с одной стороны, многократное повторение и малых грехов или, непосредственно, ведет к беззакониям, или есть уже смертный грех, лишающий душу благодатных сил; с другой стороны, трудно с достоверностью различить грехи смертные от не смертных. Что, например, обыкновеннее у нас гнева и ненависти по самым ничтожным причинам? И, однако же, ученик Божественной любви говорит: *всяк ненавидяй брата своего человекаубийца есть... и не имать живота вечного в себе пребывающа* (1Ин. 3:15). Еще менее мы удерживаемся от сплетней и злословия; а тот же Апостол говорит, что *всяка неправда грех* (1Ин. 5:17) ... и *всякий грех есть беззаконие* (1Ин. 3:4).

В жестокой болезни тела, все то время, в которое мы были здоровы, представляется нам как бы не существовавшим, и в то самое время, когда человек произвольно подвергается грехопадению, все добродетели его потеряны и не имеют сил к

отвращению его. Ибо по изречению Духа Святого, *правда праведника не избавит его, в оньже день прельстится* (Иез. 33:12).

Даже нарушение одной заповеди закона может лишить нас благодати Божией, потому что как в болезненном состоянии одного члена страждут все члены, все тело, так С нарушением одной заповеди Божией грешник становится преступником всего закона Божия и все душевные силы его расслабляются от яда греховного: *иже бо, по слову Апостола, весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен* (Иак. 2:10).

Известно еще, что во всех недугах ничего нет опаснее, как повторение от нашей неосторожности одной и той же болезни. Равным образом ничего нет опаснее для душевного спасения, как поползновение в те самые грехи, от которых мы искали уже освобождения в Таинстве Покаяния, потому что, как многократное уязвление одного и того же места не только мучительнее первых язв, но и производит неисцеляемое воспаление, так повторение одного и того же греха, по пробуждении совести, может довести грешника до отчаяния в милосердии Божием. И вообще, как в застарелой болезни мало надежды на исцеление, особенно, если больной не радит о своем выздоровлении, не имеет решительности подчинить себя всем требованиям врачебного искусства, и принимать лекарства, сколько бы они ни были жестоки, так нет надежды на исправление грешника, на прощение грехов его, если он не решается, с полным отвержением своих привычек и своей воли, обратиться на путь покаяния!

Но, к прискорбию, как по телу человек обыкновенно бывая расположен преимущественно к одному недугу, подвержен одной тропической болезни, которая, будучи оставлена в пренебрежении, сосредоточиваемся в одной части тела, и становится до того мучительной, что одно прикосновение к больному месту, будто к несозревшему нарыву, производить нестерпимую боль, так есть господствующие душевные болезни, есть страстные увлечения, обратившиеся в такой навык, что одно напоминание грешнику оставить пагубную привычку – несносно для грешника.

Как телесных, так и душевных недугов один врач, Господь и Бог наш Иисус Христос. Он для врачевания телесных наших недугов воздвигает промыслом Своим и врачей, и созидает из земли врачевания, сообщая им целебную силу; а для уврачевания душевных наших болезней, вочеловечился, претерпел крестные страдания, пролил кровь Свою, учредил Таинства, ниспослал Духа Святого и установил духовных врачей – пастырей Церкви.

Желаешь освободиться от душевных своих болезней? притеки во врачебницу Таинства Покаяния, открай перед служителем Церкви со всей искренностью язвы души твоей, со всеми обстоятельствами твоих душевных немощей; но прежде всего пролей слезы сердечного сокрушения о своем окаянстве; в Таинстве Покаяния слезы необходимые, чем для уврачевания телесных ран предварительное омытие их водой. За сим приими с любовью и соблюдай со всей точностью советы, наставления, запрещения, внущенные тебе от слова Божия и отеческих правил служителей Христовым. Ибо если ты, пользуясь от телесных болезней, повинуешься не только предписаниям врачей, но даже их прислужников, каковы бы они ни были; то не следуя наставлениям духовных врачей, не исцелиишься от душевных болезней. Не говори, что духовный врач сам грешник, ведь ты не отвергаешь советов телесных врачей, хотя бы они сами страдали какими-нибудь болезнями. Тем паче не отвергай наставлений духовного врача, чтобы не оскорбить Господа, который в отношении к пастырям Церкви сказал: *слушаяй вас, Мене слушает* (Лк. 10:16). Приняв предписания душевного врача и положив твердую решимость избегать не только грехов, но и случаев к нам, приступай к чаше спасения с живой верой, что Кровь Иисуса Христа очищает и врачует *нас от всякаго греха* (1Ин. 1:7). Впрочем, не думай, что, удостоившись причастия Тела и Крови Христовой, ты все уже сделал для душевного спасения. Нет, душевные язвы от нашей неосторожности снова загнивают. Посему, для избегания такого несчастья, будь осторожен, неусыпно наблюдай за всеми движениями души твоей, прогоняя страстные помыслы размышлением о страданиях Христовых, потому что как нельзя

считать себя совершенно исцелившимся от телесных ран, хотя бы он покрылись новою плотью, доколе в них ощутительна боль, так нельзя почитать себя совершенно исцелившимся от язв душевных, доколе, при воспоминании каких-либо грехов, чувственность наша приходит в такое раздражение, что при случае, мы снова подверглись бы прежним грехам!

Врачу душ и телес наших, Христе Спасителю! Велики и неисчислены грехи наши, но милосердие Твое больше их! Исцели души наши Твоей благодатью и спаси нас, какими знаешь судьбами. Аминь.

Слово во вторую неделю Великого Поста

Видев же Иисус веру их, глагола расслабленному: чадо, отпускаются тебе грехи твои (Мк. 2:5)

Мгновенным исцелением расслабленного, упоминаемого в нынешнем чтении Евангелия, Господь и Бог наш Иисус Христос не только проявил Божественную благость и всемогущество, по которым столько же свойственно Ему прощать грехи, сколько и восстановлять ваше здоровье, но вместе с тем прикровенно указал, что все наши немощи и недуги происходят от грехов, что наследованное от первого человека повреждение душевных и телесных сил наших, по которому наши добрые склонности пересиливаются злыми и дурными, – есть общий источник всех недугов, а произвольные наши грехи суть как бы протоки всяких, в частности, наших болезней. Кроме сего, производя в нашем телесном составе расстройство, всякий грех, особенно обратившийся в пагубный для души нашей навык, причиняет ей как бы глубокие язвы, которые, будучи оставлены без благодатного врачевания, как бы загнивают, становятся мучительными для совести, и не только расслабляют дух наш до того, что человек теряет способность делать истинное добро, но даже умерщвляют в душе нашей всякое доброе чувство, подавляют самую мысль о Боге и вечном предназначении человека.

Из сострадания к столь бедственному нашему состоянию, Иисус Христос для врачевания язв душевных установил в Церкви Своей два Таинства: Покаяние и Елеосвящение; первое – для немедленного, по грехопадении, врачевания души нашей, чтобы болезнь ее, усилившись от небрежности, не обратилась в неисцеляемую, а второе таинство для уврачевания души нашей в таком состоянии, когда по причине телесного расстройства, от болезни или от престарелости, жизнь наша находится в опасности и продолжение ее становится сомнительным.

По врожденному нам животолюбию, в настоящей жизни нет, кажется, ничего для нас драгоценнее телесного здоровья. Так, мучимые болезнью, мы готовы всем жертвовать для своего

исцеления, не щадим для сей цели нашего имения, слушаемся малейших советов и предписаний врача, совершаляем отдаленные путешествия, глотаем самые неприятные врачебные составы, терпеливо переносим нарезы, прижигания, производящие боль пластыри; и к отвращению болезней решаемся на всякие лишения, соблюдаем строгое воздержание, удерживаемся от пищи и пития самых любимых нами. Но можно ли вообразить большее благодеяние, вожделеннейшее счастье, приятнейшее утешение, драгоценнейшее сокровище, как уврачевание души нашей, как исцеление от язв душевных благодатью Иисуса Христа, – как удостоверение, что Бог прощает причиненное Ему нашими грехами оскорбление, снова нас усыновляет Себе и признает наследниками Небесного Своего Царствия? Правда, исповедание грехов в Таинстве Покаяния, по причине превратного нашего самолюбия, некоторым образом, тягостно для нас так, что когда приступаем к Таинству Покаяния, – сознаем, что ложный стыд как бы смыкает уста наши, но, с другой стороны, человек так создан, что когда пробудится в нем совесть, – он рад бы кому бы то ни было доверить, пересказать под печатью тайны терзания своей души, открыть болезни ее, высказать свои прегрешения, чтобы облегчить страдания сердца своего. И между тем, как сознание в грехах своих перед обычными людьми даже под печатью тайны, обременяет нас новой скорбью и опасением, чтобы они не выдали наших поступков, не изменили нашей тайне, – исповедание грехов, сопровождаемое душевным сокрушением, в Таинстве Покаяния исполняет сердце наше неизъяснимой отрадой, как скоро строитель таинств произнес: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатью и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо, вся согрешения твоя, и аз, недостойный Иерей, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих!».. Почему? Потому что Священнослужители от самого Бога прияли власть вязать и разрешать наши совести, по реченному: *имже отпустите грехи, опустятся им: и имже держите, держатся* (Ин. 20:23).

Необходимость чаще притекать к Таинству Покаяния очевидна из того, что душа наша постоянно страждет недугом

греховности. Посему, искренно помышляющие о вечной своей участи живо ощущают потребность врачевания души своей после каждого, даже невольно, одной мыслью или словом, содеянного прегрешения, не отлагая очищения своей совести, покаянием до определённого времени, например, до Св. Чехыредесятницы или до крайнего расслабления, когда болезнь напоминает человеку о предстоящей кончине, ибо нельзя сказать, чтобы отлагающие врачевание души своей Таинством Покаяния безопасны были от внезапной смерти, часто поражающей беспечных, нераскаянных грешников. Между тем, к прискорбию, в некоторых домах у людей, живущих безбедно, вошло в обычай из странной, большей частью лицемерной, заботливости о здоровье приближенных к ним, родных и знакомых, не допускать их принести покаяние даже при смерти. Принято за правило не тревожить больного напоминанием о предстоящей ему кончине, о необходимости очистить совесть свою покаянием. И в следствие столь пагубного усердия, все окружающие больного, даже вполне убежденные в лживости слов своих, начиная с врача до последнего служителя, уверяют страждущего, что его здоровье поправляется, что он будет здоров! Но не лучше ли нам следовать материнским внушениям Церкви? Что за покаяние человека, удрученного тяжкой болезнью! Оно так же больное, немощное, безжизненное, полумертвое, если не вовсе ничтожное, потому что не сопровождается ни искренним сокрушением сердца об оскорблении Бога грехами, ни решительным предположением больного оставить прежний образ жизни, которая и без того прекращается. Вспомните: каково вы себя чувствуете в скоропреходящем страдательном состоянии, например, от головной или зубной боли, и скажите, можно ли в таком состоянии заниматься чем-нибудь дельным? Тем более это невозможно в продолжительной, изнурительной болезни. А принесение покаяния разве дело маловажное, – разве есть что-либо важнее его, когда от искренности исповедания и сердечного сокрушения о своей греховности зависит вечная участь человека, счастливая или несчастная? Зачем же важнейший долг, важнейшее в настоящей жизни дело, зачем

покаяние отлагать до того времени, когда больной, очевидно, в безнадежном состоянии на выздоровление? Зловредный пример считающих себя благовоспитанными заразил и простых Христиан, так что и сии не только в здоровом, но и в болезненном состоянии, собираясь со дня на день пригласить Священнослужителя, умирают или без всякого покаяния, или в таком положении, что приглашенный Служитель веры, не выслушав исповеди, не вызвав своими внушениями ясного знака, из которого можно было бы заключить, что умирающий раскаивается в своих прегрешениях, совершает только наружный обряд покаяния, обряд едва ли полезный для умирающего, который ни чувством, ни мыслью не может уже принять никакого участия в действиях Священнослужителя!

Легковерие, по которому больные до последнего мгновения своей жизни надеются на выздоровление и доверяют лживым обещаниям окружающих, происходит от врожденного животолюбия; Сам Бог вложил его в сердце наше, для того, чтобы мы благодарили Отца Небесного за всякое мгновение настоящей и всеусильно стремились к вечной жизни. Имея в виду, что промысел Божий призывает некоторых людей к изучению врачебного искусства и производит из земли целебные травы и другие вещества, полезные для нас в болезненном состоянии, и Св. Церковь не только не запрещает, а даже увещевает призывать врача в болезнях, следовать его советам, пользоваться врачебными пособиями. Но вкоренившиеся в мире предрассудки, по которым именующиеся Христианами только в очевидной крайности, только в сомнительном для самих врачей положении больного, прибегают к пособиям веры, обращаются к строителям Таинств Христовых, предосудительны, пагубны и достойны всякого осуждения, потому особенно, что Иисус Христос для восстановления страждущих тяжкими, не уступающими врачебному искусству болезнями, установил в Церкви Своей Таинство Елеосвящения, сообщил ему благодатную целебную силу. Так, по свидетельству Евангелия, еще во время земной жизни Спасителя ученики Его, будучи посланы для проповеди Евангелия, помазывали елеем недужных и исцеляли их от

всяких болезней, а по вознесении Господа на небо завещали: *болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры Церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем, во имя Господне: и молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господ: и аще грехи сотворил есть, отпустяся ему (Иак. 5:14,15).*

На сем основании Таинство, совершающее над опасно больными, именуется Елеосвящением от того, что при совершении оного с произнесением священномействующими положенной молитвы, помазываются елеем главные чувственные орудия и члены больного. Из сего легко усмотреть, что елей не сам собой, не по природному своему свойству, доставляет исцеление больному, но есть только видимый знак благодатной силы, сообщаемой больному, есть таинственное орудие сверхъестественной благодати Божией. Посему, как все вообще Таинства церковные приносят душевную пользу только приемлющим их с живой верой и всецелым сокрушением сердца, так и Таинство Елеосвящения восстановляет здоровье благодатной силой только тех больных, которые совершили оное над ними просят соответственным Таинству образом, с полным присутствием ума и духа, именно со стороны приемлющего Елеосвящение требуется твердая вера, что Отец Небесный, ради крестных страданий Спасителя, простит больному все его прегрешения; требуется еще непоколебимое упование на вечное милосердие и всецелая преданность воле Божией, а преимущественно всеискреннее сокрушение о грехах, благодарное возношение Богу, как бы в жертву, всех болезненных ощущений и страданий, коими промысл Божий посетил больного.

Такое принятие Елеосвящения действительно может восстановить здоровье страждущих тяжкими болезнями! При всем том, многие из тех людей, у которых всякий день праздник, и всякий день будни, к прискорбию, почти никакого не имеют понятия о Таинстве Елеосвящения, и едва ли кому-нибудь из них довелось когда-либо видеть, как оно совершается. Но низойдите в низшие сословия, полюбопытствуйте расспросить в тех селах, коих жители, сохраняя еще древние

Христианские обычаи, будучи одержимы тяжкими болезнями, просят Священнослужителей совершить над ними Елеосвящение; полюбопытствуйте расспросить: какие оно производит последствия? и вы удостоверитесь, что приемлющие сие Таинство с верой нередко выздоравливают, потому что истинный Врач душ и телес наших, един творяй чудеса, Господь и Бог наш *Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки* (Евр. 13:8).

Однако ж, возразит кто-либо, умирают люди в скорости и по принятии Елеосвящения. Да, человеку не суждено вечно жить на земле! Никто и не утверждает, что Елеосвящение продолжает жизнь нашу до бесконечности. Но оно дивно облегчает самое переселение из настоящей жизни в замогильную. А если обратить внимание, что расстроенный здоровьем томится ощущением боли, чувствует отягощение во всех членах своих, смущается неизреченной тугой сердца, усиливает свою болезнь раздражительностью и нетерпением, подвержен чрезвычайным искушениям, что его окружают страшные призраки, что он терзается совестью, помышляя о предстоящей кончине, о разлучении души с телом и близкими его сердцу, о неизвестности вечной своей участи, то сколь благотворно Таинство Елеосвящения и в том отношении, что оно сообщает человеческому духу мужество в борьбе с ужасными предсмертными призраками, и дарует больному силу стоять выше искушений, встретить бестрепетно переход от временной в вечную жизнь, и как бы с рук Церкви Христовой передает душу Христианина на руки небесных духов, в торжествующую Церковь первородных, написанных в книге блаженной жизни!

Сущность вашего слова: не отлагать врачевания души нашей не только в болезненном, но и в здоровом состоянии; но сознавая в себе душевые язвы, терзающие совесть, немедленно с сокрушением сердца прибегать к Таинству Покаяния; а в тяжких болезнях, особенно в сомнительных относительно выздоровления через обыкновенные врачебные пособия, пользоваться таинством Елеосвящения, – дабы или удостоиться восстановления сил своих благодатью Божией или

приготовиться, на всякий случай, бестрепетно встретить последний час жизни нашей, и удостоиться в вечности помилования Божия. Аминь.

Слово во вторую неделю Великого Поста

В начале Ты, Господи, землю основал еси, и дела руку Твою суть небеса: та погибнут, Ты же пребываеши: и вся, якоже риза обетшают, и яко одежду свиеша я, и изменяются (Евр. 1:10–12)

Вот какова участь всего видимого, подлежащего нашим чувствам! Все, что ни окружает нас, ветшает подобно изношенной одежде, проходит, наконец должно совсем измениться. Божественные Апостолы ни о чём столь часто не напоминали первенствующим Христианам, как о непостоянстве всего видимого, о кончине мира. *Приидет*, говорили они, *день Господень яко тать в нощи*, настанет час, в который *небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разоряются, земля же и яже на ней дела сгорят* (*2Пет. 3:10*)! С какой же целью св. Апостолы страшили людей такими ужасными предсказаниями, столь грозными будущими событиями? Чтобы побудить последователей Христовых к святой в благочестивой жизни, которая одна дает право на наследие *нова же небесе и новы земли, в нихже вечная правда живет* (*2Пет. 3:13*), и которых мы ожидаем по обетованию Божию, ибо если всё видимое прейдет, изменится, то какая требуется святость от созданных для вечности, чтобы удостоиться в ней бесконечного блаженства! *Сим убо всем разоряемым, кацем подобает быти вам во святых пребываниих и благочестиих* (*2Пет. 3:11*). С сей же целью Сам Господь наш Иисус Христос в беседах со Своими учениками преимущественно напоминал им о том предопределении Божием, по которому некогда воспоследует решительный конец видимого мира, и заповедал: *бдите убо на всяко время... да сподобитеся убежати всех сих хотяющих быти, и стати пред Сыном Человеческим* (*Лк. 21:36*). А яже вам глаголю, всем глаголю: *бдите* (*Мк. 13:37*)... Из сего явно, что преспеянию в благодатной жизни ничто столько не содействует, как постоянное над собой бодрствование и осмотрительное внимание к тому, что нас окружает.

Не только на земле, не только для нас немощных, ощущающих в себе беспрестанную борьбу добра со злом, духа с плотью, но даже в жилище блаженных, в состоянии святости, даже для одаренных Божественной мудростью и удостоившихся уже особенного благоволения Божия необходимо духовное бодрствование над собой, чтобы соблюсти себя в чистоте Богоугодной. Не быв внимательны к самим себе на небе, согрешили изверженные с неба духи злобы; прародители наши от невнимательности к себе пали в грехе в самом раю; Иуда согрешил в училище самого Спасителя; Соломон, мудрейший из людей, также согрешил по излишней беспечности: тем более духовное бодрствование нужно для нас, носящих сокровище веры в скучельных сосудах (2Кор. 4:7) плоти нашей, при непрестанно воздвигаемых на нас кознях врага нашего спасения, который, то подобно змею, старается скрытно уязвить нас, то, как лев рыкя, ходит искрий поглотити нас (1Пет. 5:8).

Так, доколе продолжается настоящая наша жизнь, дотоле ни на одно мгновение не возможно оставаться в безопасности касательно нашего спасения; но требуется неусыпное над собой бодрствование, а преимущественно внимание за всеми движениями нашего сердца; потому что желания нашего сердца увлекают за собой все ваши силы душевые и телесные: идже бо сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Мф. 6:21), говорит Спаситель. Конечно трудно подчинить желания сердца нашего управлению ума, потому что глубины сердца нашего покрыты таким мраком, что желания наши самые преступные, столько бывают благовидны, обманчивы для нас самых, как и для сторонних людей, а от этого происходит, что часто мы сами не знаем, чего желаем, и чего через минуту будем желать. При всем том, бдительное внимание к помышлениям и желаниям нашим облегчает познание нашего сердца, и не только побуждает нас вздыхать к Богу о ниспослании благодатной силы к покорению сердца внушениям веры и заповедям Божиим; но даже возжигает в сердце нашем любовь Божию, которая возводит благочестивую душу в то блаженное состояние, по которому упоминаемая в Св. Писании, окрыленная любовью Божией душа, всецело предавшись

Господу, говорить о себе: аз сплю, а сердце мое бдит (Песн. 5:2)! Каким образом сердце Боголюбивой души и во сне бодрствовало? Неусыпным желанием соединения с Богом, который есть высочайшее благо и сама любовь. А как любовь мира сего постоянно враждебна любви Божией и столько одна другой противна, что никогда не могут быть совместны между собой, то сердце, пылающее любовью к Богу, тотчас приметит, когда в нем затлевает огонь мирской, нечистой любви, и возникают возношения кичливого ума, вздывающиеся на разум Божий; а приметив сие, немедленно отражает их теплыми вздоханиями к Спасителю, вздоханиями, усиливающими в сердце нашем пламень любви Божественной!

И так, если желаешь, Боголюбивая душа, достигнуть столь блаженного состояния; если желаешь вечного спасения: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4:23). Внимай же себе, да не разширится сердце твое, да не забудеши Господа Бога твоего (Втор. 6:12). Внимай себе, да не когда забудеши снабдеть заповеди и судьбы и оправдания Господ – ни, елика заповеда (Втор. 8, 11). Внимай себе: *всякое слово гнило да не исходит из уст твоих, но точию еже есть благо к созданию веры, да даст благодать слышащим* (Еф. 4:29). *Положи хранение устом твоим* (Пс. 140:3), памятуя, что только тот, кто *не согрешает словом, совершен* (Иак. 3:2). Внимай себе, да соблюдеши совесть свою непорочну пред Богом и люди (Деян. 24:16).

Но кто-либо скажет: как можно беспрестанно бодрствовать над движениями нашего сердца, наблюдать за собой, когда мы живем на земле, а не на небе; живем посреди мира, во зле лежащего; когда на земле неизбежно общение с миром для поддержания земного нашего существования, а и без того худые обычай и правила мира сего, искушения и соблазнительные примеры как бы насилино проникают во внутренние клети домов наших, в наши семейства! Точно так – об этом я и намерен говорить. Если сам сознаешь, что правила и обычай мира нечестивы, что искушения и соблазны его приманчивы, то для того особенно необходимо бодрствовать над собой, необходима крайняя осторожность и мудрое внимание ко всем

предметам, окружающим нас; необходимо заграждать чувства наши страхом Божиим, не допускать пагубных для души впечатлений, отвращать взор от суеты и соблазнов мирских, а особенно требуется избегать худых сообществ, не обращать внимания на такие беседы и предметы, которые приводят в трепет и смятение наше сердце. В сем отношении обращение внимания на внутреннее состояние души нашей тотчас укажет опасность, угрожающую душевному нашему спасению. Ибо как легкое парение ума нашего к Богу, вожделенный мир духа нашего, спокойствие совести и как бы предоощущение вечного блаженства суть плоды чистоты душевной и неведения греха, так низпадение ума нашего до суеты и тления, порабощение духа нашего унынию, обуревание помыслов, угрызение совести и душевные мучения происходят от сердечного смятения при виде мирских соблазнов и возникающих в сердце нашем греховных вожделений, поражающих греховным омертвлением душу нашу, по которому она становится неспособна для дел Богоугодных.

Такое состояние души нашей самое опасное, потому что низвергает ее в окончательную, или лучше сказать, в бесконечную пагубу. Что ж, неужели предать душу нашу, единородную нашу, на вечную гибель и страдания? Да не будет. Если все животные, даже насекомые столь животолюбивы, что, будучи преследуемы, употребляют все силы свои, чтобы избежать угрожающей им смерти, то неужели человеку, одаренному разумом, предаваться безопасности относительно вечного своего спасения и не стараться избегать всего того, что угрожает душе нашей вечной пагубой? Да сохранит нас от такого несчастья благодать Божия! И она сохранит нас, утвердит и сделает нас непоколебимыми во всяком добром деле; если станем подражать Святым, благоугодившим Богу своей жизнью, особенно первенствующим Христианам, которые, как небесные светила, сияли христианскими добродетелями посреди нечестивых и развращенных народов (Флп. 2:15), так что никакие прельщения и соблазны не могли увлечь их в растление нравов и беззакония, в коих погружен был мир языческий!

Но и от нас, братья, звание Христианина требует, чтобы мы, отвергшись нечестия и похотей мирских, жили целомудренно, праведно и благочестно в настоящем веке (Тит. 2:12); чтобы мы не увлекались превратными обычаями и соблазнами мира сего, во ежечасно возводили умственный взор наш к несозданной красоте небесной, чтобы мы не ходили на совете нечестивых (Пс. 1:1), не останавливались на распутье грешников, заграждали слух свой от пустословия и легкомысленного глумления людей суетных и отверзали уши свои со всяким вниманием к слушанию слова Божия и славословий Божественных! Станем поступать таким образом, и благодать Божия введет нас в жизнь вечную, ради заслуг и крестных страданий Господа и Бога нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа в неделю Крестопоклонную (о крестном знамении)

Дал еси боящимся Тебе, Господи! знамение, еже убежати от лица лука. (Пс. 59:6)

Премилосердый, не истощимый в благости Своей, Триединый Бог, предопределит даровать нам вечное блаженство, еще в Ветхом Завете обещал через пророка Исаю воздвигнуть для народов знамение спасения, послать спасенных Им *возвестить славу Свою неведевшим Еgo* (Ис. 66:19), не имевшим истинного познания о Нем, Творце своем, собрать в Церковь Свою *избранных* из всех народов (Ис. 66:20), и *работающих* Ему назвать *именем новым* (Ис. 65:15). И в полноту времен, Господь и Бог наш Иисус Христос, удовлетворив правосудию Божию за грехи рода человеческого крестными страданиями Своими, призвал в Церковь Свою людей из всех народов, племен и языков, запечатлел их *именем новым*, – именем Христиан, и даровал им для отличия от неверных, не умеющих истинного Богопознания, крестное знамение Свое, как избранному Своему народу, царскому священику, как людям взятым в Его Божественный удел, с тем, чтобы они святостью жизни возвещали совершенства Призвавшего их из тьмы в чудный свет Своего Богоизбрания (1Пет. 2:9). Таким образом, знамению Св. Креста вполне соответствует пророческое изречение царя Давида: *Дал еси боящимся Тебе, Господи! знамение, еже убежати от лица лука* (Пс. 59:6), коим лукавым мещет раскаленные стрелы свои (Еф. 6:16) на нашу пагубу. Ибо Крест Иисуса Христа, будучи оружием победы Его над адом, смертью и вечным врагом рода человеческого, есть вместе знамение нашего спасения. Посему, знаменуя себя Св. Крестом, мы, подобно воинам, ратующим под знаменем Царя земного, поставляем себя под священную хоругвь Христа Спасителя, становимся в ряды Его воинства, как бы обновляем обеты, данные нами во Св. Крещении, отрекаемся своей воли, предаем себя водительству Господа

нашего, ограждает себя щитом нашего спасения – от козней враждебных нам.

Сообразно с сей целью, для ограждения себя крестным знаменем, слагаем три первые перста правой руки во образ всесвятого, единосущного, Триединого Божества¹, означая тем тайну искупления нашего, совершившуюся на Кресте изволнением Отца Небесного, любовью единородного Сына Его и содействием пресвятого Духа. Вместе с сим, пригибая к ладони два меньшие перста той же руки, означаем ими два естества Господа нашего Иисуса Христа, явленные нам в Его вочеловечении, – Божеское и человеческое, которое Он воспринял в утробе Приснодевственной Матери Своей, чтобы принести Себя Отцу Небесному во умилостивление за грехи всего мира. Итак, знаменуя себя Св. Крестом, мы сокращенно исповедуем великое таинство нашего благоверия².

Предание, по которому для крестного знамения слагаем три первые перста правой руки, пригибая два меньшие к ладони, повсеместно переходит из рода в род у всех Православных народов, обитающих, кроме России, в Грузии, Анатолии, Греции, Сирии, Палестине, Аравии, Египте, Молдавии, Валахии, Болгарии, Сербии, Иллирии, Трансильвании, Венгрии, и столь древнее, что в Истории невозможно указать на время, в которое произошло установление слагать изложенным образом персты для крестного знамения. Из сего следует, что употребляемое в восточной Православной Церкви, для крестного знамения, перстосложение восходит ко временам Апостольским и установлено Св. Апостолами. Ибо, по словам блаженного Августина, «что содержится всей Церковью, а Соборами не установлено, но всегда было соблюдаемо, то поистине предано Апостолами»³.

Приступая к молитве, мы поставляем себя перед лицом Бога вездесущего. Почему, в храме ли Божием, или наедине, начиная молиться, сперва ограждаем себя знаменем Св. Креста, и возлагая три большие перста правой руки на чело, говорим: *во имя Отца*; потом, низводя руку на перси, произносим: *и Сына*; наконец, перенося руку на правое и левое плечо, заключаем крестное знамение словами: *и Святого Духа*,

аминь⁴. С произношением сих слов христианам всего естественнее обновить в уме и сердце своем обеты, изреченные нами при св. купели возрождения, когда мы, погружаясь троекратно в спасительных водах Св. Крещения, во образ смерти Спасителя, и как бы погребаясь с Ним, отреклись сатаны, всей гордыни, всех дел его, и, отрожденные Духом Святым, приняли на себя обязательство – считать себя мертвыми для греха, ходить в обновленной жизни, последовать воле Спасителя, с которым таинственно соединились (Рим. 6:4, 5), поступать по Его заповедям. Но как мы произвольными своими грехами осквернили светлую одежду оправдания Христова, в которую облеклись во Св. Крещении; а от пристрастия к миру силы наши омертвили до того, что по нерадению нашему в нас царствует грех, то, полагая на себе знамение Св. Креста с углублением в самих себя, не может не ощущать в сердце своем болезненного сокрушения о том, что мы ежечасным преступлением закона Божия, преогорчили благодать Духа Святого, отпали от Завета с Богом, отложились от Спасителя своего. А живое ощущение духовной нищеты нашей не должно ли из глубины души исторгнуть пламенных вздоханий, – да поможет нам животворная сила Креста Христова подвизаться против греха хотя бы до крови? Не сильно ли возбудить в нас непрестанной внутренней молитвы, – да простит нам вечное Милосердие наши прегрешения и соделает нас наследниками блаженства, уготованного имеющим имя Отца Небесного, написанное на чехах своих (Откр. 14:1); да не престает Спаситель посещать нас Своей благодатью по слову Своему: *се, стою при дверех и tolку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною* (Откр. 3:20); да всеоживотворяющий Дух Святой укрепит нас всемоющей Своей силой на дела благая, а в последний день мира сего удостоит нас участи стоящих одесную Христа Судии и спасет от части осужденных, поставленных ошуюю?

После слов: *во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь*, – при крестном знамении употребляются и краткие молитвы: *Боже, милостив буди мне грешнику! Боже, очисти мя*

грешнаго и помилуй мя! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! Так же ограждаем себя Св. Крестом, произнося, или внимая в храмах Божиих пространным молитвам, особенно при изречениях, содержащих в себе славословие Всесвятой Троицы. Сим означается, что мы умоляем благость Божию о нашем помиловании и ниспослании нам необходимых благ, не ради молитв наших, или каких-либо добродетелей, но по преимуществу ради крестных страданий и смерти Господа нашего Иисуса Христа. Сопровождая же такими мыслями и чувствами крестное знамение, с одной стороны, мы как бы обновляем одежду оправдания, полученную нами во Св. Крещении, приносим во умилостивление за нас вечному Правосудию голгофскую жертву Спасителя, представляем, так сказать, между собой и правдой Божией Иисуса Христа, Ходатая и Совершителя нашего спасения; с другой стороны, посвящаем Богу наш ум с его мыслями и познавательными способностями, наше сердце с его желаниями и чувствованиями, наши душевые и телесные силы со всей их деятельностью, словом приносим в жертву Богу наши души и тела (Рим. 12:1), прославляем Бога в теле и в духе нашем (1Кор. 6:20). Ибо, по учению Св. Амвросия Медиоланского, «когда мы знаменуем себя Св. Крестом, то он является нам печатью Христовой на челе, печатью на сердце, печатью на мышцах. На челе, да всегда исповедуем Христа, на сердце, да всегда Его любим, на мышцах, да благая делаем... Крестное знамение на челе, как на месте стыдения, да не стыдимся исповедовать Христа распятого, который не стыдится нарицать нас братиею Своюю (Евр. 2:11); знамение на сердце, как на месте любления, да всем сердцем возлюбим Его, яко Той первее возлюбил нас (1Ин. 4:19); знамение на мышцах, да поработаем Ему, Господу нашему, и понесем на раменах тяжесть Креста⁵. Таким образом, наружное изображение на себе Св. Креста, сопровождаемое верой и размышлением, не может не возбуждать в нас живого ощущения тайны нашего искупления, живого чувствования цены, искупившей нас от плена адского, а вместе с сим самоотвержения и всецелой преданности воле Господа нашего Иисуса Христа до готовности,

ради славы имени и Царствия Его, на всевозможные скорби, поношения и страдания.

Соображая все сие, легко усмотреть, что благоговейное умиление и теплота святого чувства, при осенении себя знаменем нашего спасения, есть самая естественная дань христианина безпределной любви Спасителя, искупившего нас крестными страданиями от плена адского. Почему, для приведения себя в состояние, соответственное столь важном, как крестное знамение, действию, с одной стороны, по наставлению вселенского учителя, «должно изображать на себе Крест не просто, одними перстами, но прежде начертать его в мысли с великой верою»⁶; с другой стороны, полагать его на теле нашем неспешно, но с благоговейным размышлением, соответственно важности сего, предоставленного всякому православному христианину, священнодействия. Из сего явно, сколь предосудительно поступают знаменующее себя Св. Крестом с такой небрежной, или даже умышленной, поспешностью, с таким легкомыслием, что скорое, неопределенное движение руки их, представляется взору не крестным знамением, но как бы детской игрой, не имеющей никакого значения. Не поставляют ли себя такие люди в числе тех, которыми, по выражению Св. Писания, унижается Крест Христов (1Кор. 1:17), коих погибель не воздремлет (2Пет. 2:3)? Не должны ли они, вместо благодатной силы Креста Христова, ожидать вечного стыда, который покроет их во второе пришествие Господа и Бога нашего, когда явится Крест Его со всем воинством святых Ангелов Его?

Такая легкомысленная небрежность, по всей вероятности, происходит или от невежества, или от неверия; между тем, как жизнеописания Святых, предания и бытописания Св. Церкви представляют многие примеры, что для ограждающих себя крестным знаменем с верой и благоговением, Крест есть источник небесного благословения, податель освящения, благонадеянное врачевство от неисцеляемых недугов, истребитель смертоносной силы всякого яда, благонадежный якорь спасения во всех житейских треволнениях, всемощное орудие веры, покоряющее воле избранных Божиих законы

природы, осенение силы Божией, содействующей нам во всяком добром деле, победное оружие в борьбе с врагами душевного спасения; что знамение крестное прогоняет нечистые помыслы, смущающие нашу душу, восстановляет внутренний мир, разрушаемый искушениями мира сего, рассеивает греховную мглу, омрачающую ум наш и волнующую чувства, потушает свирепость страстей, и, как добрый пестун, руководствует нас, наставляет и вразумляет на пути к вечному нашему предназначению.

Если же сила крестного знамения, сопровождаемого верой и благоговением, столь благодатна в подвигах благочестия и столь благотворна в делах житейских, если Господь и Спаситель наш обещал исполнить все, чего ни просим во имя Его у Отца Небесного (Ин. 14:13), а Апостол завещал нам: *непрестанно молитесь, о всем благодарите (1Сол. 5:17,18); аще убо ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите (1Кор. 10:31)*, то христианину и прилично и должно не только в часы, определенные для молитвы, но и при всяком, особенно важном занятии, ограждать себя знаменем Св. Креста. Так поступали христиане первых веков и отцы наши, и никогда не были постыжены в надежде своей на Бога. Воспоминание крестных страданий и смерти Спасителя, вера и упование на смерть Его столь глубоко были насаждены в мыслях и чувствах первенствующих христиан, что они не стыдились, при всяком действии, ограждать себя знамением Св. Креста. «Мы», говорит один христианский писатель III века, «ограждаемся крестным знамением при всяком действии и движении, при входе и выходе, одевании, обувании, умовении, садясь за столь, зажигая свечу, идучи ко сну, и вообще при всяком упражнении»⁷. Поступать таким образом внушали христианам Пастыри их, Святые Отцы Церкви, со всей ревностью. «Да не стыдимся», поучает один из них, «исповедовать Распятого, с дерзновением да изображаем рукой знамение Креста на челе и на всем: на хлебе, который вкушаем, на чашах, из которых пьем, да изображаем его при входах, и выходах, когда ложимся спать и встаем, когда находимся в пути и отдыхаем. Он великое предохранение, данное бедным в дар и слабым без труда. Ибо

это благодать Божия: знамение для верных и страх для злых духов...». «Твори знамение честного Креста, когда принимаешь пищу и питие, когда сидишь, стоишь, беседуешь, ходишь, и не начинай никакого дела, не озnamеновав себя честным Крестом, ни в доме, ни на пути, ни днем, ни ночью, и ни в каком месте»⁸.

А кому нам подражать, братья, как не первенствующим Христианам, если искренно желаем вечного спасения? Да будет же и в наших мыслях и чувствах неизгладимыми чертами напечатлена память крестных страданий и смерти Спасителя нашего; да будут проникнуты ими наша душа и тело, ум и сердце наше, воля и желания наши; да предшествует и нашим занятиям и упражнениям крестное знамение, и, по выражению Св. Церкви, *непобедимая, непостижимая, и Божественная сила честного и животворящего Креста Господня не оставит нас грешных*⁹, но будет для нас силой Божией во спасение! АМИНЬ.

Слово в Крестопоклонную неделю

Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит душу свою? (Мк. 8:36)

Если удовольствия мира сего разнообразны, сокровища и блага его неисчислимы, и посему никто из людей не в состоянии исчерпать всех наслаждений и удовольствий мирских, завладеть всеми его сокровищами, то какая польза в наслаждении через несколько мгновений теми или другими удовольствиями, в обладании какою-нибудь, хоть и большой, долей мирских сокровищ, когда при потере души, нет никакой пользы даже в приобретении целого мира, хотя бы сие было возможно? Но как же обойтись без сокровищ мира сего, спросите, возможно ли не употреблять благ его, когда мы сами земные? Как отвергать временные удовольствия, когда мы сами во времени, посреди мира, на земле еще, а не на небе? По духу Евангелия, братья, сообразное с его внушениями употребление благ земных не препятствует душевному спасению, даже не воспрещаются чистые, непорочные удовольствия: пагубно только пристрастие к благам земным, гибельны удовольствия, узаконенные растленными обычаями мира сего. Посему слово Божие заповедует христианам: *не любите мира, ни яже в мире* (1Ин. 2:15), т. е. не пристращайтесь ни к чему в мире, не следуйте растленным его обычаям!

Блага мира сего, к коим пристрастие душепагубно и воспрещается словом Божиим, такого свойства, что не было еще примера, чтобы кто-либо, умирая, радовался тому, что он в течение жизни изобиловал земными благами; что он, например, ежедневно украшался новыми разнообразными одеждами; что провел жизнь в мирских удовольствиях; что не отказывал сердцу своему в его желаниях; что он кружился в вихре мирских увеселений, забавлялся всякого рода играми, предавался всем наслаждениям. Напротив, жизнь, проведенная в суетных удовольствиях, всегда составляет при смерти мучительнейшее воспоминание, потому что человек, чувствуя приближение вечности, ценит предметы настоящего мира не по их виду, а по

их достоинству; тогда он ясно видит ничтожность благ, кратковременность мирских удовольствий, и с горестью удостоверяется, что он для суеты и тления теряет вечное блаженство. Какие же к тому присовокупляются терзания совести при воспоминании, что, в течение жизни, он покупал мгновенные удовольствия то самым безумным легкомыслием, то самыми тяжкими заботами; что, еще пользуясь жизнью, он за каплю сладости часто платил долговременными горестями; что за любовь мира получал от него восмехание; что, вместо желаемой свободы, был рабом греха и своих прихотей, что вместо прямого пути, ведущего к цели бытия его, он ходил по распутьям, доведшим его до пагубы, потому что блага мирские, которыми он столько дорожил, которые с таким усилием старался уловить, не только не погасили, а еще более усилили огонь желаний, палящий его сердце, уготовав для него огонь геенский, вечный!

А каких изнурений, какого истощения сил стоят миролюбцам предметы их желаний? Чего, например, стоят одни прихотливые, постоянно измывающиеся наряды? Какими горестями терзает людей честолюбие? Какие мучительные болезни рождает плutoугодие? С какими тяжкими трудами наживается богатство, как томительно опасение потери его, и в какую неутешную горесть повергает людей утрата благ земных.

И при всем том, как легкомысленно пристрастие миролюбцев к времененным благам? Удовольствия мира сего исчезают, а они хотят удержать их; роскошь улетает, а они силятся продлить ее наслаждения; цветы, прельщающие их, тлеют, а они хотят оживить их; юность увядает, а они мечтают возвратить ее; силы их оставляют, а они надеются на их возрождение; песнопения умолкают, а они еще к ним прислушиваются; пузыри их счастья лопают, а они из разлетевшейся пыли хотят составить новый призрак счастья; время улетает, а они живут, не думая о вечности, как будто они вечные жители земли, или заключили договор со смертью. Но если для поддержания нашего бытия на земле немного нужно, да и то, что действительно необходимо, не на долго; если в минуту смерти, рано или поздно она случится, все блага мира

для человека уже не существуют; если при потере вечного спасения нет никакой пользы в приобретении целого мира; если мы созданы для вечности, то не лучше ли, отрешившись от всякого пристрастия к благам мира сего, всеми силами стараться о приобретении вечного блаженства, которое одно истинно, одно необходимо!

Внушая беспристрастие к земным благам, Евангелие с особенной силой напоминает, заповедует, требует от христиан не любить мира, т. е. не любить мирского образа жизни, отчуждающей от Бога, не следовать растленным обычаям и превратным правилам века сего, которых вся мудрость состоит в словах : «так принято, так водится, делать нечего!» – не предаваться беззакониям, называемым в мире то слабостью, то невольным, будто бы, увлечением. Из этого явно, какого мира Евангелие внушает не любить. Взгляните на этот мир, что в нем происходит? Сродники обманчивы, друзья лживы, приближенные вероломны, тот лицемерит, а в том нет искренности; по выражению Писания: *сын востает на отца, дочь на мать, невестка на свекровь свою* (Мф. 10:35), родители сами служат соблазном для детей своих, сами растлевают их нравы; даже супружеский союз, возведенный Спасителем мира на высокую степень таинства, для живущих по обычаям мира, становится домашним адом и терзанием. Стоит ли такой мир любви нашей? стоит ли любви нашей тот мир, на который взирая, невольно подумаешь: не настали ль уже те времена тяжкие, в которые, по предсказанию Апостолов, имели появиться *человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хулницы, родителем противящиися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирителни, [продерзиви, возносливи,]* невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы, имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися (2Тим. 3:2–5), распространяющие пагубные мнения, сеющие повсюду ложь и пересуды, злословящие то, чего не понимают (2Пет. 2:12).

Вот какого мира Евангелие заповедует не любить, того мира, о котором помышляя, кажется, слышишь древних

Пророков, жалующихся, что люди уклонились от путей спасения, что нет творящего благо, нет разумевающего, или взыскивающего Бога (Пс. 13:2, 3), потому что уста их полны злословия и пагубы, *гроб отверст гортань их, языком своим льстят* (Пс. 5:10); между тем – как яд аспидов под устнами их (Пс. 139:4), во всем руководствуются самолюбием, стыдятся искренности и правды до того, что добродетели у них лицемерны, беззакония открыты, совещания постыдны, беседы Богохульны. И к этому миру пристращаться? Не должно ли, напротив, по заповеди Евангельской, всемерно отвращаться от того мира, который рассматривая, приходишь к мысли, что люди, по выражению одного Пророка, затеяли из паутины соткать некую ткань, *зачинают труд и рождают беззаконие* (Ис. 59:4)? Но, паутинный постав их не будет на ризу, и не одежутся от дел своих (Ис. 59:6). Почему? Потому что дела их – дела Богопротивные, – нозе их на зло текут, – стези их развернуты, по них же ходят, и не ведят мира. Того ради, ждущим им света, бысть им тма, осяжут яко слепии стену, и падутся в полудни яко в полунощи (Ис. 59:7–10), – сокрушение и бедность в путех их (Ис. 59:7). Таким образом, от вельможи до раба, от обитающего в чертогах до смиренного на земле и пепеле, у людей грехолюбивых, провождающих жизнь по растленным обычаям мира сего, ярость и зависть, мятеж и молва, страх и вражда, ропот и рвение (Сир. 40:3–5), злоба и жадность, бесстыдство и отвращение; даже ночью сон смущает их страшными мечтами (Сир. 40:5). Стоит ли такой мир любви нашей? стоит ли он того, чтобы прилепляться к нему сердцем? Не безопаснее ли порвать с ним все связи, увлекающие в забвение Бога и правды Его, тем паче, что ни какой пользы в приобретении целого мира нет потерявшему вечное спасение.

Так, братья, для приобретения Царствия Небесного необходимо приобрести сердце мудрое, пылающее всей любовью к Спасителю, беспристрастное к благам земным. Не будем же ни к чему земному прилагать сердца своего, но станем пользоваться земными благами равнодушно, как бы не пользуясь ими (1Кор. 7:31), памятуя, что древо мирских наслаждений, хотя украшено плодами, восхитительными для

взора, и, по-видимому, сладкими для вкуса; но горе тому, кто раскусит плод мирских наслаждений до сердца, потому что в нем мучительный, убийственный яд. Да блудемся следовать превратным мнениям и растленным обычаям мира сего, потому что все мирское не более как *похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, а мир и похоть его некогда, как дым, исчезнут, только творящие волю Божию пребудут во веки* (1Ин. 2:16,17). Аминь.

Слово в неделю Крестопоклонную

Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит душу свою? (Мк. 8:36).

Да, скажет иной, если бы приобрести и обладать целым миром, – тогда бы нечего было желать более, потому что можно было бы удовлетворить всем своим желаниям, так что сердце наше могло бы вполне насытиться! Нет, братья, по словам Господа, создавшего наше сердце, не принесло бы нам никакой пользы и приобретение целого мира, или, что то же, и целый мир не в состоянии доставить полного удовлетворения нашему сердцу! *Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит душу свою?* От чего же? От того, что сердце наше создано для вечного блаженства, что мы сотворены для соединения с Богом, – бесконечным благом! Посему тленные, скоропреходящие блага мира сего, – целый мир – никогда не насытит, не успокоит нашего сердца. В сей истине каждый из нас опытно удостоверяется в течении жизни, а опыты всемерно старающихся благоугодить Богу своей жизнью удостоверяют, что хотя полное блаженство предоставлено последователям Христовым в вечности, но сердце наше еще в настоящей жизни может найти в Иисусе Христе такое успокоение, какого не в состоянии доставить нам и обладание целым миром, не смотря на то, что путь, ведущий к Царству Небесному, тесный, тернистый, а решившиеся по нему идти, должны сверх того взять на себя крест свой, благодушно, с полной преданностью воле Божией, переносить всякого рода скорби и злоключения в мире сем, и последовать, т. е. подражать земной жизни Иисуса Христа. Только таким путем может человек приобрести в настоящей жизни успокоение своего сердца и вечное блаженство, и блага мира сего никогда не удовлетворять вполне сердечных наших желаний. Посему, если дорого для нас душевное спокойствие и вечная наша участь, то такие истины достойны постоянного нашего размышления.

В самом деле, несмотря на неисчерпаемое обилие благ земных, коими благость Божия обогатила наш мир, заключает

ли в себе этот мир что-либо такое, чем бы мог наполнить наше сердце, удовлетворить его желания? Поистине, нет! Правда, в нашей юности мир представляется нам как бы в радужном сиянии и таким безграничным, таким сладким, снисходительным, добрым, приветливым, щедрым, что, по видимому, готов за ничто предложить нам неисчерпаемые свои сокровища, свои, на взгляд, вечноцветущие красоты, – обещает полное во всем обилие, роскошь, наслаждения, бесконечные удовольствия, а выходит на опыте, что все обещаемое миром – суeta, обман и горе. Напротив того, как бы мы были счастливы, если бы желания сердца нашего с отрочества сосредоточены были в Боге; если бы наши мысли и действия направлены были к благоугождению Богу всей нашей жизнью, если бы мы не знали и никогда не испытывали так называемых наслаждений и удовольствий мира сего!

Но человек, увлеченный обманчивыми призраками мирского обаяния, с жадностью за ними стремится, тогда как, с одной стороны, хотя бы блага мира сего лились рекой в наше сердце, оно, будто бездонный сосуд, никогда ничем не наполнится; с другой стороны ненасытное, зияющее беспрерывными желаниями наше сердце, от вкушения мнимых благ земных, поражается томлением, досадой и мучительными терзаниями. Горестнее всего то, что осуществление самых восхитительных, самых сладостных надежд нашей юности производит во глубине души нашей самые болезненные ощущения, самое горькое раскаяние! Нечего другого и ожидать от мира, когда блага его не в состоянии доставить нам прочных удовольствий; когда утро нашей юности, обещавшее прекрасный, ясный день жизни, часто в самом начале ее внезапно помрачается тучами скорбей и злоключений; когда восхищающие нас красотой цветы почти от одного к ним прикосновения увядают, когда оказывается, что зародыши самых сладких плодов источены червями, когда услаждавшие юношу песнопения превращаются в стоны и рыдания, когда самые отрадные мечты, предположения исчезают будто сновидения, когда существа, казавшиеся нам светлыми ангелами, оказываются в последствий злобными; когда то, что издали сияло блеском золота и драгоценных

камней, вблизи является иссохшим злаком, или ничтожным стеклышком, из разбитого сосуда; когда роскошь превращается в гной, красота в безобразие, сладость становится горестью, друзья делаются врагами, а жизнь, обещавшая одни удовольствия, представляется безотрадной, ужасающей, как пустынная, каменистая степь!

Если бы еще неудачи, скорби, горести, злоключения могли обратить путника земной жизни на путь покаяния, привели его к Богу, тогда земной странник, вкусив блаженства тех, коим прощены грехи их, мог бы еще в сей жизни, в уповании на удовлетворение за нас правосудию Божию крестными страданиями Спасителя, приобрести спокойствие совести. Но люди большей частью, терзаясь не столько раскаянием о своих заблуждениях и проступках, сколько несбыточностью своих юношеских надежд и ожидания, снова желали бы сделаться юношами, и не смотря на то, что с зрелым возрастом начинают ощущать в себе оскудение сил, охлаждение крови, притупление чувств, допускают к сердцу своему юношеские мечты и желания, и, обращая взор на протекшую юность, сожалеют только о том, что она протекла невозвратно, вздыхают о ней, будто Адам о рае потерянном! Тщетно! Время, как Херувим, стоящий у рая с пламенным оружием, заграждает перед грешником врата его юности и говорит изгнаннику: счастье твое невозвратно! И, действительно, никогда уже не возвратится наша юность, не возвратятся светлые дни ее; самые надежды, возникавшие в юношеском нашем сердце, желания, кипевшие в нем будто смола на раскаленных угольях, время охладило, умертвило в самом зародыше их!

Однако ж, не смотря на то, что легкомысленное уклонение на путь своеволия, что наслаждение благами мира сего и суетные удовольствия оставляют в сердце нашем пустоту, терзают совесть бесплодным, мучительным раскаянием, человек, устремляя взор свой в будущее и увлекаясь новыми обольщениями, новыми призраками счастья, постоянно сгорает жаждой блаженства, ощущает в груди своей новые тревожные желания. Различные степени почестей, многообразные способы к обогащению и угождению чувственности, представляются

глазам нашим как бы стремнистыми горами, коих вершины высятся в воздушной высоте, привлекая к себе путников настоящей жизни обольстительными призраками мнимого блаженства, и человеку кажется, будто стоит только занести ногу на первую из гор, преграждающих ему путь к осуществлению его желаний, и – нечего будет желать более. И вот он устремляется на гору мнимого счастья, пускается по первой тропинка на удачу, ползет стезями низости и происков, лепится по утесам лести и лукавства, взбирается на первую из привлекавших его возвышенностей, достигает желанной почести, звания, корысти, состояния!.. Напрасно! Едва он достиг желаемого, как увлекавшее его очарование исчезает; а на высоте общественного звания, бывшей предметом пламенных его желаний, не находит он и малого места для спокойного преклонения главы своей. Обманутый в своем ожидании, миролюбец снова усиливается достигнуть осуществления то тех, то других желаний своих; но все его усилия оканчиваются досадой на самого себя, ненавистью окружающих его, отвращением от самой жизни, невыносимыми терзаниями совести. А каких жертв, каких усилий, лишений, тревог, изнурений стало ему исполнение каждого из его желаний! Если бы человек столько, или хотя в половину того трудился для приобретения душевного спасения, сколько изнуряет себя для приобретения почестей, богатства, для угождения своей чувственности, то мог бы и на земле найти довольство, и в вечности пробрести бесконечное блаженство, потому что *благочестие на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго и грядущаго (1Тим. 4:8)*.

Впрочем, если бы уклоняющийся от вечного своего назначения, от высокой цели бытия своего, и вечно жил на земле, все бы постоянно томился какими-нибудь желаниями, а с осуществлением их бесплодно терзался бы душевными муками, – хотя бы приобрел несметные сокровища, испытал все удовольствия мира сего. Но гроб – предел наших суетных желаний! Истощеный в силах, истраченных в суете и безумии, грешник низвергается на одр предсмертных болезней и с отчаянием удостоверяется, что между им и миром опускается

непроницаемая завеса! Тогда вполне сознает несчастный в глубине души своей истину изречения Господня: *кая бо польза человеку: аще приобрящет мир весь, а отщетит душу свою?* К чему же я трудился, говорит тогда миролюбец, к чему перенес я столько изнурений и забот; к чему напрягал все силы свои, мучился желанием приобрести блага земные, когда они сами по себе ничтожны и отказываются сопровождать меня в жизнь замогильную, не сойдут со мной в область предстоящей мне вечности? Ах! горе мне, что я столько перенес трудов для того, чтобы потерять Бога; горе мне, что я столько трудился для своей гибели, а ничего не сделал для исинного своего счастья, для приобретения блаженной вечности! Тщетные вопли! хотя и в последние минуты крепкая вера в Бога и надежда на милосердие Божие, на ходатайствующие о нас перед вечным правосудием крестные страдания Спасителя, могли бы исторгнуть грешника из пропасти отчаяния, если бы сердце миролюбца, пережженное огнем страстей и беззаконий, могло еще распасться любовью к Богу.

«Как же жить в мире?» – спросите. Жить по учению Евангелия, не любить ничего в мире более Бога и Его заповедей, не пристращаться ни к чему земному, не привязываться сердцем своими к богатству, когда оно течет к нам, не жаждать его, когда Промысл Божий отказывает нам в нем, не пристращаться ни к чему, что может овладеть всей любовью нашего сердца! По совету Апостола, имеющие жен должны быть как бы не имеющие их; плачущие о какой-либо потере, как не плачущие; радующиеся чему-либо, как не радующиеся; покупающие, как ничего не приобретающие; словом, пользующиеся миром сим должны быть как не пользующиеся им (1Кор. 7:29–31); – не помышлять о вечной своей участи, стремиться всей мыслью, вздоханиями и желаниями сердца нашего к горнему отечеству, где Господь наш Иисус Христос восседит одесную Отца Небесного, Которому с Его Сыном и Духом Святым честь, слава и поклонение во веки веков. Аминь.

Слово в Крестопоклонную неделю

Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю (Мк. 8:35)

Что значит «погубить душу свою»? Значит возненавидеть ее до совершенного от нее отречения, как и выражается в другом месте сам Спаситель: *ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю (Ин. 12:25)*. Но как возненавидеть душу свою, когда любить и ненавидеть – есть свойство самой души? Под именем души Иисус Христос убеждает возненавидеть греховный образ жизни нашей, отвергнуть преступные мысли, желания, чувствования, которые овладевают душой нашей до того, что увлекают нас на дела Богопротивные, – возненавидеть греховные наклонности, которые, господствуя в душе, погашают в нас пламень любви Божией и устремляют нашу любовь единственно к тому, что приятно нашей чувственности, что для ней одной вожделенно и сладостно, словом, – возненавидеть превратную любовь к нам самим, сросшуюся с нашей душой, и тем спасти, сохранить самую душу для жизни вечной. Каким же образом совершается в человеке эта спасительная ненависть к самому себе? Как изгнать из сердца своего услаждение греховными мыслями, желаниями и делами? Постоянным преследованием самолюбия и беспрерывным усилием любить одного Господа Иисуса Христа. В этом состоит и главный подвиг решимости впредь жить сообразно с волей Божией, требуемой от нас в Таинстве Покаяния.

1. Преследование превратного самолюбия мы можем совершать постоянным усилием изгонять из сердца своего греховные мысли, желания, ощущения, при первом их зародыше, не допуская им усилиться в нас и овладеть нашей волей. Чем же и как изгонять их? Размышлением о смерти, о страшном суде Божием, о крестных страданиях Спасителя, до которых довели Его грехи наши, о бесконечном блаженстве, уготованном в Царствии Небесном любящим Бога, и вечных

мучениях, уготованных нераскаянным грешникам в геенне огненной. Постоянное противоположение в нашем уме таких истин греховным искушениям и мыслям составляет ту тягостную борьбу, за которую в вечности ожидают победителей неувядаемые венцы. К прискорбию, в сердце нашем наследственный грех рождением нашим открывает неиссякаемый источник греховных желаний; от сердца нашего (Мф. 15:19), по слову Спасителя, исходят все греховные, злые помышления; и внутренняя борьба наша с греховными вожделениями оканчивается только с нашей жизнью, потому что мы до гроба не расстаемся с нашим грехолюбивым сердцем. При всем том, для приобретения вечного спасения необходимо, чего бы то ни стоило, стараться приобрести в этой борьбе перевес душеспасительных желаний над чувственными наклонностями, не допускать себя до того, чтобы грех, поработив нас в настоящей жизни мучительству страстей, низверг нас, сверх того, в муки вечные!

Вступивший в борьбу с греховными своими вожделениями испытывает, что эта борьба тем тягостнее, что к пагубе нашей воюют против нас дух злобы и мир со своими соблазнами и обычаями. Но по опытам известно, что искушение и наветы сих внешних врагов не столь опасны, как господствующая в нас самих какая-либо страсть, которой человек естественно искушается (Иак. 1:14), по испорченности своей природы, обольщаясь ее стремлением на зло и сам собой, и наветами вечного нашего губителя и мира, во зла лежащего. Преобладающая в каждом из нас какая-либо страсть есть коренной наш грех, который, не быв обессилен в юности, с возрастом обращается в навык и, поработив нас своему мучительному игу, становится для нас до такой степени увлекательным, вожделенным, преобладающим в нас, что преодолеть его, кажется, будто все равно, что расстаться с жизнью. Посему, если человек не прилагает всевозможных усилий к преодолению преобладающего в нем греха, то рано или поздно вынужден бывает принести ему в жертву свои способности, свои силы, свое здоровье, все, что имеет. Даже в тех, которые неутомимо противоборствуют пагубной,

усилившейся в них страсти, она, как господствующий грех, отравляет самые благочестивые желания, самые спасительные намерения и действия, не допускает человека совершить ни одного доброго дела, не осквернив его своими ядотворным дыханием. Не смотря на все это, надобно непременно расстаться с сим природным врагом нашим, надобно преодолеть, ослабить его, сколько бы сие для нас ни было тягостно, потому что сберегающий в этом смысле душу свою, по слову Спасителя, погубит ю (Мк. 8:35).

Итак, Боголюбивая душа, если желаешь вечного спасения, поражай господствующий в тебе грех всеми силами твоими и всеми средствами, приобретенными для сей цели крестными страданиями Спасителя и сообщаемыми нам Его благодатью! Но не забывай ни на одно мгновение, что как ехидна под цветами, так господствующий в нас грех часто кроется под личиной мнимых добродетелей, украшается самыми благовидными намерениями, усыпляет нас своим обаянием, надмевает суетным достоинством мнимых наших добродетелей. Не верь льстивым внушениям самолюбия; сорви личину, под которой кроется это чудовище, и ты ужаснешься страшного безобразия души твоей! Ужаснешься, увидев, что все, что занимает твое воображение, что составляет предмет твоих желаний, все твои действия, твоя походка, твои движения, самые взгляды управляются грехом, гнездящимся в твоем сердце. Посему, если желаешь душевного спасения, ни на одно мгновение не предавайся беспечности, но постоянно поражай внутреннего врага твоего словом Божиим, возненавидь его всей крепостью твоей, не допускай возникать ему ни на одно мгновение, не верь ему и тогда, когда он кажется тебе мертвым! Если этот враг – сластолюбие, борись с ним постом и воздержанием; если он – сладострастие, возносись мыслью к Спасителю, прибегай к животворной силе креста Господня; если тот враг – корыстолюбие, размышляй ежечасно о нищете Христовой; если то гордость, имей в виду унижение Спасителя; но особенно во всех искушениях старайся возбуждать в себе любовь к Иисусу Христу, – и ты обуздаешь

внутреннего твоего врага, погасишь разожженные стрелы лукавого (Еф. 6:16).

2. Без любви к Спасителю невозможно победить никакого греха, а тем более господствующего в нас, потому что сердце наше не может быть без любви, а всякое пристрастие к греховному есть беззаконная любовь, которой пламень тогда только потухает в нас, когда мы возбудим в себе любовь к Спасителю и, усиленным стремлением к соединению с Ним, привлечем Его к себе, так что Он вселится верой в нашем сердце (Еф. 3:17). И так, в том только самолюбие не может ни под каким видом господствовать, кто возлюбил Господа Иисуса всем сердцем своими, всем помышлением и всей крепостью своей (Мф. 22:37).

А есть ли в целом мире, на земле и на небе, предмет, стоящий такой любви, как сладчайший Иисус? Может ли быть для души нашей состояние естественнее, блаженнее, как стремление ее всеми силами любви к Спасителю? Единородный Сын Божий, в котором почивает все благоволение Отца Небесного, удивление Ангелов, радованное Праотцов и Патриархов, чаяние Пророков, ожидание народов, веселье и отрада Мучеников, надежда Подвижников, краснейший паче всех сынов человеческих, Иисус Христос – весь желание и сладость, весь любовь и блаженство! Будучи посему достоин всей любви нашего сердца, Спаситель тем более должен привлекать к Себе любовь нашу, что единственno из любви к нам оставил недра Отца Небесного и соединился с нами союзом вочеловечения; низошел на землю, чтобы даровать нам небо; восприял худшее, чтобы доставить нам лучшее; облекся в бренную плоть нашу, чтобы пересоздать телеса наши в тела духовные; принял зрак раба, чтобы доставить нам духовную свободу; смирил Себя до смерти крестной, чтобы нас одушевить вечной жизнью; подвергся уничижению, чтобы нас возвысить к наследию вечной славы; положить душу свою за спасение душ наших; до конца возлюбил нас, чтобы соделать нас достойными любви Отца Своего; вознесся на небо, чтобы привлечь к Себе нас, пристрастных к суете земной.

Размышляя о сем, можем ли не любить, не стремиться всем желанием сердца нашего к Спасителю? Имевшие в виду неизреченную любовь к нам Иисуса Христа все, чем ни обладает мир сей, почитали тщетой ради преизбыточествующей в них любви к Спасителю (Флп. 3:8), и, пылая к Нему всей любовью, чувствуя, что только в соединении с Ним возможно истинное блаженство, взывали к Нему: *прильпе душа наша по Тебе* (Пс. 62:9)! *Сладка гортани нашей словеса Твоя, Иисусе, паче меда устом нашим* (Пс. 118:103), *вожделенны для сердца паче злата и камене честна многа* (Пс. 18:11)! Ничто не разлучить нас от любви ко Христу Спасителю: ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни нагота, ни опасность, ни смерть, ни жизнь (Рим. 8:35)! Одушевленные такими чувствами, Святые не только не помышляли о каких-либо земных выгодах, а даже чуждались всего вожделенного, всего приятного для чувственности; – чуждались всех благ настоящего мира, проливали из любви к Спасителю кровь свою, обрекали себя на заклание, переносили все виды мучений, или, укрываясь в горах и ущельях земных, с радостью переносили и всякого рода лишения, и изнурения, и свирепость стихий, и немощи телесные, предпочитая самую горестную жизнь пристрастью к земным наслаждениям и самоуогождению.

Имея в виду такие примеры, станем вздыхать, братья, из глубины души к Спасителю: да потребит в нас своей благодатью всякий вид самолюбия, да подаст нам силы к одержанию решительной победы над господствующими в нас греховными влечениями; да попалит в нас огнем любви Божественной всякое плотское мудрование, и озарит наш ум светом своего учения; да утвердит нас на камне истинной веры, восжжет в сердце нашем пламень любви Божественной и ниспошлет нам благодать и мыслить, и желать, и поступать сообразно с Его святой волей. Аминь.

Беседа в четвертую неделю Великого Поста (о церковных заповедях)

Аще же (брат твой) и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь. (Мф. 18:17).

Церковь Святая, отродившая нас Св. Крещением для жизни, сообразной с волей Божией, просвещая нас светом Евангельского учения и освещая таинствами нового Завета Божия, руководствует нас, при посредстве своих Пастырей и строителей тайн Божиих, к вечному нашему назначению, к наследию Царствия Небесного. Но врач не в состоянии исцелить больного, наставник не может ничему научить ученика, руководитель не доведет слепца к желанной цели, если больной не станет слушаться врача, ученик не будет внимать своему учителю, а слепец не предастся руководству своего водителя. Подобно сему, все попечения о нас Св. Церкви останутся для нас тщетными, и не доведут нас к вожделенной цели бытия нашего на земле – к вечному блаженству, если мы не будем внимательны и верны учению Св. Церкви, не станем повиноваться благодетельным для нас ее установлениям, будем уклоняться от исполнения ее заповедей. Чего Святая Церковь от нас требует, сие, вообще, можно узнать из Св. Писания, из правил Св. Апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов, также из церковных Уставов. Но Св. Церковь от каждого Христианина преимущественно требует исполнения священных постановлений своих, изложенных в, так именуемых, Церковных заповедях.

1. Итак, Церковь, во-первых, повелевает нам, своим детям, во все воскресные и праздничные дни приходить в храмы Божии, слушать утреню, литургию, вечерню и поучения, молиться Богу с сокрушением и умилением сердца, и исполнять церковные уставы, относящиеся к открытому и общественному Богопочтению. Сколь спасительно это учреждение видно из того, что постоянным участием в Богослужении Св. Церкви Христианин, утверждаясь в ее учении, не подвергается

опасности уклониться на распутья ересей и расколов; что посредством общественного Богослужения – распространяется и укрепляется взаимная между Христианами любовь, потому что, собираясь для самой возвышенной на земле цели в одних и тех же местах, и, не смотря на различие состояний, участвуя в одних и тех же таинствах, Христиане опытно убеждаются, что все они суть дети одного Отца Небесного, призванные для достижения одного и того же назначения, – т. е. вечного блаженства. Но особенно полезно участие в открытом Богослужении Св. Церкви для углубления в нашем сердце истины веры и деятельности христианской, для семейственного благочестия и воспитания детей. Так, самым учреждением христианских праздников Церковь напоминает нам главные, благодетельнейшие события домостроительства Божия о нашем спасении; а излагая на языке удобовразумительном в молитвословиях, песнопениях и чтениях, не только коренные истины веры и основания нашей надежды, но и действия во время земной жизни Спасителя и подвиги Пророков, Апостолов, Мучеников, Исповедников, и многоразличные добродетели людей всякого состояния, прославившихся святостью жизни, постоянно питает в нас веру и надежду, побуждает нас к покаянию и христианской деятельности. Для таких целей установлено Церковью общественное Богослужение; посему, как одно участие в нем, без исправления сердца может быть названо лицемерием, так уклонение от внешнего Богослужения Церкви есть признак если не явного, то скрытного нечестия.

2. К умерщвлению похотей, восстающих на душу, к обузданию дурных склонностей, которых перевес над добрыми желаниями и способностями мы постоянно ощущаем в растленной нашей природе, – пост есть самое действительное, неизбежно необходимое для нас средство. Истину сего доказывает жизнь всех святых Угодников Божиих. Но как для чувственной нашей природы всегда представляются предлоги уклоняться от употребления сего средства, необходимого в подвигах спасения, то Св. Церковь, утверждаясь на преданиях, установила определенные для поста времена, и не только предписала самое умеренное в течении их удовлетворение

голода и жажды, но даже ограничила это требование нашей природы запрещением некоторого рода пищи и пития, как то: мяса, сыра, яиц, молока, вина и других напитков. Такого рода посты, с древнейших времен соблюдаемые Церковью, именуются: первый – Великим, второй – Петровским, третий – Спасовым или Успенским, четвертый – Рождественским. Кроме сего, Церковь требует соблюдать посты в праздник Воздвижения Креста Господня, в день Усекновения Св. Иоанна Предтечи, в среды и пятки целого года; но не в субботние и воскресные дни, по 66 правилу Св. Апостол, исключая Великую Субботу. А по важным побуждениям разрешается употребление мясной пищи даже в среды и пятки со дня праздника Рождества Христова до навечерия Св. Богоявления, в неделю блудного сына и во всю Светлую седмицу. Но Св. Церковь, установив указанные посты для содействия нам в умерщвлении нашей чувственности, тем самым внушает, что исинный пост преимущественно состоит в воздержании от порочных дел.

3. В-третьих, Св. Церковь заповедует воздавать должное уважение Священнослужителям ее, особенно духовному Отцу, которому открываем тайны своей совести, требуя от него советов и следя его руководству в деле нашего спасения. Сколько необходимо в сем отношении иметь искреннего руководителя и наставника, легко усмотреть из того, что мы и в обыкновенных житейских делах часто, недоумевая на что решиться, не умеем сами себе дать совета, не в состоянии придумать способов к избавлению от угрожающих нам бедствий, к избеганию напастей. Тем необходимее опытный руководитель на пути к Царству Небесному; потому что этот путь тесный, скользкий, тернистый, а мы окружены врагами, ищащими нашей пагубы. Если же плотским отцам мы должны оказывать сыновнее почтение за попечение их об устроении временного нашего благосостояния, то тем более заслуживают нашу любовь и уважение духовные наши наставники, как строители тайн Божиих, как живые орудия благодати небесной, руками коих совершаются спасительные новозаветные таинства и преподается нам Тело и Кровь Христова. Посему Апостолы заповедали оказывать Пресвитерам сугубую честь (1Тим. 5:17),

и первенствующие Христиане такое уважение и любовь питали к Пастырям Церкви, что, по свидетельству апостола Павла, Галаты готовы были, если бы то было нужно, исторгнуть и дать ему свои очи (Гал. 4:15); а Св. Григорий Назианзин, исчисляя добродетели матери своей, Св. Нонны, говорит, «кто оказывал такое (как Св. Нонна) уважение руке и лицу Священников (Слово 18)?».

4. Духовник есть врач духовный, а душа наша постоянно страждёт неисцелимым недугом греховности, увлекающей нас в бесчисленные грехи, которые суть такие язвы и болезни души нашей, что поражают ее как бы омертвением, по которому человек не в состоянии не только делать, но даже едва может ощущать истинное добро. Мучительно постоянно продолжающееся болезненное состояние тела; но стократ тягостнее ощущение язв греховных для души, непораженной еще греховным ожесточением. Посему Св. Церковь повелевает четвертой заповедью детям своим – каждый месяц, а, по крайней мере, однажды в год, в Св. Четыредесятницу, исповедовать грехи свои пред Священником, законно рукоположением. И те, которых душевные чувства упражнением в благочестивых подвигах час от часу приходят в более здравое состояние, живо ощущают потребность врачевания души своей таинством покаяния, даже после каждого невольного и мыслью содеянного греха. Сколько же благодетельна заботливость Св. Церкви, требующей, чтобы мы особенно в телесных тяжких недугах, которых причиной, ближайшей или отдаленной, всегда бывает грех, прежде всего, старались исповедью очистить совесть свою, приобщиться Св. Тайнам Христовым и освятиться Таинством Елеосвящения, которое, врачуя душу, часто, как удостоверяют опыты, восстанавливает и телесное здравие.

5. Самая опасная из душевных болезней есть уклонение нашего ума и сердца от истинной веры, потому что при потере истинной веры, ни на земле, ни на небе нет средства к душевному спасению человека. Желая отвратить нас от столь гибельного состояния, Св. Церковь предписывает пятой заповедью, чтобы неопытные в познании Св. Писания, не получившие основательного образования в Богословских

науках, не чихали книг, надписанных еретиками и вообще людьми неблагонамеренными, не слушали их толков и не вступали с ними в собеседования о предметах веры. Апостол Павел даже опытным служителям веры запрещает бесполезные состязания о ее предметах (2Тим. 2:14), тем более не утвердившемуся в учении Церкви опасно внимать превратным толкам, или читать сочинения противящихся истине; тогда как Царствие Божие состоит не в слове, но в силе (2Кор. 4:2), т. е. в вере, действующей любовью, свидетельствуемой исполнением заповедей Божиих (Гал. 5:5). Посему Слово Божие предостерегает нас, что есть люди, ходящие в одежде овчей, тогда как внутри они суть волки хищные (Мф. 7:15); что сам сатана принимает на себя вид светлого ангела (2Кор. 11:14), а потому нетрудно и служителям его принимать вид служителей правды (2Кор. 11:15).

Такие люди, обыкновенно, сперва стараются посеять в умах своих слушателей подозрение на счет просвещения и святости Пастырей Православной Церкви, поселить к ним презрение, потом то насмешками, то хитросплетенными умствованиями отвлекают от правой веры не утвердившихся в ее учении. Из сего видно, извинительно ли отпадение от Церкви тех людей, которые, быв приведены в недоумение на счет истины учения православной Церкви, столь легкомысленны, что даже не обращаются к ее Пастырям с требованием разрешения мнимых недоумений, и в омрачении ума коварными наветами низвергаются в пропасть отступничества от православные, единые искинные веры.

6. Благополучное царствование православного Государя, благоустройство правительствуящих властей, исполнение отечественных законов, благопокорность подчиненных начальствующим, весьма много содействуют преуспеянию истинной веры, распространению Св. Церкви, споспешствуя вместе с сим каждому сыну ее в подвигах благочестия. Посему Св. Церковь, по примру Св. Апостола, возлагает обязанность на каждого православного Христианина совершать молитвы, моления, прошения, благодарения за царя и за всех, состоящих во власти (1Тим. 2:1); как то: за областного начальника, за весь

синклит, за все правительство, за воинство, особенно же за тех, которые благодетельствуют Св. Церквям и пекутся о распространении веры Православной. А как – в лице пастырей Церкви промысл посыпает нам ближайших руководителей в Царствие Небесное, которые, заботясь о душах наших, должны будут дать о нас отчет перед судом Божиим (Евр. 13:17), то Церковь предписывает молиться еще за духовные власти, т. е. за Св. Синод, за митрополитов, архиепископов, епископов, за весь священный чин и причет церковный, чтобы благодать Божия соделала их безукоризненными делателями, верно преподающими слово истины (2Тим. 2:15). По духу нашей Церкви спасительно воссылать молитвы даже за еретиков, раскольников и неверных, чтобы Бог даровал им благодать прийти в познание истины (1Тим. 2:4), и обратиться от тьмы заблуждений ко свету правые веры. Но у Господа нет и мертвых; ибо все живы перед взором Его (Лук. 20:38), посему Церковь сею же заповедью предписывает приносить молитвы, совершать поминовения и подавать милостыню за всех, уснувших сном смерти в надежде воскресения в жизнь вечную, о прощении им всякого согрешения, причислении их к ликам праведность и упокоении во обителях блаженства.

7. Иногда, по причине умножения беззаконии и грехов наших, чтобы обратить нас на путь покаяния, Бог карает нас, поражая целые области страшными бедствиями, каковы: моровая язва, кровопролитные браны и мятежи, засухи и продолжительные дожди, пожары и наводнения. В таких бедствиях, по примеру Ниневитян, отвративших угрожавшее им наказание Божие всеобщим покаянием и постом от взрослых до младенцев, предстоятели Церкви – Митрополиты, Архиепископы и Епископы облечены властью назначать в своей Епархии особенные посты и моления; потому что наши Епископы в отношении к нам – тоже, чем был для Евсеев Св. Тимофей, которому Апостол, поставив его в Ефесе Епископом, заповедал: *настой благовременне и безвременне, обличи, запрети* (2Тим. 4:2). Не внимать призыву к покаянию предстоятелей Церкви, не участвовать в молениях об отвращении гнева небесного, оставаться в такое время

нераскаянным, не тоже ли, что быть равнодушным к всеобщему бедствию и вечной своей участи, раздражать правосудие Божие, привлекать на себя гнев Его и вечное осуждение?

8. Сущность восьмой церковной заповеди состоит в том, чтобы всякое церковное имущество было употребляемо сообразно с своим предназначением, как то: на поддержание и благолепие храмов Божиих, на содержание служителей Церкви и т. д. Заповедь сия, имея, по-видимому, в виду одно внешнее благосостояние Церкви, благотворна для человечества вообще, потому что человеческие общества не только для руководства к вечному блаженству, но и для устроения временного благоденствия ни в чем не имеют такой нужды, как в насаждении, утверждении и распространении Христианского благочестия. Но сие достигается благоустройством Церкви, которое невозможно без вещественных способов и содействия верующих. С сею целью, еще при жизни Апостолов для восполнения нужд Иерусалимской Церкви были собираемы доброхотные пособия в других, от нее произошедших, Церквях (Деян. 11:29, 30). Так в Коринфской и Галатийской Церквях, по установлению ап. Павла, такие пожертвования были собираемы по воскресным дням (1Кор. 16:1, 2). Упоминая о таких подаяниях, апостол Павел говорит, что, если Христиане из язычников сделались участниками в духовных благах Иерусалимских Христиан, то взаимно должны им служить в телесных (Рим. 15:27).

Сколько же спасительно содействие верующих усилиям Церкви в распространении благочестия, очевидно из слов Спасителя, который удостоверяет, что принимающий Пророка во имя Пророка получит награду Пророка, принимающий Праведника во имя Праведника – получит награду Праведника, и кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды, во имя ученика, не лишится награды своей (Мф. 10:41, 42).

9. Наконец, девятой заповедью Церковь воспрещает совершать в некоторые дни, как, например, в течение четырех постов, браки, – присутствовать на непозволенных играх, следовать языческим обычаям. Ибо, если по словам Соломона: *есть время плакати и время смеятися, время ридати и время*

ликовати (Еккл. 3:4); а Премудрый говорит: не устраняйся от плачущих и с сетующими сетуй (Сир. 7:37); то не безрассудно ли предаваться веселью в такие дни, в которые Церковь, с особенной заботливостью, призывает детей своих к покаянию и сетованию о грехах? Если вообще редкие игры справедливо можно почесть отдохновением от трудов, редкие из них содействуют освежению сил и мыслей, утомленных умственным напряжением, или горестью; большей же частью не что иное суть, как напрасная трата драгоценнейшего, ничем невознаградимого, времени, то тем более предосудительны и преступны легкомысленные забавы, увлекающие в растление нравов, что мы, по самой природе своей, и без того всегда склонны ко злу, и живя в мире, лежащего во зле, окружены бесчисленными соблазнами.

И так, призванные в непоколебимое царство Божие (Евр. 12:28), в Церковь Христову, да последуем неуклонно ее руководству. Если, по учению Св. Писания, наш долг беспрекословно, со всем усердием повиноваться всякой власти (Рим. 13:1), законно над нами поставленной, то, имея в виду вечную нашу участь, тем искреннее должны мы повиноваться Св. Церкви, чем очевиднее убеждаемся, что все, предписываемое ее установлениями, тесно соединено с нашим благом, временным и вечным. А чем послушнее будем руководству Св. Церкви, тем в ближайшем будем соединении со Христом Спасителем нашим, который, обещав пребывать в Церкви Своей до скончания мира (Мф. 28:20), изрек непреложный закон: *аще же кто и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф. 18:17).* Аминь.

Слово в пятую неделю Великого Поста

Не веста, чесо просита (Мк. 10:38)

Божественный Промысл допустил для нашего назидания, что ближайшие ученики Иисуса Христа, наученные Им Самим – как и о чем молиться? – под конец своего образования в училище Спасителя, решились предложить Ему прошение, совершенно несообразное с духом Его учения! И в какую пору? Когда Иисус Христос, шествуя во Иерусалим на крестные страдания, предсказывал ученикам Своим, что Он будет предан Иудейским первосвященникам и книжникам, что Его осудят на смерть, что Его будут бить, оплюют и убью! В эту самую пору, как бы не слыша столь прискорбного предсказания, апостолы Иаков и Иоанн еще не постигают: из каких граждан будет состоять Царство Христово на земле? и, желая в нем возвыситься, стать выше других, просят Господа: *даждь нам, да един одесную Тебе и един ошуюю Тебе сядева во славе Твоей* (Мк. 10:37)! Но, как по кореному закону Царства Христова: *всяк возносяйся в нем смирятъся, смиряя же себе вознесется* (Лк. 18:14), то Спаситель любочестивым просителям отвечал: *не веста, чесо просита* (Мк. 10:38). Этот упрек может относиться и к нам, братья, если мы произносим затверженные из детства молитвы, не соединяя с их значением ни мыслей, ни сердечных желаний, забываем, о чем нам можно и должно просить Бога! А это происходит от того, что мы не проникнуты многознаменательным содержанием, так называемой, молитвы Господней, которое столь обширно по глубокому смыслу каждого в ней слова, что и достигшие *в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4:13), не в состоянии возносить совершеннейших и приятнейших Богу молитв. Из сего следует, что углубления в значение каждого слова молитвы Господней не только нельзя считать детским занятием, но должно, напротив, постоянно занимать наши мысли, окрылять наши желания и вздохания!

Обращая внимание на то, что земля, по которой ходим, воздух, которым дышим, земные произведения, коими

питаемся, вода, которой утоляем жажду нашу, светила небесные, озаряющие и согревающие землю и другие бесчисленные дары, служащие к поддержанию бытия нашего на земле, созданы и ниспосылаются нам Богом, нельзя не ощущать, что Бог – Отец наш, нельзя не сознавать высочайшей премудрости, любви и благости Божией, превосходящей самую пламенную любовь родителей к детям своим. При всем том, сознавая, что мы повсечасными своими грехами оскорбляем благость Божию, что премудрость Его не может терпеть столь ужасного нравственного беспорядка, какой господствует в роде человеческом, что правосудие Божие готово смести нас с лица земли и поразить вечными казнями, – мы никогда не могли бы иметь дерзновения именовать Бога Отцом нашим, если бы Иисус Христос, единородный Сын Божий, не удовлетворил за нас крестными страданиями правосудию Божию и не усыновил нас Отцу Небесному, если бы Сам, Бог, по безмерной благости Своей, не дозволил нам именовать Его Отцом нашим. Посему, проникнутые верой во Иисуса Христа, возведем ли очи свои на небо – там Отец наш; слышим ли в Церкви чтение Евангелия и других священных книг – это глас Отца нашего Небесного, беседующего с нами; вкушаем ли пищу, утоляем ли жажду свою, обратим ли взор на окружающую нас природу, на светила небесные, на твари, служащие в пользу нашу, и на другие несчетные предметы: да не забываем ни на одно мгновение, что все это дары Отца нашего Небесного! Вместе с сим примечая, что Бог велит восходить солнцу над злыми и добрыми, зная, что Иисус Христос пострадал за весь род человечески, да не помыслим, что Бог, в частности, есть Отец мой, или только твой, а не и тех, которые обижают нас. Нет, Бог объемлет всех Своей любовью; посему не дерзай именовать Его Отцом своим, если в сердце твоем питаешь против кого-либо ненависть, или памятозлобие!

При таких благодеяниях Божиих, мы не видим Бога; посему, доколе живем на земле, должны взывать к Нему: *иже еси на небесех!* (Мф. 6:9) зная из откровения Божия, что Бог в неприступном свете величия и славы Божества Своего ощутительным образом являет радостотворное присутствие

Свое бесчисленным сонмам Ангелов и духов праведных, достигших совершенства. Но с выражением *иже еси на небесех*, да порывается сердце наше к соединению с Богом, да порывается душа наша на небо – туда, где наше истинное отечество, наше наследие, в коем уготовано любящим Бога вечное жилище! да отрешаемся, как наследники неба, от пристрастия к земным, тленным, скропреходящим, суетным благам, которые, рано или поздно, должно же оставить на земле в сей стране горестей и скорбей.

Воззвав в молитве: *Отче наш, иже еси на небесех, произносим первое прошение к Нему: да святится имя Твое!* (Мф. 6:9), т. е. просим, и должны просить: да устроит Бог промыслом Своим, чтобы весь род человеческий озарился истинным познанием Еgo; чтобы все народы мира убедились, что Он – Творец миров, всеведущи, преблагий, всесвятый, правосудный, награждающий вечным блаженством исполнителей и наказывающий нарушителей своего закона; – чтобы любовь всех сердец стремилась к единому Богу; чтобы все люди исповедали, что имя Ему Отец щедрот и благости; чтобы все существа, одаренные разумом и свободой, Ему единому воздавали честь и поклонение, чтобы все желания наши сосредоточивались в любви Божией; чтобы мы всемерно старались благословлять, прославлять и превозносить имя Божие нашими мыслями, словами, делами, и своим поведением – примером жизни нашей побуждали ближних наших поклоняться Богу в духе и истине!

К прискорбию, мы сознаем во глубине души нашей, что не воздаем Богу поклонения, подобающего Ему; что сердце наше далече отстоит от Него: потому что в нас царствует пристрастие к миру, что нами обладают страсти, что в нас живет грех и мучительски управляет нами. Но стоит ли мир пристрастия к нему? Есть ли рабство мучительнее порабощения греху и страстям? Посему, собственная польза наша требует от нас пламенно молиться ко Господу: *да приидет царствие Твое!* да царствует в нас Иисус Христос Своей благодатью; да влечет сердце наше в послушание учения Евангельского; да будут души и тела наши храмом Св. Духа, да ниспослет Он нам

благодать отвернуться от плотских похотей, восстающих на душу, отречься нечестивых обычаев мира сего; да внутренним в нас царствованием благодати Своей располагает нас ко всему добруму, и руководит к Царству вечного блаженства, которое уготовал любящим Его!

С сей целью присовокупляем прошение ко Отцу Небесному: *да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли, (Мф. 6:10)*, т. е. просим: да исполняется нами изображенная в законе Божием воля Божия всегда, во всем, всецело, что бы мы с такой ревностью исполняли ее, с какой исполняют ее на небеси Ангелы и духи Праведников; чтобы мы желали единственно того, что угодно Богу, потому только, что это угодно Ему; чтобы в нас иссякла воля греховная; чтобы мы во всех обстоятельствах жизни предавались воле Божией: посыпает ли нам Бог обилие благ земных, или нищету, – отраду или горесть, ясные дни или мрачные, крепость или немощи, здоровье или болезнь, честь и славу или унижение, любовь наших близких или их ненависть, жизнь или смерть, – во всем, чтобы совершалась с нами не наша, но Божия воля!

Впрочем не воспрещается нам просить и земных благ, дозволяется умолять Бога: *хлеб наш насыщный даждь нам днесь! (Мф. 6:11)* Да и у кого просить нам хлеба, который по милости Божией производит земля; у кого просить необходимого к поддержанию бытия нашего на земле, как не у Отца Небесного? Но нам позволено просить у Него хлеба только на сегодняшний день; чтобы просить его и завтра, просить каждый день, потому что для человека величайшее на земле блаженство провождать жизнь в чувстве всегдашней преданности промыслу Божию! И так, богатые и убогие, утопающие в изобилии благ земных и удрученные нищетой, все должны просить насыщенного хлеба, необходимого для жизни: одни, чтобы Бог не лишил их даров Своих, другие, чтобы Отец Небесный и к ним простирая щедрую руку Свою. Если же нам дозволено просить только необходимого для жизни, то преступно и безрассудно было бы просить благ земных для роскоши, для удовлетворения страстям своим! С другой стороны, прося насыщенного хлеба, преимущественно должно

просить духовной пищи, укрепляющей душу, просить о том, чтобы мы всегда имели возможность и пламенное желание питаться хлебом слова Божия, и неосужденно причащаться хлеба животного – Тела и Крови Иисуса Христа, Искупителя нашего!

Но обремененные грехами, терзаемые совестью, мучимые страшным неким ожиданием суда Божия, мы сознаем, что для нас необходимые всего вздохать из глубины души ко Отцу Небесному: *остави нам долги наша* (Мф. 6:12)!

О, каких слез, какой скорби достойно то, что мы осквернены бесчисленными грехами, которых не омыть нам ни слезами, ни кровью своей; что в этом отношении мы неоплатные должники пред Богом, который знает не только наши дела, но и мысли, желания. Как же нам не молиться всей крепостью сил наших, чтобы Отец Небесный, ради крестной смерти Единородного Сына Своего не воздавал нам по делам нашим, но помиловал нас милосердием Своим, простил нам наши прегрешения, и оправдал нас заслугами Спасителя! Но именуя Бога Отцом нашим, просить Его о прощении грехов наших, и не прощать оскорбляющим и обижающим нас – то же, что прилагать грех ко грехам нашим, – оскорблять Бога, который есть всеобщий Отец наш и всех людей. Из этого следует, что прощение грехов наших зависит от всеискреннего нашего прощения и примирения с причиняющими нам обиды и оскорблением. В этом отношении, что сделаем другим, то получим и сами, по слову Спасителя: *отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша* (Мк. 11:25). Посему мы, умоляя Бога: *остави нам долги наша* и присовокупляем: *якоже и мы оставляем должником нашим!* (Мф. 6:12)

Испросив прощение грехов, всего опаснее для душевного спасения снова увлекаться греховными искушениями, которыми повсюду обольщает нас плоть, мир и вечный губитель душ человеческих. Искушения допускаются на нас Промыслом частью для смирения нашей гордости, а частью для испытания нас в любви Божией, и для доставления нам случая к добродетелям, которые суть не что иное, как победы над

искушениями. Но печальные опыты протекшей жизни, заставляя нас трепетать о будущем, побуждают молиться Отцу Небесному: *не введи, не допускай нас впасть во искушение!* Так, зная свое сердце, зная греховную удобопреклонность нашей природы, необходимо не только молиться об одержании победы над искушениями, но даже не доверять собственным силам, избегать праздности, беречься дурных сообществ, не допускать до сердца искушения, не услаждаться его обольщением; но в тоже мгновение возносить сердце наше к Богу, испрашивать Его помощи, размышая о страшном суде Божием, о вечных мучениях в геенне огненной, о бесконечном блаженстве, уготованном любящим Бога, который не только допускает, но иногда сам ниспосыпает изыхания, как то: бедствия, скорби, напасти, с тем, чтобы по выдержании нами испытаний, увенчать победителей нетленным венцом в Царствии Небесном!

Во всяком случае, сознавая в себе перевес дурных склонностей перед добрыми, мы должны страшиться греха, как величайшего зла, превосходящего все бедствия, потому что грех, обольщая нас мгновенным наслаждением, делает нас на веки несчастными. Лучше перенести самые болезненные скорби и превратности мира, претерпеть самые поразительные бедствия, потерю имения, здоровья, доброго имени и самой жизни, лучше во все продолжение ее страдать и бедствовать, нежели подвергнуться рабству греховному! Почему, всего необходимее молиться от всего сердца ко Отцу Небесному: *избави нас от лукаваго!* избавь нас от порабощения греху и от последствия его; спасай нас от общественных бедствий, от мятежей и кровопролитных браней, от глада, пожаров, наводнений, землетрясений и моровой язвы, от вечного губителя душ наших, от бесконечных страданий в геенне огненной!

Вот общее содержание молитв, благоприятных Богу! Он внимает только молитвам ищущих Царствия Небесного, всемерно старающихся благодарить Ему своей жизнью, и блага мира сего дает как бы вдобавок тому, кому они не принесут душевного вреда! Спаситель Своим последователям завещал: *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся*

приложатся вам (Мф. 6:33). Но молиться должно с полной надеждой и упованием, что получим просимое, а Бог, верный в исполнении Своих обетований, исполнит наши прошения Своим всемогуществом, коим все содержит во вселенной: яко Его есть царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святого Духа во веки веков. Аминь.

Слово на неделю Вайй

Рыте дщери Сионове, се Царь твой грядет тебе кроток
(Мф. 21:5)

Что могло быть восхитительнее для Иудейского народа, потерявшего свою самобытность, подвергшегося тяжкому игу иноземцев, как весть о том, что они будут иметь собственного Царя, и Царя кроткого, человеколюбивого? И столь радостным известием, более нежели за четыреста лет, пророк Захария утешает Иудеев, возвратившихся из плена Вавилонского! Наконец настало время, в которое надлежало прийти в исполнение пророчествам. И вот, предсказанный Пророками, кроткий Царь мира торжественно входи в престольный град своих предков по плоти, приходит с тем, чтобы не один народ, но весь род человеческий освободить, не от гражданского порабощения, но от рабства тягчайшего, – от порабощения греху и дьяволу. О, как возрадуются о таком Царе подданные Его; как торжественно встретят Его; с какой покорностью подчинятся Его управлению! И, действительно, многие встретили Его довольно торжественно; но через несколько дней повлекли Его на мучение и распяли Его! Какая, обыкновенно говорим мы, неблагодарность, какое злодеяние! Так, но для нас полезнее, вместо осуждения Иудеев, обращать внимание на самих себя, особенно тогда, когда Св. Церковь возвещает нам, что Иисус Христос готов посетить души наши под таинственно видами хлеба и вина, когда Церковь взывает к нам: *со страхом Божиим и верою приступите!* Как бы говоря: отверзите врата сердца вашего! вот грядет к вам кроткий Царь славы в высочайшем таинстве любви Своей! Приготовьте себя к достойному принятию и удержанию в душе своей сего высокого Посетителя; а Он принесет вам с Собой неизреченную сладость Своих Божественных утешений, принесет залог вечного блаженства! В чем же состоит приуготовленное к достойному принятию, и какого от нас требует образа жизни мысль, что в Таинстве Евхаристии мы принимаем внутрь себя Спасителя?

Должно сказать правду, что приобщающиеся в наших храмах пресвятых Тайн Тела и Крови Господа нашего, по-видимому, знают, с каким расположением сердца должно приступать к столь высокому Таинству. По крайней мере, мы можем свидетельствовать, что всякий приобщающийся сперва перед Отцом духовным исповедует грехи свои, потом приступает к трапезе Господней в чистых одеждах, с наружным благоговением. Но как мы, хотя и недостойные строители Тайн Божиих, должны проповедовать слово спасения благовременно и безвременно, мудрым и невеждам, знающим и незнающим (Рим. 1:14), то, кто бы ты ни был, позволь спросить себя, возлюбленный: точно ли ты, прежде принятия Св. Таин, исповедал перед духовным Отцом грехи твои, с той мыслью, чтобы умилостивить Бога, которого ты оскорбил своими грехами? Положил ли ты решительное намерение в сердце твоем загладить, по мере сил своих, произведенные тобою соблазны, удовлетворить каждого обиженного тобой и впредь не возвращаться на путь порока? Пришел ли ты в такое омерзение к грехам своим, что воспоминание о них приводит тебя в ужас, что ты содрогаешься при одной мысли о суде Божием? Готов ли ты скорее перенести всякого рода несчастье, претерпеть все виды мучений, нежели снова оскорбить Бога прежним образом жизни? – Все сии условия столь необходимы для принесения истинного покаяния, сколько искреннее покаяние необходимо для очищения совести, а чистая совесть необходима для достойного принятия Таинства Евхаристии. Приступающий к Св. Причастию без соблюдения таких условий прилагает новое беззаконие к беззакониям, потому что, если ты, имея какую-нибудь редкую драгоценность, стараешься хранить ее в чистом ковчеге; если, приобретя для себя светлую одежду, не решишься же бросить ее в грязном месте, то не беззаконно ли, не дерзновенно ли в душу, оскверненную грехами, принимать Христа Спасителя, сокровище всех благ, бессмертного источника вечной жизни?

Очистив совесть свою искренним покаянием во грехах своих, испытай еще себя, возлюбленный, имеешь ли ты пламенное желание удостоиться столь высокой почести, каково

соединение с Богом Спасителем в Таинстве Евхаристии? Зачем это? спросишь. За тем, что Спаситель именно с той целью учредил Таинство Тела и Крови Своей, чтобы оставить Своим последователям высочайший залог любви Своей к нам и тем привлечь нашу любовь к Себе (Лк. 22:15). Посему душа, изнуренная порабощением греху, освободившись от столь тяжкого рабства, не должна ли пылать горячайшим желанием соединения со своим Искупителем; не должна ли лететь к Нему подобно лани, стремящейся в знойный день лета на источники водные? Если же ты не чувствуешь в себе столь пламенного желания, желания соединиться с твоим Спасителем, то, по крайней мере, взытай к Нему из глубины души твоей: Господи! ниспошли в сердце мое палящий огонь любви Твоей, да воспламенит душу мою, да разожжет сердце мое любовью к Тебе и да попалит до корня грехи мои!

Проникнутый такими чувствами, приступай, Христианин, к Причащению Тела и Крови Спасителя; но, вместе с тем, приступай с величайшим благоговением и смирением, которых ты не можешь не ощущать в себе, размыслив, что ты, колеблемая всяким ветром искушений былинка — приближаешься к огню Божественному, приближаешься ко Господу и Богу твоему; что ты тварь — Он Творец твой; ты безответный грешник — Он Всеведущий, нелицеприятный Судья твой; ты неблагодарный должник — Он Отец и Благодетель твой! Помышляя о сем, молись всею крепостью сил твоих, молись подобно Евангельскому сотнику: *Господи, несмъ достоин, да под кров мой внидеши* (Мф. 8:8)! но как ты сам хочешь обитать во мне, то я приступаю к Тебе с дерзновением; сотвори меня Своей обителью, вниди в храмину души моей: да все чувства мои, душа и сердце мое благословляют выну всесвятое имя Твое!

Удостоившись Св. Причастия, познав опытно, колико благ (1Пет. 2:3) и щедр Господь наш, первым ощущением благочестивой души должно быть чувство безпределной благодарности к Спасителю! Если мы, быв приглашены на пиршество каким-нибудь знаменитым лицом, и насладившись предложенной нам трапезой, не смеем уходить, не изъявив

домовладыке своей признательности за сделанную нам честь приглашением к столу, то какой сердце наше должно быть наполнено благодарностью к Спасителю Богу нашему, удостоившему соделать нас причастниками таинственной Своей вечери, предложившему Самого Себя в пищу и питие наше? Какой должен возгореться в тебе пламень любви Божественной при мысли о том, что ты, соединяясь со Христом в Таинстве Евхаристии, становишься как бы выше самых Ангелов? Потому что они не удостаиваются толикой чести, такого блаженства, и только с благоговением взирают на сие Таинство безпределной к нам любви Божией, непостижимое для всех сотворенных умов!

Впрочем, исинная любовь к толико возлюбившему нас Господу сама по себе каждому укажет: какого образа жизни требует от нас соединение со Христом в Таинстве Евхаристии? Любовь к Нему состоит в том, чтобы соблюдать заповеди Его (1Ин. 5:3). *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет* (Ин. 14:23), сказал Сам Господь наш. А для пламенеющего Божественной любовью заповеди Его не только нетяжки (1Ин. 5:3), даже вожделенны. Как сыновняя любовь открывается в полной преданности и благоугождении детей родителям, или как любящий кого-либо выражает любимому предмету преданность свою усвоением себе его образа мыслей, одушевляясь его чувствованиями, угодая желаниям и действуя сообразно с волей любимого, так душа, любящая Спасителя, всемерно старается питать в себе такие мысли, чувства и желания, какие были в Иисус Христе, устраниется от всего враждебного Ему, опасается всего, что может оскорбить Его. Последователь Иисуса Христа во всех обстоятельствах жизни своей поступает с такой преданностью воле Его, что от любви Спасителя ничто не в состоянии отторгнуть сердца, прилепившегося к Нему: ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни опасности, ни меч, ни какая сила и власть, ни удовольствия в настоящем, ни ожидание выгод в будущем, ни высота почестей, ни глубина уничижения и поругания, и никакая тварь (Рим. 8:35), потому что пламень истинной любви неугасим (Песн. 8:6)!

И недостоин ли всей любви нашей Спаситель, возлюбивший нас до того, что в залог вечной жизни питает нас Телом и Кровью Своей? О, как бы мы были счастливы, если бы со дня приобщения Св. Тайн мысли и желания наши постоянно были устремлены к Богу Спасителю нашему; если б мы, поставив на страже чувств и сердца нашего разум, всегда внутренно молились, чтобы Господь не оставил нас своей благодатью; если бы мы отвращали взор наш от тех предметов, которые удаляют нас от Бога, если б наш слух был загражден от смущающих совесть речей и собеседований; если бы уста наши отверзались только на славословие Господа и в назидание ближнего; если бы наши руки простирались, а ноги спешили только на добрые дела! Как бы мы были счастливы: если бы с минуты приобщения Св. Тайн прервали все, не только греховные, но и хотя мало опасные для спасения связи; если бы мы противопоставили искушениям – страх суда Божия, роскоши – умеренность, пресыщению – воздержание, надменности – смиление, ярости – кротость, самолюбию – самоотвержение!

Да приступаем же к чаше спасения с сокрушенным и смиренным сердцем, с чистой совестью, с живой верой, пылая горячайшим желанием соединения со Христом на земле и в вечности! А вкусив от источника жизни и бессмертия, пребудем на всегда благодарны за толику любовь к нам Господ; возлюбим Его всей крепостью души и сердца нашего: да сподобимся еще теснее соединиться с Ним в невечерний день Царствия Его! Аминь.

Слово в неделю Вай

Радуйтесь всегда о Господе, и паки реку, радуйтесь... Господь близ! (Флп. 4:4,5)

Едва ли к кому-либо, с большей точностью, можно отнести приведенное изречение божественного Апостола, как к приступающим к Божественному Таинству Евхаристии. Ибо можно ли вообразить большую близость Господа к человеку, и человека ко Господу, как соединение с Ним, принятием Его под видами хлеба и вина во внутреннюю храмину души нашей? Но недостойное причастие Св. Тайн Христовых может и на всю вечность удалить нас от блаженного в ней соединения с Спасителем, если мы приступаем к чахе спасения, не испытывая себя, потому что, таким образом, по слову Апостола, мы причащаемся Тела и Крови Господа в осуждение себе (1Кор. 11:29)! Из сего явно, что и любвеобильная к нам близость Господа не спасет нас, если сердце наше будет удалено от сего; если, приступая ко Св. Причастию, и мысли и желания наши будут блуждать по греховым распутьям! Близок был Спаситель и к жителям Иерусалима, когда торжественно вступал в него перед страданиями Своими! Близки, казалось, были ко Господу и жители Иерусалима, восклицавшие с восторгом: *осанна Сыну Давидову!* (Мф. 21:9) Но как сердце их далеко отстояло от Него, то через несколько дней, при виде Иисуса Христа, они вориали к Пилату: *возми, возми, распни Его!* (Ин. 19:15), а за сие подверглись суду Божию, по которому Царство Христово отнято от них и отдано другим народам! Что же с нашей стороны требуется, чтобы соединение со Христом, в Таинстве Евхаристии, принесло отрадный мир совести нашей в настоящей жизни, и было залогом вечного блаженства в Царствии Небесном? Требуется живое сознание своего недостоинства, и, вместе с тем, пламенное желание соединения со Спасителем посредством причастия Тела и Крови Его.

Приступая к Божественной Евхаристии, искренно кающемуся естественнее всего размышлять в сердце своем: се,

прихожу к бессмертному Царю и Богу моему. Все созданные Тобой, Боже, творения на небеси и на земле, в морях и во всех безднах с точностью исполняют законы воли Твоей, а я преступник святых заповедей Твоих. Солнце, луна и все светила небесные неуклонно совершают пути, Тобой им предназначенные; Херувимы и Серафимы, горние Силы, и все святые Ангелы неумолкно славословят совершенства Твои; а я, также одаренный способностью прославлять Тебя, своим поведением омрачил в себе святой Твой образ. Посему стал достоин венного от Тебя отчуждения, достоин геенны огненной! Но я Твое, Боже мой, создание! Помилуй меня ради Самого Себя, вспомни меня ради благости Твоей, приблизься ко мне Своим милосердием, снidi в храмину души моей, обнови, созижди вновь сердце мое, преобрази меня по Твоему произволению!

И так умоляй Спасителя всем сердцем твоим: се, прихожу к бессмертному Царю и Господу моему! Всякое колено небесных и земных, и преисподних со страхом и трепетом поклоняется великому и страшному имени Твоему! От прещения Твоего меркнут светила небесные; трепещут моря и бездны, один взор Твой приводит вселенную в содрогание... Так все покоряется Твоему владычеству, – Тебе беспрекословно повинуется все, что существует, кроме злобного противника Твоего, духа тьмы и творящих волю его. А в моем сердце царствует грех со страстями и похотями, члены тела моего я предал рабству нечистоты и беззаконно, так что они доселе были орудиями греха, которому я повиновался в похотях сердца моего, постоянно увлекаясь плотскими помышлениями. Господи! истреби во мне царствующую силу греховную, да не обладает уже грех существом моим! Посети бедное сердце мое Твоей благодатью, снidi в храмину души моей в Таинстве Тела и Крови Твоей; воцарися во мне, обитай неотступно Твоей силой, и царствуй в сердце моем во веки веков; да удостоюсь и я соделаться наследником Небесного Царствия Твоего!

Вздыхая из глубины души своей, всего естественнее помышлять еще: се, прихожу ко всеблагому Богу, Искупителю моему! Ты прежде бытия моего возлюбил меня, Спасителю мой,

и зная, что я буду грешником, источил за меня кровь Свою! Ты всего Себя отдал, чтобы всецело спасти меня от сатанинского порабощения, искупил страданиями и кровью Своей от вечной пагубы! Так, Ты взыскал меня погибшего, отродил Св. Крещением, от утробы матерней не преставал привлекать к Себе, и теперь влечешь меня милосердием Твоим, даруешь мне все необходимое для приобретения вечного спасения... А я доселе неудержимо стремился к своей гибели, отложился от Тебя, Спасителя моего, отпал от завета Твоего, преогорчил благодать всесвятого Духа Твоего, попрал порочным поведением Кровь Твою, отчуждился от благодатного Царствия Твоего, отторгся от святого стада Твоего, отошел в страну дальнюю, в страну беззакония. Но Ты не престал еще быть моим Спасителем, Кровь Твоя еще ходатайствует о мне и громче Авелевой вопиет о моем спасении... В сем уповании обращаюсь, притекаю к Тебе, умоляю Тебя: извлечи меня из бездны греховной, спаси меня ради имени Твоего, ради пречистого Тела и Крови Твоей, к причастию коих дерзаю приступить в надежде на милосердие Твое!

Наконец, должно молиться всею крепостью сил своих: се, приступаю к всеведущему, нелицеприятному Судье моему, который принял весь суд надо мной от Небесного Отца Своего! Не желая моей пагубы, Ты скрываешь теперь громы правосудия Твоего под таинственным покровом хлеба и вина! О Судья, праведный в суде Твоем, пред взором коего открыты все пути протекшей моей жизни, коему известны и малейшие движения сердца моего! Не накажи меня в яности Твоей, не осуди по делам моим, не вниди со мной в суд, не обличи гнусных движений моего сердца, не воспоминай грехов моих! Но пощади меня еще милосердием Твоим, помилуй благостью Твоей, оправдай крестными страданиями Твоими, омой Твою кровью нечистоты души моей, удостой меня Причастия животворящих Тайн Твоих во оставление грехов моих, истреби во мне горечь яда греховного сладостью Тела и Крови Твоей, оживотвори надеждой на щедроты Твои, прими меня снова во ограду стада Твоего и причисли к лику помилованных вечным милосердием Твоим!

Так, всякого приступающего с размышлением к Причастию пречистых Тайн Христовых не может не потрясти живое покаянное чувство своего недостоинства; при всем том, ложно то смирение, которое заставляет кающегося отлагать Причастие Тайн Христовых на дальнейшее неопределённое время, если не воспрещает ему явно Св. Церковь, или духовный отец не удерживает кающегося от Св. Причастия. Ибо Божественное Таинство Евхаристии, по самому существу своему, заключает в себе самые сильные побуждения гореть пламенным желанием соединения со Христом, Причащением пречистых Тайн Его.

Притом же, с одной стороны, сколько бы человек ни приуготовлял себя к достойному принятию Таинства Евхаристии, едва ли когда будет вполне достойным причастником его; с другой стороны, самая Церковь и служители ее удерживают на некоторое время грешников от Св. Причастия не потому только, что для приуготовления к сему необходимо продолжительное время; но с той преимущественно целью, чтобы удостовериться: действительно ли кающийся пришел в чувство живого сознания грехов своих; приносит ли он истинное в них покаяние, решительно ли и твердо его предположение не обращаться вперед на путь беззакония? Между тем в Таинстве Евхаристии пламенно желающим удостоиться принятия его, и причащающимся с верой и покаянным сокрушением, сообщаются божественные силы к препобедлению искушений, к ослаблению увлекающих нас во грех порочных наших склонностей, свойственных бедной нашей природе, к истреблению в нас яда греховного, к удержанию нас от увлечения в смертные грехи и к утверждению в добре.

Посему, если ты искренно жаждешь спасения, то сколько бы ни ужасало тебя сознание своего недостоинства, приступай с верой, любовью и страхом Божиим к небесному хлебу Евхаристии, всегда ядомому и никогда неоскудевающему и сделаешься достойным любви Божией! Если ты утвердился хотя в одной какой-либо добродетели, приблизься к чаше спасения, да можешь преуспевать и в прочих добродетелях и всегда быть готовым на всякое добре дело. Хотя бы ты сознавал, что заслуживаешь осуждение, не страхись

соединения со Иисусом Христом причащением животворящих Тайн Его, и получишь с ними вечное оправдание и сверхъестественную помощь, положишь благонадежное начало своему покаянию! Если служение миру и его превратным обычаям лишило тебя спокойствия до того, что даже сон бежит от очей твоих, приступи к взывающему из-за завесы хлеба и вина: *приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вас* (Мф. 11:28), и ощутишь благодатный мир в сердце твоем. Если тебя сокрушают горести и печали житейские, припади в Таинстве Евхаристии к ногам Того, Который *весь желание и сладость* (Песн. 5:16), и скорби твои усладятся Его любовью. Если тебя смущают искушения, волнуют заботы и суеты века сего: приблизься к Спасителю, укрощающему волны морские, запрещающему бурям, – и волнение духа твоего утихнет в упование на попечение о тебе Спасителя. Нужды нет, что ты доселе томился в рабстве греховном: притеки к Свободителю душ наших, и насладишься благодатною свободой сынов Божиих. Если ты охладел для жизни по Богу, не ожидай бесплодно, пока ощутишь в себе теплоту благодатную, – приблизься к сему огню Божественному, и Он согреет тебя в жизнь вечную! Хотя бы ты до омертвения душевного расслабел от греховных болезней, – животворные Тайны Христовы воскресят тебя для жизни Богоугодной. Хотя бы вся душа твоя покрылась греховой проказой: Кровь Христова уврачует тебя и очистить от всякого осквернения; хотя бы ты и ниспал в бездну грехов, Спаситель восстановить тебя Своей всемощной благодатью, свет Христов озарит мрак ума твоего, милосердие Его оживотворит тебя надеждой на помилование, пресвятое Тело Его напитает тебя бессмертием вечной жизни, Кровь Его утолит жажду души твоей, оправдает тебя, освятить и соделает наследником вечного блаженства в Царствии Небесном.

Так, братья, приближаясь к чаше спасения в чувстве своего недостоинства, с живой верой и страхом Божиим да приступаем вместе с пламенным желанием причаститься толикой святыне, да не живем к тому мы себе, но да живет в нас Бог и Спаситель наш Иисус Христос, коему слава и держава, во веки веков. Аминь.

Слово в неделю Вай

Мнози же ризы своя постлаша по пути: друзии же ваия резаху от древия, и постилаху по пути (Мк. 11:8)

Господь и Бог наш Иисус Христос, во время земной Своей жизни всемирно уклонявшийся от мирских почестей, скрывшийся от народа, хотевшего провозгласить Его царем своим, по насыщении пятью хлебами пяти тысяч человек, перед восшествием Своим во Иерусалим на крестные страдания, не только допустил, а даже с благоволением принял от народа столь торжественную встречу, что, казалось, потрясся весь Иерусалим, потому что весь народ его пришел в необыкновенное движение, и многие постилали по дороге, по которой Спаситель ехал на ослии, одежды свои, а иные резали ветви с дерев и бросали по дороге в знамение надежды и ожидания своего, что Иисус Христос, совершивший столь много известных им чудес, победить всех врагов Иудейского царства, воцарится и будет царствовать ко славе его.

Вспоминая сие событие, которое знаменовало торжественную победу Спасителя над грехом, адом и смертью и воцарение Его в дому Иаковле, – в сердцах истинных Боговидцев, – Святая Церковь и нам вручает в настоящий день древесные ветви, внушая, таким образом, чтобы мы всемерно старались сodelаться победителями греха, чтобы, удостоившись воздать поклонение воскресению Христову в настоящей жизни, явились мы после всеобщего воскресения с знаниями победы над грехом в Царствии Небесном.

Каким образом одержать эту победу?

Для приобретения в настоящей жизни победы над грехом, воюющим против нас искушениями мира, плоти и ада, самое верное оружие и самое благонадежное то искусство, коими приобрели такую победу проявленные промыслом Божиим, прославляемые Св. Церковью, благоугодившие Богу своей жизнью святые праведники веры. Посему, для полного успеха в борьбе со грехом, соблазнами мира и искушениями адских

духов, требуется постоянно иметь в виду подвиги Иисуса Христа и Его истинных последователей.

Первый и единственный Подвигоположник, победивший грех собственной силой, принесший Себя в жертву за грех в подобии нашей греховной плоти, и поправший смерть Свою крестной смертью, есть Начальник и Совершитель нашей веры. Господь и Бог наш Иисус Христос, вместо предлежащей Ему радости, претерпевши крестные страдания и пренебрегши временным посрамлением, воссел одесную Отца Небесного, восприял и по человеческой Своей природе полное участие в управлении вселенной, что бы давать направление всем происходящим в мире сем событиям ко благу благодатного Своего Царства, или Церкви Святой, пока не низложит Он всех врагов Своих под ноги Свои, пока не истребить в мире сем и последнего врага Своего, смерти, пока не покорить всего противного Его Царству и не предаст сего Царства Отцу Небесному. Посему, неуклонно взирая очами веры на Иисуса Христа, размышляя о Нем, претерпевшем от грешников беспримерное поругание, всякий искренно желающий победить в себе грех, отразить искушения плоти, мира и дьявола, не только не уныет в тяжкой борьбе со грехом и искушениями, не только не ослабеет духом своим, но до крови, до самой смерти не престанет сражаться, подвизаясь против греха, против всяких обольщений и увлечений, пока наконец, при содействии благодати Божией, не получить пальмы решительной победы над всеми греховными искушениями.

Такими победителями греха явились, во-первых, святые Апостолы и пострадавшие за Христа св. Мученики. Проповедуя в мире Евангельское учение, совершенно противоположное растленным обычаям древних народов, ненавистное всеобщему разращению нравов, враждебное омрачившему род человеческий идолопоклонству, св. Апостолы вооружили против себя современных правителей, привели в раздражение целые народы, погрязшие в отвратительных мерзостях, озлобили идольских жрецов, терявших, с распространением Христианского учения, свое уважение и свои выгоды, словом, ополчили против себя весь мир до того, что почти ни один из

Апостолов и самовидцев Иисуса Христа не умер естественной смертью, но все, во свидетельство истины проповедуемого ими учения, пролили кровь свою в ужаснейших мучениях. Тем же путем последовали за Апостолами в Царство Небесное почти все первобытные Христиане, претерпевшие все виды мучений сперва от язычников, а в последствии от еретиков, изошедших из недр Христианства, но не только совершенно чуждых, а даже враждебных ему. Пребывая непоколебимыми в вере, любви и преданности Спасителю, святые мученики превозмогли своим терпением ужасающие самое воображение мучения и пытки, в изобретении коих истощилась злоба мира сего для совращения подвижников веры с пути душевного спасения, препобедили все усилия терзавших их мучителей, восторжествовали над всеми адскими силами и, как победители греха, мира и вечного губителя душ человеческих, с полным торжеством перешли в Царство вечного блаженства. Великое множество святых страстотерпцев, наслаждавшихся уже райским блаженством, созерцал еще во время земной жизни своей, в таинственном видении возлюбленный ученик Христов, засвидетельствовав, что никто не в состоянии перечесть великого числа св. мучеников, которых он видел из всех племен и колен, народов и языков, стоявших перед престолом Божиим и внемлющим грехи мира Агнцем, Господом нашим Иисусом Христом (Откр. 7:9).

Но во всякое время борьба с плотью, миром и духом злобы, борьба с помыслами, чувствами и желаниями нашими, борьба с нечестивыми обычаями и соблазнами мира сего, борьба вообще с искушениями, влекущими человека на грех, столь тягостна, изнурительна, мучительна, что подвижники веры, постоянно противоборствующие плоти, миру и духу злобы искуителю, как самохотные мученики, достойны мученических венцов и победной пальмы, потому что борьба с окружающими нас внешними и внутренними, видимыми и невидимыми врагами душевного нашего спасения, сопровождается столь томительными страданиями, которые превосходят и телесные страдания мучеников. И не заслуживают ли того, чтобы в Царствии Небесном украситься победными знамениями, те доблестные

подвижники веры, которые из любви к Спасителю претерпели от мира многообразные виды неправды, посмеяние, бедствия, озлобления, нищету, презрение и лишения? Не достойны ли имени мучеников те земные Ангелы, которые, из опасения оскорбить Бога, избегая соблазнов мира сего и поползновения на грех, предпочли жизнь в диких пустынях, жизнь с дикими зверями и пресмыкающимися чудовищами, – опасной по своим обольщением жизни посреди мира? Не заслужили ли победной пальмы те святые труженики, которых жилищем были горные пещеры и ущелья земли, а вместо пищи и пития служили им молитвенные бдения, непрерывный пост и воздержание от всего пряного и усладительного? Может ли быть, чтобы в Царстве вечной правды не увенчались нетленными венцами тех, которых мысли, желания и чувства стремились единственно к соединению со Христом, которые были мертвыми для мира, для его удовольствии и наслаждений, так что, казалось, только ногами касались земли, и, не смотря, что весь мир не стоил их, скитались в рушищах, признаваемые миром за сор, попираемый ногами?

Впрочем, на поле брани не лишается имени победителя и победных знаков и тот, кто остался в живых, после одержанной воинством, к которому он принадлежал, полной над врагами победы, хотя бы враги нанесли такому воину тысячу ран, но осталась еще в нем искра жизни. Подобно сему и Спаситель наш, пришедший в мир не праведников взыскать, но грешников призвать на покаяние, приемлет в Царство вечной славы Своей и тех, которые, хотя по слабости человеческой природы, претыкались на пути ко спасению, и даже низвергались в греховные бездны; но раскаявшись в своих грехопадениях, освободились, при содействии благодати Божией, из пропасти погибельной, возненавидели всей душой и сердцем своим грехи, коими оскорбляли благость Божию, ежечасно о том сокрушаются, мучаются одной мыслью, что грехи их могут на веки погубить их, постоянно из глубины души вздыхают к Богу о своем помиловании, сами карают себя всевозможными лишениями и умерщвлением страстей своих; заглаждают произведенные ими соблазны щедрыми милостынями и

всеподданнейшим участием в судьбе несчастных; гнушаются чувственными забавами и наслаждениями мира сего до того, что или забывают вкушать пищу свою, или от горести о греховном состоянии сколько же находят в пище своей вкуса, сколько в пепле, а томимые жаждой растворяют питие свое слезами всеподданнейшего покаяния. И не достойны ли помилования в Царстве вечной любви и милости те, которые, быв научены горьким опытом – сколь мучительно потерять спокойствие совести, до того страшатся греха, что отвращают взор свой от всякой суеты и соблазнов мирских, заграждают слух свой от бесед гнилых и праздных, ежечасно устремляя мысли и сердце свое к Богу Спасителю своему? О кающихся с такой искренностью Иисус Христос, пострадавший ради нашего спасения, радуется, как Отец, встречающий потерянного сына, как пастырь, обретший овцу заблудшую, как отыскавший потерянную драхму, – радуется, и им, как подвижникам веры, так же вручает венец победы над миром, плотью и дьяволом. А вместе со Спасителем ликует об омывшихся слезами покаяния все небо, радуются сонмы Ангелов Божиих и духов, достигших совершенства!

Очевидно, что мы не можем утешаться упоминанием на приобретение венцов Апостольских или Мученических, что нет основания надеяться получить победные венцы и приобретаемые великими подвижниками веры, которые все сокровища и славу мира сего вменяют в умели ради приобретения Царства Небесного. Остается нам пламенно желать и всесильно стараться приобрести победу над грехом и господствующими в членах наших страстями, умертвившими в нас душевые наши силы. О сем должны мы постоянно сетовать, плакать и молиться всей крепостью души нашей: да помилует нас вечное Милосердие, да подаст нам еще время на покаяние, да сокрушит греховное ожесточение сердца нашего, да спасет нас какими Сам знает судьбами. Аминь.

Слово в неделю Вай

Множайшии же народи постилаху ризы своя по пути: другие же резаху ветви от древ и постилаху по пути (Мф. 21:8)

По каким побуждениям народ, собравшийся в Иерусалим на праздник ветхозаветной пасхи, при входе Спасителя, встретил Его с пальмовыми ветвями? и для чего мы в настоящие дни так же носим в руках древесные ветви? Пальмовые или финиковые ветви в древности были символом победы. Иудейский народ, быв свидетелем бесчисленных чудес Иисуса Христа, полагал, что когда Он решился наконец, торжественно вступить в Иерусалим, столицу предков Своих по плоти, то без сомнения открыто провозгласить Себя ожиданным в течении веков Мессией, и поразив силой Своих чудотворений Римлян, поработивших Палестину, покорить под власть Иудеев все народы мира. Уверенный в таком предположении, Иудейский народ и встретил Иисуса Христа, как Победителя. Но Господь наш вступил перед кончиной земной жизни Своей торжественно в Иерусалим не для одержанной победы по мирским расчетам, а для одержания крестными Своими страданиями и смертью победы над поработившими род человеческий грехом и вечной смертью. В воспоминание такой победы постановила Св. Церковь и нам, сынам своим, в настоящие дни носить древесные ветви, чтобы мы старались соделаться участниками победы Господа нашего над грехом и вечной смертью. Чем же мы можем усвоить себе эту победу? Верой в ту истину, что Иисус Христос удовлетворил за преступление нами заповедей Божиих вечному правосудию, и христианской деятельностью, подавляющей господствующую в нас силу греховную.

В чем состоит победа Иисуса Христа над владычеством в мире греха и вечной смерти? В том, что Господь наш, приняв на Себя ходатайство за грехи рода человеческого, понес за них крестную смерть, и тем удовлетворив за нас вечному правосудию, освободил Своей смертью верующих в Него от вечной смерти, или от бесконечных мук в геенне огненной. Для

чего необходимо усвоить нам верой в Иисуса Христа победу Его над грехом и вечной смертью? Для того, что мы не имеем и не можем иметь другого средства к умилостивлению Бога и удовлетворению вечному Его правосудию за причиняемое нашими грехами оскорблению благости Божией. А разве Богу не свойственно помиловать грешника и простить ему его прегрешения из одного милосердия без удовлетворения правде Божией? Несвойственно, потому что все совершенства Божии вечные, неизменны: беспредельно Его милосердие, и правосудие Его бесконечно. Из сего явно: какое со стороны твари, дерзнувшей оскорбить Бога, требуется удовлетворение правде Его за преступление Его законов? Требуется удовлетворение именно бесконечное, вечное. Почему? Потому что, и по человеческому суду, чем выше лицо, оскорбленное нами, тем большее требуется наказание за оскорбление его. Не достоин ли, например, самого строгого наказания такой нищий, который, получив милостыню, вместо благодарности дерзнул бы ударить в ланиту своего благодетеля? Не заслуживает ли гораздо большего наказания строптивый сын, дерзновенно восстающий против отца и матери своей? Не подвергается ли тягчайшим наказаниям по законам всех народов мятежный оскорбитель верховной Власти?

Какого же наказания достоин грешник, нарушением заповедей Божиих, оскорбляющий Творца, Господа всяческих, промышляющего обо всех своих тварях, а особенно о человеке, с большей любовью, нежели мать о своих детях? Очевидно, достоин вечного наказания, как оскорбитель отеческой любви, благости, правды и бесконечного величия Божия. Заслужил ли род человеческий, заслужил ли каждый из нас такое наказание? Заслужил, потому что каждый из нас много сделал зла в нравственном отношении, между тем, как сделанного нами зла мы не только собственными силами, но и силами целого мира не в состоянии исправить и переделах. Может быть человек иметь в себе, в своей природе какое-нибудь средство к умилостивлению Бога и оправданию перед Ним? Не имеет никакого, потому что каждый из нас, каждый человек, согрешая во всякое мгновение жизни своей, достоин сам по себе

наказания Божия. Быть может из других сотворенных существ какое-либо может ходатайствовать за человека и удовлетворить за нас правосудию Божию? Никто. Вся окружающая нас природа ниже даже человеческой, а посему не заключает в себе ничего такого, чем бы могла умилостивить за нас правосудие Божие. И из Ангелов ни один не мог принять на себя ходатайство и наказание за грехи рода человеческого, потому что и добрые Ангелы утвердились и пребывают в святости по одной благодати Божией, притом же они одарены природой отличной от природы человеческой. Каким же образом совершилось наше спасение? Побуждаемый милосердием единородный Сын Отца Небесного, усвоив Себе воплощением естество человеческое, принял на Себя наказание за грехи всего рода человеческого и вполне удовлетворил такой жертвой вечному правосудию. Почему же вера в сию Евангельскую истину очищает нас от греха, усвояет нам праведность Иисуса Христа, оправдывает перед правосудием Божиим, словом, доставляет нам победу над грехом и освобождая от вечной смерти? Потому что вера в Божество Спасителя, униженного страданиями до того, что Он, отягченный болезнями, был распят на кресте, смиряя кичливость ума нашего перед непостижимостью тайн Божиих, составляет единственную с нашей стороны заслугу перед Богом!

Но вера в заслуги Спасителя тогда вменяется нам в оправдание перед взором правды Божией, когда мы еще собственной нашей деятельностью усвоим себе победу Иисуса Христа над грехом и смертью. Каким же образом усвояется эта победа нашей деятельностью? Размышлением о крестных страданиях Спасителя, воздержанием, обессиливающим в нас силу греховную, и хранением чувств наших от влияния на нас греховного!

Почему размышление о крестных страданиях Спасителя содействует нам в удержании победы над грехом и освобождает нас от вечной смерти? Потому что, если при виде смертных страданий и обыкновенных людей, греховная сила хладеет в нас до того, что мы, помышляя тогда о ничтожестве нашей природы, ощущаем в себе менее греховных побуждений, то тем

паче содействует ослаблению в нас греховной силы представление в уме и сердце нашем крестных страданий Спасителя! Станет ли, например, думать верующий об удовлетворении своим страстям при мысли, что корыстолюбие человеческое предало единородного Сына Божия врагам Его; что за наше пресыщение и пьянство Спаситель напоен был оцетом, смешанным с желчью; что Наша гордость и безрассудные помыслы увенчали главу Иисуса Христа тернием; что наши безстудия обнажили и предали Его дозору; что наши страсти пригвоздили Спасителя ко кресту; что за наши беззакония Господь и Бог наш страдал на кресте в лютых мучениях; что за наши вожделения Он прободен был копьем в самое сердце Из чего видно, что воздержание ослабляет в нас силу греховную? Из того, что вожделения и жажда плотских удовольствий преимущественно увлекают нас в грехопадения. Следовательно, для ослабления господствующей в нас силы греховной необходимо привести в бессилие самую плоть нашу. Побуждая нас к такому подвигу, Апостол говорит: *Христу убо пострадавшу за ны плотию, и вы в в ту же мысль вооружитеся: зане пострадавый плотию, преста от греха (1Пет. 4:1)*. И так, сколь бы ни томило тебя вожделение, какой бы ни увлекал тебя соблазн, сколько бы ни сильно было предстоящее тебе искушение – не простирай руки на дела беззаконные, удержи ногу твою решительным произволением от путей порочных, загради безмолвием уста твои; да не отверзаются они в осуждение ближнего; да не исходят из них слова праздные, гнилые; почитай себя мертвым для греха, и не только избегай всякого излишества в пище и питии, но умерь и обыкновенное их употребление, и ты ослабишь господствующую в тебе силу греховную!

Как достигается победа над грехом через хранение чувств от греховного на них влияния? Заграждая чувства наша страхом суда Божия и покоряя их воле Божией. Положивший завет взору своему не обращать внимания на соблазны мира сего, не допускающий до внутреннего слуха души своей бесед растленных, – не прикасающийся к тому, что запрещено законом Божиим, неугождающий вкусу языка своего и чреву своему

удобно может одержать победу над всяkim грехом. Большую еще приобретает силу для сей победы тот, кто благодушно и с благодарностью переносить печали, скорби, болезни и всякого рода бедствия, так как они для того и ниспосылаются на нас Промыслом, чтобы побудить нас к очищению от грехов покаянием и к одержанию над грехом победы.

Какая же ожидает награда победителей греха? Побеждающий, по удостоверению Духа Святого, не будет иметь вреда от смерти вторые (Откр. 2:11), или от вечных мук в геенне огненной. Побеждающему Победитель смерти дает вкушать от древа жизни вечной и от сокровенной манны (Откр. 2:17) беспредельного блаженства. Побеждающий облечется в белые одежды (Откр. 3:5) оправдания Христова, получить венец (Откр. 2:10) славы бесконечной, так что во веки не изгладится имя его из книги живота (Откр. 3:5). Как же не прилагать всех усилий наших к одержанию победы над грехом: хотя бы для того только, чтобы не подвергнуться смерти второй, вечной! Господи Победителю греха и смерти! Створи нас участниками сей победы, да прославляем Тебя во веки веков. Аминь.

Слово в неделю Святых жен-мироносиц

Купиша ароматы, да пришедше помажут Иисуса. И зело заутра во едину от суббот приидоша на гроб (Мк. 16:1,2)

Влечеиe сердца к добруму и святыму делу часто бывает благоуспешнее мужества, полагающеи на крепость сил телесных. Когда ученики в самом начале страданий Спасителя, рассеялись, подобно овцам не имеющим пастыря; когда апостол Петр трекратно отрекся Господа; когда почти все Апостолы, проникнутые страхом смерти, тщательно скрывались, полагая, что рушились уже все надежды, одушевлявшие их при виде чудес, совершаемых Спасителем, тогда немощные, слабосильные жены, последовавшие Иисусу Христу, как другу грешников, показали на деле, что чувство истинно Божественной любви не только никогда не угасает, но даже бывает источником таких подвигов, которые превосходят дела, совершаемые крепостью сил телесных. Они не отлучались от Него во время крестных страданий, не опасаясь ни злобы первосвященников, книжников, Фарисеев и старейшин народных, ни угодливости им Пилата с его слугами, не страшась неистового вопля народа, требовавшего смерти Иисуса Христа, и толпы грубых воинов и мучителей, терзавших Спасителя; но последовали за Ним на Голгофу, были ближайшими свидетелями томительных мук и самой смерти Его, сопровождали бездыханное тело Христово до места погребения Его, со слезами взирая, где полагали Его. Потом, как только позволило время, Боголюбивые жены снова спешат ко гробу Спасителя для изъявления Ему безпределной любви своей. Этот один подвиг Святых Мироносиц научает нас, что для совершения всякого доброго дела, а тем паче для приобретения душевного спасения, необходимо всеусильное стремление к нему, сопровождаемое бодрствованием над собой.

В одной из Богодохновенных песней, пламенная любовь души, стремящейся к соединению с Иисусом, изображается бодрствованием ее и в сонном состоянии. *Аз сплю, говорит невеста Христова, а сердце мое бдит* (Песн. 5:2). Но любовь

Мироносиц ко Господу была столь пламенна, что от погребения пречистого тела Его, до самого воскресения Спасителя, не давала им ни на одно мгновение укрепить силы свои успокоением. Образ Иисуса Христа, томившегося в лютых страданиях, умершего на кресте и погребенного в очах Мироносиц, столь живо отражался в их сердце, такой сокрушал их скорбью, что рыдания и слезы отгоняли сон от очей их. Насупившая суббота для первосвященников, книжников и Фарисеев, умерщвлением Спасителя совершивших беспримерное злодеяние, была днем мнимого торжества и злобной радости, – а для святых жен была днем горести и сердечного сокрушения, от того, что обычное празднование Евреями субботнего дня не допускало Мироносиц обнаружить свое усердие к Господу, лежавшему в гробе вне Иерусалима. Настал вечер субботы, наступила ночь; но любовь Мироносиц не допускает их и помыслить об успокоении. Как уснуть, когда сердце их горит пламенным желанием хотя однажды еще взглянуть, облобызать и помазать миром тело Спасителя?

Не смотря на все затруднения, святые Мироносицы, запасшись драгоценными ароматами, с поспешностью идут ко гробу Спасителя. Куда вы торопитесь, святые жены? И родная мать едва ли решится в глубокую ночь идти на гроб единственного своего сына. Зачем же вы торопитесь? Еще тьма покрывает землю; еще утро не рассеялоочных ужасов! Сколько бедственных приключений может встретиться вам на пути, сколько раз во мраке вы можете преткнуться и разбить сосуды с драгоценными благовониями! А если и не то, то разве не знаете, что гроб, вмещающий тело Спасителя, иссечен в скале; что в него только одной дверью можно проникнуть; что к устью гроба приложена печать Римского правителя; что при гробе крепкая стража; что он окружен воинами? Кроме сего, разве вам неизвестно, какой злостной ненавистью пылают к имени Спасителя Иудейские первосвященники со своими единомышленниками? Не должно ли ожидать, что их злоба и вас может погубить за вашу преданность Иисусу Христу?

Все такие и подобные опасения не могли поколебать и удержать пламенного порыва святых жен изъявить свое

усердие к Господу, лежавшему во гробе. Они не словом, а самим делом засвидетельствовали, что их ничто не в состоянии отторгнуть от любви Иисуса Христа: не скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни опасность, ни смерть, ни жизнь, ни начальства, ни власти, ни настоящее, ни будущее (Рим. 8:35, 38).

Таким образом, пример святых Мироносиц показал, что пылавшая в их сердцах Божественная любовь, по выражению Священного Писания, *крепка яко смерть* (Песн. 8:6). Но сия любовь и всякое сердце, объятое ею, может побудить к подвигам, превосходящим, по-видимому, силы человеческие, потому что Божественная любовь прогоняет от очей сон беспечности в деле спасения, ограждает душу бдительным вниманием к себе, удаляет от ума суетные помыслы, ограждает чувства от окружающих соблазнов, укрощает превратные желания целомудрием, услаждает сердце вожделенным миром, обогащает добродетелями, увеселяет надеждой благ вечных; потому что, руководствуя человека прямым путем к вечному его назначению, соединяет его с Богом!

Так, хотя святые Мироносицы спешили ко гробу Иисуса Христа, по-видимому, с тем, единственno, чтобы помазать благовониями пречистое тело Его и облегчить на гробе Его слезами стеснение своего сердца: но, сверх своего ожидания сделались очевидными свидетельницами столь восхитительных событий, от коих, как от животворного источника, потекли струи радости и небесного веселия для всех верующих, во все страны мира, на все времена, на целую вечность! По немощи своего пола, еще святые жены смущались, недоумевая, как им проникнуть во гроб Господень, к которому был привален огромный камень: *кто отвалит нам камень от дверей гроба* (Мк. 16:3)? – говорили они. Но приходят ко гробу, видят, что стража рассеяна, камень отвален, все опасения исчезли, и слышать восхитительное благовестие Ангелов о воскресении Христовом. Еще из опасения – не обмануться на счет истины столь радостного события, Мироносицы пребывают некоторое время как бы в недоумении. Но является воскресший Спаситель, приветствует их сладостнейшим словом

пренебесного мира, приемлет от них поклонение и делает их первыми провозвестницами Своего воскресения! Какое слово может изобразить радость и блаженство, восхитившее Боголюбивых Мироносиц лицезрением Иисуса Христа? Ах, слово наше, братья, не имеет силы выразить радостного их восхищения, тем паче, что, по ожесточению во грехах, мы и не ощущали еще во глубине души нашей радости соединения со Христом. А если бы нам и довелось, по милости Божией, когда-нибудь вкусить хотя каплю подобаемого блаженства, то скажите, как описать радость, которая низводить небо на землю, которая сообщает сердцу блаженство, каким наслаждаются Ангелы, которой ничто в целом мир – ни жизнь, ни смерть не может отнять от истинных последователей Христовых?

А разве есть такие блаженные? – спросишь. Есть – это те Боголюбивые души, которые всецело обрекли себя Господу, всецело предали себя в волю Его, принесли Ему и чувства, и мысли и способности свои в жертву чисту, святу, благоприятну. Путь, ведущий к вечному соединению со Христом, далек и труден. Но души, распаленные Божественной любовью, при содействии благодати Божией, достигают цели пламенных своих желаний; несмотря на то, что на пути, ведущем к сей цели, предстоят затруднения, по-видимому, превосходящие силы человеческие. Боголюбивые души превозмогают все препятствия, потому что сила Божия в немощи совершается (2Кор. 12:9). Главное затруднение для души в стремлении ко Христу, состоит в помысле, подобном опасению Мироносиц: *кто отвалит нам камень от двери гроба?* – Как оставит ту или другую греховную привычку; как освободиться от оков, по-видимому, неразрешимых, того или другого пристрастия? Но если Боголюбивая душа постоянно вздыхает ко Господу о своей немощи; если внимательно наблюдает за всеми движениями своего сердца, стараясь удалять дурные помыслы при первом их появлении; то благодать Божия отъемлет от души камень всякого ожесточения во грехе; благодать Божия искореняет из сердца пристрастие к суете и тлению; сам Спаситель посещает душу таинственным своим наитием,

сообщая ей такую сладкую отраду, которая восхитительнее всех удовольствий и наслаждений мирских, о которой плоть и кровь и понятия иметь не могут. Ощущив, хотя однажды, сладость благодатного посещения, душа, в сознании своей нищеты духовной, готова стремиться к соединению со Христом сквозь мечи и костры огненные, потому что Иисус Христос, предавший Себя из любви к нам на крестные страдания, весь желание и сладость (Песн. 5:16). Тем легче уже для душ, пылающих любовью к Иисусу Христу, исполнение обязанностей всякого состояния, в котором поставил их Промысл, потому что с любовью в сердце к Спасителю все подвиги легки, всякое бремя сладостно до того, что возлюбивший Спасителя, подобно святым Мироносицам, быстро стремится на всякое доброе дело, тщательно исполняет обязанности своего звания, не совращаясь с пути своего долга, не страшась ни каких ужасов, потому что Божественная любовь не знает страха.

Так, братья, все Святые не иным чем-либо угодили Богу и достигли вечного блаженства, как любовью, по которой возлюбили Иисуса Христа всем сердцем, всею душой и всем помышлением своим. Ибо исполнение закона, по учению Апостола, состоит в любви к Богу (Рим. 13:10). Так проявляется эта любовь, показывает нам пример святых Мироносиц, которых никакие затруднения не могли удержать от изъявления своей преданности Спасителю, лежавшему еще, как он думали, во гробе. Последуем их примеру, и благодать Божия, восполняющая недостаток сил человеческих, врачающая всякую немощь, поможет и нам достигнуть в вечности соединения со Христом, коему слава, честь и поклонение, во веки веков. Аминь.

Слово в 20-ю неделю по Пятидесятнице

Се изношау умерша, сына единородна матери своей, и та бе вдова (Лк. 7:12)

Горькое было положение упоминаемой в нынешнем чтении Евангелия вдовицы! Быв в беспомощном, печальном состоянии по причине вдовства, она сверх того теряет единородного сына своего, составлявшего единственную ее в жизни отраду и надежду на помочь в ее старости. Но вдова эта блаженна тем, что удостоилась обратить на себя особенное внимание Спасителя, по слову коего прияла в объятия свои сына своего воскресшим из мертвых. А сколько подобных безутешных событий в мире! Сколько сирот, лишившихся родителей, скитается по чужим домам, не испытавших ни ласки материнской, ни привета отеческого; сколько материнских сердец сокрушаются мучительной горестью от того, что смерть похитила из их объятий детей их; сколько отцов, влекущих преклонные лета в безотрадном состоянии, надеявшимся, что под старость будут питать и покоить их дети, которых они внезапно лишились! Такие случаи, поражая нашу чувствительность, напоминают нам о нашей смертности и часто невольно заставляют нас помышлять о смерти. И благо, душеспасительно для нас размышление о ней, особенно в том отношении, что как на суде Божием все равно без всякого лицеприятия будут судимы, так смерть всех равно постигает; что как последний день мира, так и смерть страшны только для нечестивых и нераскаянных грешников, а отрадны и вожделенны для праведников.

Кто не знает, что человеку не миновать смерти? Всякий из нас уверен, что смерть рано или поздно, а непременно постигнет его; только каждому из нас не более известно время, в которое постигнет его смерть, сколько знают рыбы, увлекаемые удою, или птицы захватываемые сетью, когда они лишатся своей свободы. Каждому также известно, что как пролитая вода поглощается землей до того, что нельзя уже собрать ее в сосуд, так человек, умирая, как бы поглощается

землею, истлевает, и разрушается до того, что, по известным нам законам природы, не может уже возвратиться в то состояние, в котором он был до смерти. Между тем жизнь наша стремится подобно ветру, который улетает невидимо, неудержимо, невозратно, и всякий день, час, мгновение, каждого из нас приближает к смерти. Тщетно мы суетимся, утруждаемся, чтобы продлить бытие наше на земле; не в нашей силе удалить смерть, которой мы избежать желали бы. Сила ее непреодолима, действия ее не подлежать нашим расчетам и соображениям. Посему, как на поле одни растения увядают, едва прозябнув, другие вянут в полном цвете своем, а иные пожинаются по принесении уже плода, так и земнородные, иные умирают, едва явившись на свет, другие в юности; тех похищает смерть в полной крепости сил, а те нисходят во гроб, обремененные летами.

Не обращает смерть внимания ни на личные наши достоинства, ни на почести, ни на способности, но всех подводить под один уровень; не имеет жалости над нищетой, не уважает богатства, не удивляется мудрости, не отступает перед заслугами, смеется над крепостью сил, попирает красоту тела. Жил ли кто на земле сотню лет, или насколько времени, в почестях, или без них, в славе или бесславии, в довольстве или в бедности, – все он неизбежная добыча смерти. Каждому суждено умереть: царю и подданныму, воину и земледельцу, вельможе и рабу, богатому и нищему, здоровому и немощному. Люди являются на свет и, похищаемые смертью, исчезают с лица земли, будто тени. В сем смысле говорит слово Божие, что *образом ходит человек* (Пс. 38:7), т. е. что он похож на призрак, который, мелькнув, столь слабую оставляет по себе память, что почти невозможно представить себе в воображении очертания лица человека, похищенного от нас смертью.

Но чтобы вполне довершить уравнение людей перед своим владычеством, смерть простирает влияние свое на нас и за пределы нашей жизни.

После смерти наше тело, как заимствованное из земли, возвращаемся в землю. Проникнув в недра могил, взгляни на тех, которые сделались добычей смерти, из коих многие

изобиловали земными благами, превозносились почестями, надевались богатствами, величались знаменитостью своего происхождения, гордились красотой тела или крепостью его. Разузнаешь ли их теперь? Отличишь ли в недрах земли вельможу от раба, богатого от нищего, мудрого от невежды, гордившегося красотой от безобразного, сильного крепостью от немощного? Где ныне их богатство, где сокровища? где знамения земного их величия и власти? где их украшения и наряды? где окружавшие их льстецы и прислужники? во что обратилась красота их тела? Не все ли теперь прах и пепел? Не в нескольких ли только словах заключается память об их делах и занятиях? Не исчезла ли большей части умерших и самая память?

Что ж из этого? спросишь. То, что если смерть равно похищает всех, не предпочитая богатства нищете, власти подчинению, не отдавая преимущества мудрости перед невежеством, красоте тела перед безобразием, младенчеству перед старостью, не отличает крепости сил от расслабления; то тем паче нет лицеприятия на суде всеведущего, праведного Бога, который каждому воздаст, смотря потому, что кто делал, живя в теле, доброе, или худое. Посему, чаще представляй себя мысленно на одре смертном; не забывай, что смерть рано или поздно неизбежно похитить тебя, что хвои очи и так называемая красота тела обратятся в зловонный тлен, что мышцы и весь состав плоти твоей будут пищей гнилости, и превратятся в горсть пыли земной! Память о сем научить тебя благодушно встретить час смерти, которая, как и суд Божий, страшна только для нераскаянных грешников, а для праведников и кающихся отрадна и вожделенна!

Так смерть есть долг, который каждому из нас неизбежно уплатить правосудию Божию. Посему самому не только не должно удалять мысли о смерти, но даже чаще размышлять о ней, благовременно приуготовляться встретить ее, чтобы с нашей стороны с полной покорностью воле Божией возвратить долг растленной нашей природы, благодушно покоряться неизбежной нашей участи.

Для побуждения нас всегда быть в готовности умереть и с сей целью провождать жизнь соответственно высокому нашему назначению, Бог, с одной стороны, утаил от нас час нашей кончины, чтобы она всегда казалась близкой; с другой стороны, предостерегает нас о близости к нам смерти как бы некими вестниками – то внезапной кончиной наших близких, то нашими болезнями, а, особенно, старостью. Внезапные случаи смерти извещают нас об ней как бы стороной, болезнь вразумительно внушиает нам, что недалек конец и нашей жизни, а старость указывает на смерть как бы рукой. Не пренебрегай такими вестниками, благодари за них промысл Божий и не страшись смерти. Она не опасна для того, кхо ожидал ее в течении жизни, кто постоянно размышлял о вечной участи, ожидающей нас по смерти, кто бодрствовал над собой и провождал жизнь в чувстве вездеприсутствия Божия, потому что помышляющий о смерти, не быв пристрастен ни к чему земному, ничего не страшится потерять в час смерти.

Конечно, теперь смерть для нас страшна, по пристрастью к настоящему миру, а особенно по предчувствию страшной участи, ожидающей нераскаянного грешника в безпределной вечности. Точно так узник, содержащийся в темнице за преступления, хотя, ведомый в судилище, освобождается от заключения, но страшится и трепещет, помышляя об ожидающем его наказании. В подобном смысле и смерть грешника лята, потому что он, умирая, разлучается с миром и плотью своей, в порабощении коим находил он все свое блаженство, и становится наследником бесконечных страданий в геенне огненной. Но взгляни при свете Евангелия на мир сей, стоит ли он нашего к нему пристрастия? Что в мире постоянного? Что здесь не исчезает? Что не поглощается пучиной вечности? Равным образом, стоит ли и плоть наша того, чтобы ее вожделениям жертвовать нашими мыслями, заботами, трудами, изнурением, когда всему составу плоти нашей суждено быть пищей червей и соделаться горстью праха? Не лучше ли, не спасительнее ли, отрешив сердце ваше от пристрастия ко благам и обычаям мира сего, стремиться всеми силами к Небесному нашему отечеству, и, покорив плоть нашему духу,

помышлять о едином на потребу, о приобретении блаженной вечности.

При таком расположении духа, какая бы ни постигла нас смерть, она не только не будет страшной, а даже вожделенной. Ибо мы помышляли бы о ней подобно тому, как утруженный путник помышляет о том, где ему доведется насладиться спокойным отдохновением, наемник – о том, когда кончится срок его служения; земледелец о времени, в которое соберет плоды трудов своих; купец о том, когда придут корабли его с богатым грузом; жена, когда настанет час разрешения от бремени. Таким же образом и мы ожидали бы своей кончины, и когда бы она настала, тогда приятное воспоминание свято проведенной жизни, как тишина, наставшая после бури, принесла бы отраду душе нашей, утруженной житейским треволнением. Вот почему благоугождавшие Богу святостью жизни своей томились только пребыванием на земле, а не мыслью о смерти. Напротив, они взывали: *желаю разрешиться и со Христом быти* (Флп. 1:23)! *Боже, Боже мой! возжада Тебе душа моя* (Пс. 41:3), томится по Тебе плоть моя!

Итак, братья, неизбежность смерти должна убедить нас, что жизнь без плодов добродетели более достойна сожаления, нежели смерть; что неизвестность смертного час должна заставить нас бодрствовать над собой и благоугождать Богу, чтобы смерть застала нас готовыми умереть. Лучшее же приготовление к смерти состоит в размышлении об ней. Ибо память смертного часа укрощает страсти, смиряет гордость, обуздывает похоти, услаждает горести вздыхающих под бременем бедствий. Почему для тех, которые благовременно помышляют о своей кончине и готовятся встретить ее упованием на безпределное милосердие Божие и оправдание на суде Божием крестными страданиями Спасителя, смерть есть довершение победы над миром, плотью и дьяволом, есть преддверие вечной жизни, успокоение после трудов, переход в Царство вечного блаженства, коего да удостоит и нас Господь по благодати и человеколюбию Своему. Аминь.

Слово в 22-ю неделю по Пятидесятнице

Человек некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло (Лк. 16:19)

Услышав сии слова, иной из скажет: какая блаженная была жизнь богача, изображенного в притче нынешнего Евангельского чтения! А мне позвольте сказать: что за пустая, ничтожная была жизнь его! Он только наряжался в богатые одежды, ел, пил, засыпал, пробуждался, чтобы снова есть, пить, одеваться в придуманные прихотью наряды и снова погружаться в сон. Так провел этот богач всю жизнь, не помышляя ни о Бог, ни о вечной участи своей за гробом, не принимая никакого участия в судьбе несчастных близких. Всякий день его жизни во всем был похож на другой, разнообразие заключалось разве в яствах, напитках, нарядах и увеселениях. Таким образом, вся жизнь этого богача не принесла никакой пользы для других, бесполезна была для него самого, потому что при кончине ее все ее продолжение представилось ему как сон, как одно мгновение, как тень, исчезнувшая при появлении света. Ни одно воспоминание какого-нибудь доброго дела не уладило горестных минут его кончины; напротив, умирая, он терзался мучительным убеждением, что на веки расстается с своими мнимыми удовольствиями, которые не принесли ему никакой существенной пользы, томился угрызением совести, что все время жизни своей потерял в легкомыслии, лени, праздности, что в целой жизни своей душевный взор его видит одну пустоту, ничтожество, суетность, ветер; что суета, которой он был рабом, низводит его в бездну адovу, уготовала ему вечные мучения!

Но не станем осуждать осужденного судом Божиим; Спаситель не для того предложил притчу нынешнего Евангельского чтения, чтобы мы порицали изображенного в ней богача; но чтобы мы, при свете ее, обратили внимательный взор на самих себя и старались узнать: не стремимся ли мы сами по покатому пути суеты мирской в бездну адovу!

По причине повреждения изначала человеческой природы едва ли не все люди, не весь род человеческий, в большей или

меньшей мере, погружен в суету, кроме тех избранных душ, которые день и ночь помышляют о вечной своей участи, и всеусильно стараются удостоиться соединения со Христом в будущей жизни!

«Но что такое суета?» – спросит кто-либо. Это есть нечто, имеющее одно название, но не заключающее в себе ничего существенного; это есть ничто, или что-то воображаемое, но никогда не осуществляемое; – представляемое в наших мечтах удовольствие и наслаждение, которыми будто мы обладали бы, если бы приобрели желаемые нами блага земные. Посему-то и Св. Церковь в одной из песней своих внушиает нам: «вся суета человеческая, елика не пребывают по смерти! не пребывает богатство, не нисходит с человеком во гроб его слава!». Можно присовокупить, не пойдут с нами в вечность наслаждения, забавы и мирские удовольствия!

При всем том суета, овладевать человеческими помышлениями, желаниями, чувствами, самовластно увлекает людей в плен свой, отнимает у нас время и жизнь, доводит до расточения и потери имения, истощает наши силы, лишает природных сил, здоровья и преждевременно приближает нас ко гробу. Иной, не внимая изречению вечной Истины, что жизнь человеческая не зависит от его имения (Лк. 12:15), то напрягает все умственные и телесные силы свои, чтобы собрать сокровища, стяжать богатство; то мучится головной ломотой, страдает бессонницей от тревожных помыслов, что собранные им сокровища могут расхитить воры, в одно мгновение может поглотить наводнение, истребить огонь; что и без того снедает их моль, истребляет ржавчина; то терзается сердцем, помышляя, что его богатство может попасть в руки таких людей, которые в короткое время расточат его, или, получив его сокровища, вместо благодарности помрачат его память насмешками и позором. Тот сохнет от честолюбия, а сердце другого точит червь сладострастия; одни скорбят от того, что не имеют детей, другие томятся именно тем, что их имеют. Иного снедает скука и невыразимая туга сердца от пресыщения, от того, что он не знает уже чего желать; другой досадует на то, что не исполняются его желания. Не произвольные ли это бедствия;

не измышленные ли самыми людьми горести, которые навлекают на них собственные их прихоти? Не сама ли миролюбцы изобрели для себя душевные терзания, сгорая желанием благ земных, когда вековые опыты доказывают, что все блага мира сего, достоинства, деньги, почести, наслаждения, становятся источником неисчислимых скорбей и душевого сокрушения для тех самых людей, которые домогаются удовлетворения своих желаний; когда, с другой стороны, во всех благах мира сего нет ничего такого, чтобы вполне могло удовлетворить нашим желаниям, насытить наше сердце, потому что все непостоянно в мире, неверно, обманчиво, суетно!

Но к прискорбию люди, одаренные разумом и свободой, созданные для бесконечного блаженства, для вечного пребывания на небесах, где нет ни болезни, ни скорби, ни вздоханий, омрачившись своими помышлениями, до того пристрастились к суете земной, что в суете ума своего желают, говорят и производят только суетное, уповают на одну суету, зачинают труд и рождают беззаконие, потому что желания сердца их, предметы любимые, боготворимые ими, суетны и достойны смеха! Вот почему мудрейший из царей земных, *возвеличившийся в свое время паче всех бывших прежде его во Иерусалиме (Еккл. 1:16)*, с горестью восклицал: *суета суетствий, и всяческая суета (Еккл. 1:2)!*

Так все люди, с малыми исключениями, порабощены суете. Но если бы мы обратили внимание на ту суету, которой сами предаемся, то убедились бы, что мы, по нравам и обычаям, нимало не похожи на первенствующих Христиан, что в нашей суете есть даже что-то нелепое!

В первые века Христианства в домашнем быту и взаимных посещениях Христиан предметом бесед их были преимущественно Евангельские истины. Тогда Христиане учились друг от друга как благоугодить Богу, какая в вечности ожидает участь праведных и нечестивых; такой связаны были взаимною любовью, что один за другого с радостью жертвовали своей жизнью; до того были правдолюбивы, что не имели нужды подтверждать слова свои клятвой. У нас во всяком собрании,

сколько бы оно ни было малочисленной, предметом разговоров бывают или обидные для ближнего пересуды, или сообщение самых пустых новостей. В наших беседах стараются наперерыв отличаться язвительными остротами, особенно на счет отсутствующих; а стоит только нечаянно явиться в то же собрание тому, кто был предметом пересудов, как вдруг все присутствующие обращаются к нему, по-видимому, с самым радушным приветом, как к первому своему другу. Почему так? Потому что правилом общежития принято вежливое притворство; искренность и прямодушие изгнаны из наших обществ; а вместо их введено тысяча самых пустых условий взаимного общения; рассчитано, кого когда посетить, кому изъявить особенную мнимую преданность, как его встретить, приветствовать, тогда как сердце, проникнутое холодным самолюбием, не принимает ни малейшего участия в лживых словах и наружном обращении с близкими. Вот встречаются два человека, подают друг другу руки, бросаются взаимно в объятья, говорят один другому тысячу сладких уверений!.. подумаешь, что они самые искренние друзья! нет, это враги, которые на стороне роют друг другу яму! Притворство до того усилилось, что редко в ком можно видеть искренность, редко одни другим верят, что слушающий обращенные к нему кем-либо вежливости, убежденный в их лживости, приготовляет в уме своем столько же лживый ответ. Таким образом, наши беседы, встречи, условия общежития, оказываемые друг другу знаки уважения, радушия, преданности, ни что иное, как суeta, обман, ничто, и самые слова, выражавшие некогда сердечные чувства, их потеряли свое значение до того, что каждый понимает в смысле превратном!

Что сказать о той суете, которую в бесчисленных видах, почти ежедневно, высыпает на землю ад, чтобы в Христианах подавить благодатные внушения о необходимости для приобретения вечного спасения, постоянно обновляться духом ума нашего и облекаться во Иисуса Христа всеусильным подражанием земной жизни Его, – облекаться в нового человека, созданного по Богу в правде и преподобии истины (Еф. 4:23, 24)? Что сказать о тех прихотливых новостях,

которые, будто поветрие, вторгаясь в дома, часто почти с основания превращают их, изменяют обычай, вкусы, самые понятия об окружающих нас предметах, и отражаются на самой внешности людей?

Но всего суетнее необузданное увлечение за утехами, наслаждениями и удовольствиями, с таким ненасытным желанием, как будто бы в них заключалась вся цель бытия нашего на земле! В чем же состоят сии забавы, наслаждения, удовольствия? То в слушании смехотворства каких-нибудь скоморохов, то в пресыщении, то в превращении ночей на дни, и дней на ночи, то, грустно сказать, в посвящении драгоценных часов, назначенных Св. Церковью для общественного Богослужения и умилостивления Бога о наших прегрешениях, кружению в вихре суеты до изнеможения. Даже есть несчастные до того разжигающиеся жаждой наслаждений, что, желая утолить эту жажду, истощают душевые и телесные свои силы, наживаючи неисцеляемые болезни и преждевременно, в цвете юных лет, похищаются смертью. Подражая как умеют таким обычаям, люди низшего сословия, часто нуждающиеся в насущном хлебе, проводят в корчевницах целые дни в праздности, пьянстве и всяких непотребствах!

При виде таких нравов праведная душа какого-нибудь блаженного Лота томилась бы мучительною ревностью (2Пет. 2:8) о славе Божией, оплакивая наше окаянство, тогда как нам самим следовало бы плакать о нашем порабощении суете, увлекающей нас в пагубу; следовало бы плакать тем более, что на самом деле по тесным обстоятельствам, все у нас горюют, жалуются, и справедливо, на тяжкие времена! И как не горевать, не сетовать, когда нашу страну снова поразило бесплодие, когда оскудение плодов земных снова угрожает голодом если не нам, то нашим ближним, которые доставляют нам хлеб насущный? А от чего? От того, что природа, порабощенная суете (Рим. 8:20) еще грехом первого человека, что земля, обреченная из-за него проклятию и произращению вместо питательных плодов, терния и волчцев, обрекается еще большей суете и проклятию нашими произвольными грехами.

Но если сама природа побуждает нас к сетованию и сокрушению о грехах наших: то мы будем безответны на суде Божием, если не принесем всеискреннего покаяния о грехах наших; если не оставим гибельных путей суety, низводящей на нас еще в настоящей жизни кару небесную. А куда пути суety ведут в будущей жизни, нам открыто в притче о богаче, изображенном в нынешнем чтении Евангелия. Он томится и будет томиться целую вечность таким лютым пламенем, что рад был бы, если бы кто-либо прохладил язык его хотя одной каплей воды! Страшная участь! Не ужели и мы в ослеплении ума и сердца будем стремиться по покатым путям суety в бездну адovу? Да не будет! Обратимся всем сердцем на путь покаяния, а человеколюбие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа помилует и спасет нас Своей благодатью. Аминь.

Слово в 27-неделю по Пятидесятнице

Бяше же (Иисус Христос) учя на едином от сонмищ в субботу (Лк. 13:10)

Упоминаемый в нынешнем чтении Евангелия начальник синагоги, терзаемый завистью к Спасителю, что бедная женщина, скорченная недугом, выпрямилась от одного прикосновения руки Его, и стала славить Бога, начал говорить народу: «*есть шесть дней, в которые должно делать, в те и приходите лечиться, а не в день субботний!*» (Лк. 13:14). Как будто бы мгновенное исцеление было делом самой исцеленной, или хождение в синагоги, в которые удаленные от Иерусалимского храма Иудеи стекались по субботам на молитву и для слушания слова Божия, было преступно. Но Сердцеведец, зная, что причиной негодования старейшины синагоги была зависть силе чудотворений Спасителя, обличает мнимого ревнителя закона Божия, говоря: *лицемере, кждо вас в субботу не отрешает ли своего вола или осла от яслий, и вед напаяет? Сию же дщерь Авраамлю сущу (по вере и происхождению), юже связа сатана, се осмоенадеяте лето, не достояше ли разрешитися ей от юзы сея в день субботный?* (Лк. 13:15, 16) – Таким образом, сам Господь и Спаситель наш не только словом, но и Своим собственным примером находит нас освящать праздничные дни участием в общественном Богослужении, благочестивыми занятиями, и в особенности делами благотворения. Не следуя этому спасительному примеру и нарушая святость праздничных дней, вопреки ясной заповеди Божией, мы сами себя подвергаем и естественным, вредным последствиям беззакония, и сверх того привлекаем на себя еще особенные наказания правосудия Божия.

Если бы и не было ясного закона Божия касательно посвящения особенных времен для прославления имени Божия и благодарения Ему за Его благодеяния, то к учреждению таких дней должно бы побудить нас внутреннее сознание, что мы все, что имеем, самое бытие и жизнь нашу, имеем по одной милости

Божией! Но Бог, при сотрясении Синая, изрек святую заповедь: *помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай и сотвориши [в них] вся дела твоя: в день же седьмый, суббота Господу Богу твоему: да не сотвориши всякаго дела в онь, ты и сын твой и дщерь твоя, и раб твой и раба твоя, и вол твой и осля твое и всякий скот твой, и пришлец обитаяй у тебе* (Исх. 20:8–10). Буквальный смысл сей заповеди очевиден; а обязательной силы своей она не потеряла от того, что дана еще в Ветхом Завет. Правда, по духу новозаветного учения, Христианам надлежит постоянно, при всех занятиях, возносить мысли и сердце свое к Богу, прославлять Его святостью жизни и делами милосердия. Но как весьма немногие из Христиан стараются достигнуть сего нравственного совершенства, то Св. Церковь, желая хотя постепенно привести нас в такое состояние, хотя по временам освящать вас словом Божиим и своими таинствами, усвоив ветхозаветную заповедь о посвящении седьмого дня прославлению имени Божия, определила для сей же цели и другие времена. Запрещая в продолжение их мирские и житейские дела, Церковь повелевает в такие дни приходить в храмы Божии для общественного Богослужения и внимания слову Божию, потом заниматься в домах молитвой, чтением назидательных писаний и душеспасительными беседами, приносить из своего имения жертвы на церковные нужды, посещать больных, заключенных в темницах и т. д.

Можно ли придумать способ вернее сего к укреплению душевых сил наших, обновляемых благодатью Духа Святого, Господа всеоживотворяющего? Можно ли изыскать для нашего сердца наслаждение восхитительнее благотворения выше? Между тем празднование дней, посвященных во славу Божию, благодетельно и в том отношении, что, требуя, по заповеди Божией, успокоения от обыкновенных работ, освежает и телесные наши силы, объемлет отеческим попечением своим не только нас, но и домашних наших, даже рабочих животных, которым также повелевается давать отдых в дни праздничные.

Сколько же вредно для нас нарушение святости праздничных дней, легко усмотреть из того, что как лук от

беспрерывного напряжения тетивы скоро сокрушается, так – наши душевые и телесные силы от беспрерывной деятельности утомляются, слабеют и лишаются своих способностей. Вообразим, например, владельца, предположившего, будто чем больше он вспашет и засеет земли, тем больше соберет хлеба и выручит за него денег. Чем награждается такая жадность? Большее количество земли, от беспрерывного изнурения рабочих людей и животных, худо удобренное, еще хуже возделанное, или ничего не производит или приносит тощие плоды. А если, по благоприятству времени, последует и хороший урожай, то от недостатка рук и средств к собранию плодов, они, к сожалению, гибнут на корню, потому что люди и животные такого владельца, истощенные беспрерывными работами, становятся ни к чему неспособными, или преждевременно гибнут. Не очевидно ли, что если бы этот владелец определил для запашки меньшее количество земли; а в праздничные дни людям и животным своим давал отдых, то прибыль с полей была бы вернее; а люди и скот его в хорошем состоянии? Возьмем еще в пример пагубного последствия от нарушения четвертой заповеди кого-либо из так называемых деловых людей, который с целью прославиться неутомимой деятельностью не дает себе отдохновения даже в праздничные дни. Несчастный! он напрягает все силы, работает днем и ночью до того, что, наконец, выбившись из сил, низвергается на одре болезни, часто неизлечимой, а дела, которые он думал обделать, остаются неконченными, тогда как новые накопляются в большем количестве. Не явно ли так же, что если бы этот человек давал себе отдых в дни, определенные Церковью для покоя, то и не потерял бы здоровья, и с большим успехомправлялся бы со своей должностью, потому что, принимаясь за дела после временного отдохновения, производил бы их со свежими силами.

Так нарушители святости праздничных дней наказываются естественным последствием своего преступления. Но сверх того они привлекают на себя и особенные наказания Божии, хотя бы казались в других отношениях ревнителями закона Божия; потому что, хотя бы кто весь закон сохранил и только в

одном чем-нибудь согрешил, тот, по откровению Духа Святого, становится виновником в преступлении всего закона. *Рекий бо, не прелюбы сотвориши, рекл есть, и не убиеши (Иак. 2:10, 11).* Присовокупим, *рекл есть: и помни день субботний...* Следовательно, нарушение святости праздничных дней есть нарушение закона Божия. А может ли быть, чтобы Бог – вечный ревнитель Своих законов оставил без наказания нарушителей заповеди Своей о святости праздничных дней?

Нет; и прежде всего Бог наказывает преступников Своего закона лишением благодатной Своей помощи, предоставляя грешников собственным силам. Тогда дела наши, при всех соображениях и усилиях, не имеют никакого успеха, потому что ум наш, неозаренный благодатью, помрачается до того, что придумывает одни несообразности, так что самые мудрые, по-видимому, соображения оказываются на деле нелепыми, безрассудными, и самые напряженные усилия недостаточными, ничтожными! Но Бог, за нарушение праздничных дней, устами Моисея пророка ясно угрожал: *и сотворю пусту Аз землю вашу, и удивятся о ней врази ваши..., и будет земля ваша пуста, и грады ваши будут пусты. Тогда возблаговолит земля субботы своя..., во вся дни опустения своего воспразднует, яже не празднова суббот ваших (Лев. 26:32–35).* Другие Пророки от лица Божия предсказывали: *аще не послушаете Мене еже святити день субботний... то зажгу огнь во вратах Иерусалима, и пожрет дома его, и не угаснет (Иер. 17:27).* И страшным образом сбылись сии угрозы; сбылись до того, что Палестина, земля, некогда текущая мёдом и молоком, теперь пораженная запустением, представляется путнику бесплодной скалой!

Если над нами сии прещения Божии не исполнились еще, то единственно потому, что Бог, по безпределному милосердию своему, еще ожидает нашего исправления. Впрочем, что означают столь частые в наши времена глады, – то от засухи, попаляющей земные произведения зноем солнечным и тлетворными ветрами, то от продолжительных дождей, истребляющих нивы бедного земледельца гниением их на корне? Откуда появляются бесчисленные полчища каких-то

неизвестных дотоле червей и вредных насекомых, поедающих наши посевы в самом прозябании их? Чему приписать неиспытанное нашими предками бессилие земли, какое-то превращение стихий, по которому изменился сам климат, изменился закон постоянства, которому прежде следовали зимы, тогда как теперь они то мрачные, сырье и бесснежные, то необыкновенно холодные и снежные? К чему отнести и поражающие в наши времена страны наши, неизвестные нашим предкам губительные болезни? Не явные ли это наказания, ниспосыпаемые на нас Тем, в деснице Коего власть над природой?

Ах, велика еще милость Божия, что мы доселе живем, движемся и существуем! Ибо сознаемся, братья, за что нас миловать милосердию Божию? Бывает внешнее Богопочтение лицемерное – это еще род опасения выказать свое нечестие наружу, но у нас пренебрежение праздничных дней сделалось до того открытым, что мы в этом отношении и не лицемерим уже. Неужели нечестие потрясло в нас, потрясло в самом основании врожденный человеку страх Божий, и стало открытым? Если я ошибаюсь, то простите мне, братья, и научите меня, как судить иначе? Но как судить иначе, когда люди низших сословий, если не заняты работами, проводят воскресные и праздничные дни в пьянстве и других беззакониях; а лица высших сословий в те самые часы, в которые Церковь, предвстречая великие праздники, совершает всенощные бдения, не только сами спешат смотреть на лицедеев, но еще увлекают с собой других, или в собственных домах заводят суетные забавы, посвящая целые ночи кружению в вихре легкомысленных удовольствий?

Поступают ли таким образом в странах, неозаренных даже светом истинной веры, или у народов, считающихся неправославными? Строгое до суеверия празднование суббот Иудеями известно у нас вся кому; с такой же почти строгостью соблюдают свои праздники Магометане. В Великобритании и в Северной Америке дни воскресные почитаются так, что люди всех сословий не занимаются в те дни ни малейшими работами, не предаются никаким забавам. А мы будто нарочно ругаемся

праздникам нашей веры, пренебрегая их до того, что кажется слышен глас Господа, жалующегося через Пророка: *Разсмотрите прилежно, и видите... аще премениша языцы боги своя, и тии не суть бози? Людие же Мои премениша славу свою на то, от негоже не пользуются* (Иер. 2:10–11) Так поистине мы променяли священные обычай наших предков, променяли уставы Св. Церкви нашей – на языческие игрища и сатанинские забавы!

О, Господи! прости нам прегрешения, забудь преступления закона Твоего, не помяни на суде Твоем, как мы проводим дни, посвященные во славу имени Твоего! Паче же даруй нам благодать сознания во грехах наших, решительного в них раскаяния и всеискреннего покаяния. Аминь.

Слово по случаю выбора судей

Весте, яко князи язык господствуют ими, и велицыи обладают ими. Не тако же будет в вас, но иже аще хощет в вас вящий быти, да будет вам слуга (Мф. 20:25,26)

Можно ли проще, короче и вместе с тем яснее определить обязанности, требуемые самим человечеством от поставляемых на высшей степени достоинств, как определяет их это краткое изречение Спасителя? Чего не придумывал разум человеческий с начала мира доселе, сколько люди мудрствовали, толковали, спорили, мудрствуют, толкуют и спорят о лучшем устроении блага общественного, сколько пролили крови человеческой, сколько написали уставов, постановлений, учреждений, а опыты показали, что вся человеческая мудрость ничего не придумала для человечества благодетельнее того, что заповедал Господь наш: «кто из вас хочет быть большим, тот будь вам слуга!» При уклонении от этого правила все человеческие учреждения нисколько не улучшать блага общественного. Посему, высокопочтеннейшие мужи, поставляемые общим доверием ваших сограждан на высшей степени почестей! мне, недостойному служителю Евангелия, на этом священном месте, перед лицом Бога истины и правды, ничего нельзя сказать приличнее того, что сказал Спаситель: «кто из вас хочет быть большим, тот будь вам слуга!» А чтобы не затрудняться в выборе образца для такового служения, Евангелие представляет в пример служение человечеству Самого Господа нашего Иисуса Христа, который не для того пришел с небес, чтобы Ему служили, но чтобы служить, и дать душу Свою для искупления многих (Мф. 20:28).

Совершая служение Свое человечеству, Господь наш не искал Своей воли, не угоджал прихотям и страстям человеческим; но искал единственно воли Отца Своего Небесного (Ин. 5:30)! С этой целью Он прошел всю страну земного Своего отечества, благотворя всем и каждому, требующему Его помощи (Деян. 10:38). Подобным образом действия поставляемого на устроение общего блага

определяются волей Царя-Отца отечества и указаниями Государственных законов. А как общее благо устроятся преимущественно строгим соблюдением правоты по отношению ко всем членам общества, не исключая никакого состояния, то служитель общего блага, стремясь к достижению столь великой цели, не имеет уже права угодывать воли того или другого лица, в частности, сколько бы оно ни было именито; если требование его противно общему благу. Частный человек может помышлять о своих выгодах; а облеченный силой власти должен желать и действовать только для общего блага. Частные люди не должны осуждать ближних своих; а поставленным на служение общему благу вменяется в преступление, когда они не стараются вникнуть в малейшие подробности дела, представленного на суд их. Обыкновенный гражданин может покоится, когда только захочет; от облеченного общим доверием сограждан требуется неусыпное бодрствование, неутомимые труды, постоянные беспокойства. Частный человек чем уединение, тем безопаснее от пересудов клеветы человеческой, а вознесенные на высшие степени в обществе нередко как будто составляют цель, в которую направлены стрелы злословия, так что часто им остается искать утешения в одном Боге и свидетельстве своей совести.

Так поэтому, скажет кто-либо, от облеченного силой власти требуется решительное самоотвержение! Точно так, и нельзя не прийти в трепет при мысли о том, чего от тебя, избранный для служения общему благу, требует долг твой. Требует пожертвования собой (Ин. 10:15), по примеру Спасителя. Твое служение требует, чтобы ты, покровительствуя несчастных и защищая гонимых, не предпочел истине ни сокровищ земных, ни дружбы, ни честей, ни славы, ни спокойствия своего; требует, чтобы ты, защищая общее благо, не совращался с пути указанного законом ни угрозами сильных, ни лестью, ни клятвой, ни озлоблениями, ни даже неблагодарностью тобой облагодетельствованных, требует, чтобы ты не предпочел своему долгу ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер, ни сына, ни дочери, ни самой жизни своей (Лк. 14:26)! Словом, служение твое требует, чтобы ты оградил себя страхом Божиим

и любовью Спасителя от всех душевных движений, могущих препятствовать точному исполнению твоих обязанностей; чтобы сердце твое было равнодушно к драгоценнейшим для тебя связям, и в тоже время было согрето любовью к призрению нищих, к заступлению притесняемых, к облегчению судьбы страждущих!

Подвиг, воистину, неудобоносимый! Но благодать Божия в немощи совершается (2Кор. 12:9)! а ты, избранный общим доверием, говоря языком Писания, на сие родился, и на сие пришел в мире (Ин. 18:37), чтобы служить общей пользе и устроить благо человечества. Это бремя сроднилось с кровью твоего происхождения, так что ты в пеленах еще обречен на подвиги человеколюбия. Души высокие, проникнутые любовью к Богу и человечеству находят высочайшее блаженство в устроении народного счастья, в созидании общего блага, в защите слабого от руки насилия, в покровительстве гонимой невинности, в благопризвании сирот и вдовиц бесприютных, в облегчении жребия нищеты, удрученной бедствиями. Что же как не высокие свойства душ наших, как не личные добродетели поставляют вас ныне на чреду служения общему благу? И вот на вас обращаются уже взоры целой – здешней – области, взоры меньшей братии вашей, взоры сирот и вдовиц бездомных, взоры страждущих под бременем горести и злоупотребления силы! Их надежды, стоны и вздохания говорят сильнее всякого слова. Они вопиют к вам, подобно тому, как некогда взвывали Египтяне к Иосифу патриарху: теперь жизнь наша в руках ваших (Быт. 47:25)! Вы отцы и покровители наши – мы братья и дети ваши! Мы вас выплачали у неба, не допустите, чтобы мы плакали на вас перед небом. Бог уподобил вас возвышенным горам, из коих исходят реки и источники, мы – поля и долины, засохшие от бедствий, жаждущие животворных вод, коими должно напоить нас ваше сострадание и человеколюбие. О, да восприимут горы мир людем, и холми правду нищим людским (Пс. 71:3,4)! Промысл возносит вас на высокие достоинства, не с тем, что бы вы искали своих выгод; но для нас, меньшей братии вашей! дайте же нам мир и правду; воззрите оком сострадания на наши нужды, не охватите вашего

слуша от волей нищеты и беспомощности нашей, усладите своим участием горести наши!

И ваши, высокопочтеннейшие мужи, любвеобильные сердца горят желанием оправдать надежды и ожидания ваших сограждан; а в залог ваших благих намерений вы представляете вечные надежды души своей, – призывая во свидетели правоты предстоящих вам действий Бога истины и правды! Он видит ваше сердце, знает ваши помышления и ниспошлет вам вседействующую благодать Свою к исполнению ваших обязанностей. Аминь.

Слово по случаю выбора судей

Судии и книгоноши поставиши себе во всех градех твоих, яже Господь Бог твой дает тебе по племенам, и да судят людем суд праведный (Втор. 16:18)

Истинные пути к устроению общественного благосостояния в самой глубокой древности были те же, которые к достижению сей цели и в наши времена признаются благонадежнейшими. В сем отношении, опыты тысячелетий и все человеческие мудрования ни на одну черту не придумали ничего лучше того, что указано Богом еще во времена законоположения, данного Израильскому народу через Моисея. Во всех городах твоих завещал сему народу его законодатель, поставь себе судей и законоведцев по коленам твоим, чтобы судили они народ судом праведным. И подлинно: кому лучше, безопаснее вверить частную судьбу свою, у кого с большим доверием искать суда, совета, сострадания, как не у того, кто, с одной стороны, приобрел между своими соотечественниками славу бескорыстного, мудрого, справедливого мужа; с другой стороны, ближайшим образом знает обстоятельства, существенные нужды и потребности своих собратий. В сем предположении высочайшая воля отца отечества нашего, потребность устройства родной вам страны созвали вас, достопочтеннейшее сословие, в сей град, да изберете из среды своей мужей достойных понести бремя общественного служения. Итак утешительно, отрадно думать, что вы, руководствуемые чувством благочестия, возносите теперь из глубины души молитвы к Богу, да осенит вас Своим благословением, да содействует вам благодать Его в ваших совещаниях и совещавших ваше предприятие к общему благу ваших сограждан. В сем предположении мы уповаляем, что благочестие будет руководствовать вас и в предлежащем вам подвиге, так что вы достигнете спасительных целей; уповаляем, что избирающие и избираемые будут иметь в виду ту истину, что служение, возлагаемое доверием сограждан на избираемых – есть служение не только человечеству, но и Богу, что восприявшие

на себя обязанности сего служения будут совершать суд человеческий и суд Божий.

Всякий блюститель правды, общественного порядка и безопасности, избираемый для служения человечеству, совершает суд человеческий. Одно истинное понятие о том, что значит совершать суд человеческий определяет уже отчасти высокую важность сего служения. Совершать же должным образом это служение – значит быть верным слугой Царя, быть усердным исполнителем Государственных естественных законов.

Царь-отец народов, врученных ему Промыслом, сверх неусыпных попечений своих о нашем благодеянии, предоставляет еще своим подданным самим заботиться о своем благополучии. Он желает, чтобы сыны России сами стремились к своему счастью. Его отеческому сердцу непротивно никакое действие его подданных, кроме своеволия и буйства, которые довели бы их до бедствий. Из сего явно, что всякий служитель общественного благоустройства есть вместе исполнитель воли царевой, перед лицом коего все граждане богатые и убогие, высокородные и худородные, вельможи и рабы суть члены одного семейства. Посему всякий общественный служитель должен помнить, что никакое земное величие не в состоянии превратить весов царского правосудия; потому что он есть источник всякой Государственной власти. Следовательно, самое верное средство к приобретению благоволения Царева состоит в усердном служении обществу, потому что царь есть отец своих народов, а неусыпная бдительность его об их благодеянии заставляет его преследовать всякое нарушение закона; и всякая неправда, сделавшись известной царю, не спасается от заслуженного наказания ни сокровищами, ни покровительством сильных, ни ухищрениями.

Столь же усердного человечеству служения требуют Государственные законы. Они покровительствуют невинность, защищают правоту, поощряют усердие, награждают заслуги; но судят порок, преследуют самоуправие и буйство, невзирая ни на достоинство, ни на богатство, ни на силу. Законы, данные

нам Высочайшей властью, запрещают и наказывают только своевольное безумие, нарушающее частное или общественное спокойствие. Так Государственные законы внушают вся кому быть благородным не столько именем, сколько сердцем и делами, повелевают, да управляют опытность и бескорыстие, да судить правда и истина, да награждается добродетель, да бесчестится только беззаконие, да покрывается стыдом насилие и мздоимство; да царствует повсюду тишина и безопасность, да процветают науки и промышленность; да возрастают искусства и трудолюбие; да водворится в самых хижинах довольство и благоденствие.

Впрочем, самый естественный закон, начертанный Богом на скрижалих сердца человеческого, с такой ясностью изложенный в Евангелии, закон, повелевающий всем: «как хотите, чтобы поступали с вами люди, так и вы поступайте с ними» (Мф. 7:12) – этот один закон должен бы побудить всякого любить истину, верно служить правде, покровительствовать беспомощных, защищать гонимых; хотя бы потому только, что наша будущая участь неизвестна. Так сегодня я облечен властью, а завтра может быть буду лишен всякого значения; сегодня я украшен почестями, отнесенувшим к уважению, а завтра может быть сделаюсь предметом всеобщего унижения; сегодня ты отказал в покровительстве вдовиц твоего соседа, а завтра может быть твоя супруга, лишившись тебя внезапно, тщетно будет просить у других покровительства; теперь ты оставляешь сирот твоего клеврета без признания, а о том не думаешь, что, статься может, и твои дети будут влечь жизнь без пристанища; потому что кто затыкает ухо от воплей бедного, тот сам будет взывать и ему не ответят, и какой мерой меришь, такой и тебе отмерят (Мф. 7:2)!

Но удача, иногда сопровождающая порок, обаяние сокровищ и благ мирских даже при добром расположении сердца могут быть сильными искушениями к помрачению истины.

К отражению всяких в сем отношении искушении, Евангельское учение может доставить непобедимое оружие. По духу Евангелия служение истине и правде есть служение

Самому Богу самое приятное и угодное Ему, когда оно совершается с полным самоотвержением, с беспристрастием и бескорыстием, до самопожертвования собой истине. Но если Евангелие от каждого Христианина требует взирать на всякого страждущего и немощного, на всякого беззащитного и гонимого, на алчущего и жаждущего, как на Самого Христа Спасителя, то какое сострадание, какое человеколюбие, какая правота требуется от служителя правды, блюстителя общественной безопасности, избранного своими братьями, уполномоченного земной властью быть покровителем слабых, защитником обижаемых. Если всякому Христианину известно, что Бог верен и нет неправды в Нем (Втор. 32:4), что Бог ненавидит всякое беззаконие (Пс. 5:5), то Христианин-служитель общественного благосостояния ни на одну минуту не должен забывать, что у Бога нет лицеприятия (Рим. 2:11), что Он равно каждого судить по делам его; что все мы предстанем судищу Христову, чтобы каждому из нас получит, смотря потому, что кто делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор. 5:10). Посему Христианин, поставленный на служение обществу, должен быть совершенно уверен, что в лице страждущих, беспомощных Сам Иисус-Судья неба и земли требует от него защиты и покровительства. Не суди же превратно нищего... Не делай неправды из корысти или из уважения лицу сильного. Выслушивай братьев твоих и суди справедливо. Не различай лиц на суде, выслушивай малого и великого, не бойся лица человеческого – ибо это суд Божий! Такие непреложные истины внушиает слово Божие всякому служителю общественного благосостояния, и не сильны ли он отразить от его сердца всякое искушение?

Но нет сомнения, что жребий избрания вашего, высокопочтеннейшие мужи, падает на братьев ваших, проникнутых истинами Евангелия, что в предлежащем вам подвиге вас будет руководствовать страх суда Божия, священная воля Благочестивейшего Государя, закон и правда, потому что от ваших совещаний будет зависеть благоустройство вашей родины, а в залог сего благие намерения свои вы запечатлеете великим и страшным именем Божиим! Так, ваше благородство, ваша опытность, ваша мудрость ручаются, что вы

оправдаете ожидания Всемилостивейшего Царя нашего, оправдаете надежды ваших сограждан. А Бог истины и правды благословит, утвердит, совершит ваши добрые намерения, так что вы обрящете у Него мзду верных строителей и удостоитесь Царских милостей и благоволения. Аминь.

Слово перед приведением судей к присяге

Человецы убо большим кленутся, всякоу их прекословию кончина во извещение, клятва есть (Евр. 6:16)

Из приведенного изречения божественного Апостола видно, что клятва, особенно с призыванием имени Божия, есть окончательное средство к возведению правоты обещаний и свидетельств человеческих на высшую степень достоверности! Почему же так? Потому что как сердце каждого человека проникнуто ядом греха, то к извлечению из сердца человеческого наружу решительной правоты в преднамеренных действиях, нет сильнейшего побуждения, как торжественное призывание Бога, всесвятого, правосуднейшего, во свидетельство истины наших действий! И вы, высокопочтеннейшие мужи! по мановению Царя-Отца отечества, по гласу ваших сограждан, предавших в руки ваши свой жребий – временную свою участь, на основании отечественных законов, собрались в храм сей – запечатлеть именем Божиим, залогом святейшей веры нашей, свое беспристрастие в избрании мужей, достойных понести бремя общественного служения! Воистину, доброе и спасительное дело вы предприемлете! Оно открыто свидетельствует наследованное вами от отцов благочестие, ручается, что вы пребудете верными своему долгу, и в предлежащем вам поприще не уклонитесь, ни на десную, ни на левую сторону; но употребите все силы ума и сердца вашего к оправданию ожиданий и надежд ваших сограждан! Но тверды ли такие надежды? Тверды; потому что вам, высокопочтеннейшие мужи, известно: сколь великое дело совершает человек-Христианин, клянущийся именем Божиим! Следовательно мне, недостойному служителю Евангелия, в настоящем случае остается быть только истолкователем, –или, так сказать, отголоском вашей совести, внушающей всю важность предстоящего вам священнодействия!

Что же в настоящую минуту говорит тебе, слушатель, или, по крайней мере, должна говорить совесть? Она, во-первых,

напоминает, что когда Бог изрекал на Синае заповедь: *не приемли имене Господа Бога твоего всуе* (Исх. 20:7), тогда земля дрожала в основании своем (Исх. 19:18); тогда трубные гласы Ангелов, молнии и громы, огонь и дым дали страшное свидетельство величия Божия (Исх. 19:19), и запечатлеть правоту предстоящих тебе действий! Не приемли же имени Господа Бога твоего всуе, не приемли всуе имени Господа, коим ты живешь, движешься и существуешь (Деян. 17:28)! Он отнимет от тебя дух Свой, и ты превратишься в прах (Пс. 105:29)! Не возлагай нового бремени на душу свою, и без того может быть обремененную тяжестью грехов! В противном случае, какой выкуп дашь за свою душу (Мф. 16:26), которую ты ныне отдаешь в залог правоты твоей, ручаясь в истине предстоящего тебе действия вечными своими надеждами! Помысли о вечной участи твоей, пощади душу свою, сжалься над собой! Бог, которого именем ты клянешься, есть Бог великий и страшный (Втор. 10:17) в правде Своей! Не играй огнем жгущим совести! Не злоупотребляй именем Бога, ревнителя по славе Своей! Он разожжет огонь Свой, и кто постоит противу лица гнева Его (Наум. 1:6)?

Подобным образом совесть может волить в сердца и неозаренного истинами Евангелия, например, Иудея, если он имеет довольно чистые понятия о величии Божиим, а ты – Христианин! тебе, по заповеди Спасителя, надлежало бы жить столь свято, руководствуясь во всех поступках такой правотой, чтобы все несомненно могли верить одному слову твоему: ей, ей! и ни, ни! (Мф. 5:37). Но как вообще все мы далеки от такого совершенства, то в удостоверение правоты твоих действий в предстоящем тебе избрании, Благочестивый Государь, Церковь и сограждане твои требуют, чтобы истину своих обещаний ты запечатлел лобзанием слов и крестного знамения Спасителя твоего! Не ужели дерзнешь приступить к сему легкомысленно, неужели осмелишься помыслить, что *не узрит Господь, ниже уразумеет Бог Иаковль* (Пс. 93:7) твоего сердца; что ты безнаказанно можешь показать пример неверия во всеведение Распятого; что длань Спасителя немощны для поражения столь страшного нечестия? Нет! Если Евангельское

слово, к которому прикоснутся уста твои и теперь живо и действенно, и проходящее до разделения души же и духа, членов же и мозгов (Евр. 4:12); то это должно удостоверить, что тоже слово будет судить тебя в последний день мира (Ин. 12:48), когда ты должен будешь дать отчет не только в делах, но и во всяком слове твоем! Каков же ожидает тебя отчет за слово клятвы? Если тебя осуждает собственное сердце твое (1Ин. 3:21); то, как предстанешь судилищу того, который знает малейшие движения мыслей твоих, – видит еще не содеянное тобою (Пс. 138:16)? И Спаситель твой, Бог твой, по свидетельству Духа Святого, грядет скоро, и мзда Его с Ним – воздать каждому по делам (Откр. 22:12), – грядет поразить духом уст своих всякую неправду (2Сол. 2:8), – погубить уста, глаголющие ложь (Пс. 5:7)! Тогда язвы Спасителя возблистают молниями, поедающими грешников; длань Его низвергнут громы вечного лишения на всякое нечестие и неправду! Явится знамение Креста Его на небеси, и народы земли возопиют к горам, да падут на них и покроют их от лица Господа, сидящего на престоле славы (Откр. 6:16); взыщут смерти; но смерть убежит от них (Откр. 9:6)!...

Но, ваше, высокопочтеннейшие мужи, благочестие, ваше знаменитое происхождение, ваши личные добродетели ручаются Царю, Церкви и соотечественникам вашим, что вы во истине и правоте облобызаете слова и крестное знамение Спасителя, – и сие тем достовернее, чем более вам, нежели ком-либо другому, известно, что в руке вашей жребий ваших братьев, судьба сирот и вдовиц, надежда слабых и беспомощных, чаяние нищеты, неимущей крова; что от предстоящего вам действия зависит временное благосостояние, или бедствие страны, драгоценнейшей вашему сердцу, – зависит сила законов, торжество правды, порядок, спокойствие ближних ваших.

И Бог истины и правды, Бог, у коего нет лицеприятия, ниже дивления лицу (Втор. 10:17), благословит, утвердит и совершил добрые ваши намерения. Аминь.

Слово, произнесенное по случаю открытия пансиона при гимназии

Основания бо иаго никоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос (1Кор. 3:11)

Вот единственное основание прочности дел человеческих, залог верных успехов, благонадежное ручательство в довершении наших начинаний! Без сего основания всуе трудятся зиждущие благоденствие человеческих обществ – все усилия и труды их рано или поздно, по словам Писания, уподобляют строителей человеку, строящему храмину на песке. Пойдёт дождь, разольются реки, дунут ветры, и храмина падает (Мф. 7:26, 27), подавляет своим разрушением живущих в ней, уносится бурными стихиями, наконец самая память погибает и храмины, и ее строителей! Но если все человеческие дела, неоснованные на незыблемом камени, Иисусе Христе, ничтожны и суетны, то тем более воспитание приуготовляемых на служение человечеству, потому что человек, неозаренный Божественной мудростью – посредственно, или непосредственно, блуждает во мраке заблуждений, а без содействующей ему благодати Божией slab и немощен. Имея в виду сию, оправданную тысячелетиями, истину, вы сами, высокоименитые благотворители и приставники заведения, открываемого ныне для воспитания благородных по происхождению сирот и бедных детей, – притекли в храм сей испросить свыше благословение к утверждению благотворного вашего предприятия. Посему, служителю Евангелия остается только показать, что для благонадежного воспитания юношества все усилия человеческие не могут положить столь прочного основания, какое положено самим Богом, и которое есть Иисус Христос (1Кор. 3:11). Скажем яснее. Воспитание юношества необходимо; но без озарения ума и сердца светом Евангелия – светом учения Христова воспитание не твердо.

Начиная предстоящее дело воспитания о великом имени Господа нашего Иисуса Христа, вы сами, слушатели, доказываете, что мнение некоторых, будто Евангельское учение

несоответственно просвещению людей светом наук и познаний, – есть просто клевета тех, которые имеют менее, нежели поверхностное понятие о Евангелии. Напротив, не было и нет Религии, которая бы более Христианской требовала просвещения человечества. Если в языческой древности, покрытой мраком идолослужения, проявлялись люди, превосходившие своих современников просвещением, то они или открыто, или тайно отвергали идолопоклонство. Между тем, как первые проповедники Христианского учения с неподражаемым терпением и попечительностью были воспитаны в училище самого Спасителя, который, восходя от них на небо, указал на весь мир и повелел им: идите, учите все народы (Мф. 28:19)! Преемники их, ревнители веры и благочестия, Отцы Церкви, во всех родах известных в то время познаний, были просвещенные своих современников. В последствии Христианское учение воспитало великих Государей, мудрых законодателей и правителей, образовало истинных героев, произвело ученейших мужей по всем отраслям наук и даровало миру наилучших граждан, так что все истинно, а не поверхностно просвещенные были вместе лучшими Христианами.

И может ли быть иначе, если первый, так сказать, урок Евангелия состоит в том, что *Бог Свет есть, и тьмы в Нем несть ни единыя* (1Ин. 1:5); если Евангелие требует от своих последователей, чтобы они старались быть сынами света (Еф. 5:9). Так, образование ума есть главнейшая обязанность Христианина. С сей целью Спаситель называет умственную нашу способность внутренних светом и говорит: *аще свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми* (Мф. 6:23) – ты весь мрак! А Апостолы, внушая Христианам не верит всякому духу учения, но испытывать, от Бога ли оно (1Ин. 4:1), и вообще все испытывать, задержаться одного того, что добро (1Фес. 5:21), тем самым показывают потребность умственного образования. Посему, как замечает один Отец Церкви, «мы не могли бы принимать верой даже истин Евангелия, если бы не имели разумной души» (Бл. Август. письмо 150), ибо вера есть не что иное, как разумно-сердечное убеждение в откровенных самим

Богом, тех истинах, коих знание необходимо для приобретения вечного нашего блаженства, но которые сами по себе непостижимы для нашего разума, самому себе оставленного, подобно тому, как в изучении природы непостижимы так называемые начала, далее коих не проникает наш разум.

Но поскольку умственные способности души нашей дарованы Богом с той целью, чтобы мы стремились узнать истину, так что открытие истины во всяком отношении составляет как бы блаженство разума, то очевидно, что разум наш будет вечно томиться, не познав Источника всякой истины, не приобретя истинного Богопознания, не узнав своих отношений к Богу и высоких целей бытия человеческого в сем мире. Из сего явно, что приобретение истинного Богопознания есть первый долг существа разумного, потому что только истинное Богопознание приводит человека к его назначению. Но в сем отношении нет образования спасительнее того, которое научает познавать Бога в Иисус Христе. *Се же есть живот вечный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и егоже послал еси Ииуса Христа (Ин. 17:3).*

Так, нет учения благодетельнее Евангельского, потому что оно одно соединяет человечество с Богом союзом веры и любви; изображая Божество в неприступном величии, представляет Его в таком свете, в каком разум при всем напряжении сам по себе не может Его видеть; обуздывает дерзновенные порывы подвергать существо Бога и Его святейшие определения суждениям ограниченного нашего разума; наконец, открывая человеку, что настоящая жизнь его есть поприще, на котором он должен подвизаться для приобретения блаженной вечности, – Евангелие внушиает, что человек самим Промыслом поставлен в известном состоянии, связующем его с человечеством; заставляет его искренно готовиться быть полезным своему ближнему, снискивать пропитание трудами рук своих, дабы исполнением обязанностей своего состояния достигнуть вечного своего назначения.

Но что значит просвещение ума без образования сердца? То же, что огонь в руках безумного, или злодея. Если просвещение ума так устроено, что оно способствует к

управлению сердцем, к познанию наших обязанностей в отношении к Богу и ближнему, то ничего нет благодетельнее образования, доставляемого науками. Но если просвещение не подает средств к укрощению страстей, к покорению воли законам Божественным и человеческим, то оно опустошительнее моровой язвы, разрушительнее пожаров, губительнее всех бедствии, удручающих человечество. К избеганию такового зла, необходимо насаждать в младых еще сердцах семена благочестия и страха Божия, потому что если юношу оставить без тщательного образования в благочестии, то и добрые его склонности будут подавлены колючим быльем пороков; если юное сердце не проникнуто страхом Божиим; то что ни сеете на почве ума его, пожнете терние! Ибо как обилие жатвы зависит не сколько от обилия семян, брошенных на ниву, сколько от возделывания земли и росы небесных, так просвещение ума тогда только приносит благодетельные плоды для человечества, когда оно соединено с тщательным образованием нравственности и осенено благословением Божиим; но там нет благословения Божия, где нет страха Его!

Найдите же учение, которое было бы столько же благонадежно к насаждению в сердце человеческом истинного благочестия, как учение Христианское? Совесть, этот закон, начертанный в сердце нашем перстом самого Бога, неозаренная светом Евангелия, по врожденной испорченности нашей природы, сама по себе, при всех усилиях ума, не сообщает ясного понятия о наших обязанностях; часто доводит человека до сомнения на счет достоинства его деятельности, оставляет без разрешения колеблющиеся его желания, и бессильна удержать стремление воли, последующей влечению чувственности. Одно Евангелие восстановляет совесть на степень первобытного ее состояния, излагает внушения ее в простоте, понятной для самих отроков, представляет законы совести в непререкаемой положительности, раскрывает дух их в самом осязательном свете, и вместе с тем сообщает им столь деятельностьную силу, что в сем отношении все умствования мудрых века сего о наших обязанностях, – в сравнении с Евангелием, – суть не что иное, как лепетание младенцев. Ибо суждения

мудрствующих по стихиям мира сего о предметах нашей деятельности, большей частью, сбивчивы, неопределенны и превратны: побуждения их к подвигам добродетели ничтожны, суетны; похвалы, описанные ими добродетели, несогласны с их поступками. А Евангелие, предписывая правила жизни со всей определенностью и от лица Божия, представляет живой образец святости в лице Иисуса Христа; проникая силой Божественных в启示ений до разделения души же и духа (Евр. 4:12), одобряет или осуждает сами мысли и намерения; указывая на небо, как на место вечного мздовоздаяния, научает своего последователя ценить всякое состояние без зависти к другому; поселяет в сердце нашем благодущие непоколебимое во всех бедствиях; внушает безусловное самоотвержение в подвигах добродетели; одушевляет бескорыстным пожертвованием не только сил, но и самой жизни для блага человечества и сообщает добродетели сверхъестественные силы на пути к блаженной вечности!

Таким образом явно, что только то воспитание благодетельно для человечества, которое основано на просвещении ума и образовании сердца учением Христовым.

Но слово мое к вам обращается, младые дети! Вступая в святилище наук, не забывайте ни на одно мгновение что Господ *дает премудрость и от лица Его познайте и разум* (Притч. 2:6). Посему, прилагая усилия к приобретению умственных познаний во всех преподаваемых вам науках, прежде всего, старайтесь озарить ум свой истинным познанием Бога, коего промыслом мы живем, движемся и существуем (Деян. 17:28). Возрастая в учении Господнем, тщательно исполняйте все возлагаемые на вас обязанности, дабы пробести навык к трудолюбию, необходимому в служении человечеству. Научитесь управлять силой страха Божия всякую страсть и чувственное вожделение; будьте благопокорны вашим приставникам, потому что тот не может быть приятен Богу, кто строптив перед человеками. Да возжется в сердце вашем пламень всепреданнейшей любви к Благочестивейшему Царю нашему; ибо от Его попечений проистекает и ваше воспитание, и благоденствие Государства. Сего ожидает от вас отчество и Святая Церковь, которая

умоляет ныне Господа, да снидет и почнет на вас Его благословение. Аминь.

Слово по освящении церкви в Горыгорецком Земледельческом Институте (30 августа 1852 г.)

Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и нощь
(3 Цар. 8:29)

Так молился Богу Соломон, премудрый Царь Израильский, по окончании и освящении воздвигнутого им во Иерусалиме храма: да будут, взывал он, очи Твои, Господи, отверсты на храм сей день и нощь. Наш Соломон, деятельно промышляя о том, чтобы храмы, посвящаемые имени Божию, повсеместно устроились на всем пространстве России, где только обитают сыновья ее, тем самым проявляет отеческое желание сердца своего, да призирает Господь благоволением Своим на царство Его; да почиет благословение Божие на всей России; да не престанут изливаться на нее милость и щедроты Божии во все веки! Вместе с сим, относя к великим заботам своим о устроении нашего благоденствия отеческую попечительность свою о воспитании возрастающего юношества соответственно общему и собственному благу юношей, Благочестивейший Отец земли Русские законоположил, чтобы в основании всякого их воспитания полагаемы были вера и упование на Бога, благочестие и любовь к отечеству; почему и в сей обители полезных учений благопромыслительно повелел устроить храм, коего освящение совершилось ныне таинственными священнодействиями Св. Церкви. Благословен Бог, тако благоволивый, во веки веков! Буди благословен день и час, в который промысл Божий даровал России Благочестивейшаго ее Самодержца! Да благословит благость Божия сыну и Первенца Его, и весь Дом Царев! Но чувство благодарности за толикое примышление о нашем благосостоянии требует от нас всеусильно стараться соответствовать высоким целям отеческой о нас попечительности Августейшего Царя нашего, а совершившееся ныне освящение сего храма останавливает наше внимание на мысли о том: с какой целью устроен и посвящен имени Божию храм сей?

Как вообще все храмы, посвящаемые имени Божию, так и настоящий храм есть отныне дом молитвы, устроен для совершения в нем общественного Богослужения во времена, определенные Св. Церковью. Но как в зданиях, прилежащих сему храму, учреждена обитель таких наук, коих непосредственным, или ближайшим применением к земледелию мудрое Правительство предположило образовать таких людей, которые умели бы благоуспешнее, из данной Всевышним в удел жителям России земли, извлекать многоценные дары и сокровища ее, особенно хлеб, питающий человека, то и с устроением настоящего храма Правительство без сомнения предназначало дать здешним воспитанникам частнейший, постоянный урок, что если всякая наука только тогда получает высшую степень достоинства, когда проникнута Евангельским учением, а всякое дело приобретает желанный успех молитвой, то особенно изучающие способы добывать хлеб непосредственно из земли, требуют благодатного озарения в изучении своих предметов и благословения Божия на труды свои, следовательно, имеют нужду постоянно обращаться с молитвой к Богу!

Спасительный урок! Ибо молитва вообще для успеха в наших занятиях необходимее, чем воздух для продолжения настоящей жизни, потому что человек в такой состоит зависимости от Бога, что только по его милости движется, живет и существует (Деян. 17:28). А для желающих извлекать из земли многоразличные ее произведения, молитва тем необходимее, чем прискорбнее напрасные труды, тогда как нет состояния, которое более земледельческого требовало бы трудов, опасений, терпения, потому что, с одной стороны, наша земля нередко исхищается, не дает своей силы, не приносит всего обилия плодов, для награждения земледельца; с другой, мерзость грехов наших, умножение беззакония часто низводит на нас с небес то засуху, пожигающую растения будто пожаром, то беспрерывную сырость, истребляющую гниением плоды земные. Все это побуждает придумывать новые способы и орудия к удобрению и возделанию земли, а лучше сказать, по премудрому о нас промышлению Божию, требует самых

усильных трудов, и, таким образом невольно заставляет человека обращаться к Богу с покаянием во грехах, искать одушевления своих надежд в молитве. И можно ли занимающемуся возделыванием земли обойтись без молитвы, когда нет состояния тревожнее земледельческого, потому что над головой человека во всякое время висят в воздушных областях громы, молнии и опустошительные грады, бушуют бури и тлетворные ветры, а на земле тысячи полчищ многоразличных насекомых готовы во всякое мгновение истребить хлебные посевы. Как же посвятившим себя земледелию не молиться, как не притекать с молитвой о помиловании к алтарю Того, Кто первым изрек и доселе один повелевает: *да произрастит земля былие травное, сеющее семя породу и по подобию* (Быт. 1:11)?

Но молиться можно на всяком месте, зачем же еще устраивать молитвенные храмы и притекать к ним на молитву? Охотника до подобных вопросов можно бы спросить: зачем учреждать училища земледелия, следить за его успехами и безуспешностью, открывать их причины, изучать свойства земли, придумывать новые приемы, способы и орудия к удобрению и возделанию земли, когда нет искусства общее земледелия; когда ему удобно изучиться на всяком месте, потому что большая часть людей занимается землепашеством? Таков, обыкновенно, язык невежества, между тем как умные люди убеждены в необходимости и пользе особенных учреждений, в которых можно было бы и скорее, и вернее, и без напрасных попыток изучить способы, коими благонадежнее утучняется земля и приуготовляется к произведению плодов. Но если для возведения на степень науки земледелия, в котором едва не все народы, целые тысячелетия, упражнялись и упражняются, требовалось собрать рассеянные об нем сведения, подвести под умственный взгляд многообразные опыты, – признано полезным соединить и как бы сосредоточить их в различных местах, призвать в пособие собранным сведениям другие науки естествознания, избрать мудрых наставников, которые умели бы и собранные сведения, и хозяйствственные опыты, и способствующие им науки сообразить,

применить к искомой цели и употребить на общую пользу, то не имеем ли мы нужды в таких зданиях, в которых бы все предметы и действия, и особенно благолепие, и молитвословие, и песнопения действительные возбуждали, располагали и настраивали дух наш к молитве, нежели обыкновенные жилища и места житейских наших занятий?

Так точно, можно и должно молиться на всяком месте, благодарить Всевышнего во всякое время за изливающие на нас Его благодеяния, испрашивать благословения Божия на дела и занятия наши. Этот долг с такой неусыпностью внушает нам Св. Церковь, что о нем имеют понятие и те, кои не имеют понятия о других истинах Христианства. Но не сознаешь ли ты необходимости в таких местах, в которых удобнее мог бы собирать свои мысли, рассеянные по суетным предметам мира сего, окрыляться духом своим и возносить сердце свое к престолу Предвечного? А когда мы бываем в столь тяжких обстоятельствах, которые одно милосердие Божие может расположить и устроить ко благу нашему; когда очевидно, что только чрезвычайная помощь сильна устраниить угрожающее нам бедствие, улучшить наше положение, уладить наши горести, то куда обращаться нам, к кому прибегать, как не к Богу? Но обращение к Богу есть приближение к Нему, как же нам, немощным и недостойным, приблизиться к Богу, предстать перед Ним, когда во глубине души созаем, что наша греховность, что мерзость наших беззаконий как бы отвергают нас и удаляют от лица Божия? С другой стороны, молитва есть изложение наших нужд, наших желаний, наших жалоб перед Богом, следовательно, как бы беседа с Ним. Как же тебе, или мне – червю земному, беседовать со всевышним Существом; какое мы, сами по себе, можем иметь право на то, чтобы молитва наша была услышана, исполнена?

Правда, человек во глубине души чувствует, что он не для того существует в сем мире, чтобы только, подобно червю земному, некоторое время рыться в гноище, и потом на всегда истлевать в земле. Если растения, в которых едва начинается лестница живущих существ, живут земною и воздушною жизнью, пихаясь в земле корнями, а листьями вдыхая воздух и

всасывая в себя росу небесную, то человек, коего мысль, в одно мгновение обтекая вселенную, возносится в области небесные, нетщетно томится желанием лучшей доли, нежели та, которой он пользуется в настоящем, нетщетно сгорает жаждой какого-то безмятежного, неизведенного на земле блаженства. Но при всех таких способностях и желаниях, ум человеческий, блуждая в неисходных дебрях предположений о цели бытия нашего на земле, сознавая немощь, бессилие и греховность нашу, сам по себе, никогда не оживотворит сердца нашего полной надеждой на сближение с Богом, не одушевит нас дерзновением именовать Отцом Того, кого беспрерывно оскорбляем мыслью, словом и делом.

Для приобретения такой надежды и такого дерзновения, необходима для грешника кабы новая мать, которая, возродив его духом, усыновила бы его Богу, сообщила бы человеку новые силы для Богоугодной жизни, наставляла бы, питала сверхъестественной пищей и врачевала его душевные недуги. И Господь учредил для сего Св. Церковь и, открыв ей в животворном слове своем волю свою, наделил сверхъестественными дарами, посредством коих Св. Церковь, возродив человека Св. Крещением в жизнь вечную, усыновляет его Отцу Небесному, сообщает возрожденному благодатные силы, питает Божественным брашном тела и крови Христовой, врачует душевные язвы, и посредством пастырей своих, как бы пестунов, руководствует его прямым путем к цели вечного его назначения. Вот для каких целей устроются храмы, посвящаемые имени Божию, с освящением коих, по вере нашей, нисходит в них благодатное присутствие Божие. По бессилию и греховности нашей мы не в состоянии сами по себе приблизиться к Богу. Он нисходит к нам в храмах Своей благодатью, чтобы мы с полной надеждой притекали в них к Его милосердию. Пристрастие к земным благам, занятие обыкновенными делами, житейские суеты как бы закрывают от нас вездеприсутствие Божие. Бог через чувственные образы благоволил в храмах проявлять Свое присутствие, так что каждый из них есть, как отныне и настоящий храм будет, домом молитвы, врачебницей душ, училищем благочестия,

святыищем таинств, сокровищницей даров благодатных, источником благословения Божия, надежным пристанищем в скорбях и горестях!

К прискорбию, одних застарелые предубеждения, других развернутое сердце не допускают пользоваться бесценными благодеяниями, изливаляемыми благодатью Божией в храмах нашей Церкви. Блажен, кто притекает к алтарям ее изливать в молитве душу свою пред Богом, прибегает к ним в скорби, освящается таинствами Св. Церкви, руководствуясь ее учением, обогащается благодатными ее дарами, износят из храмов ее благословение на дела и занятия свои ! Блажен, чьи вздохания сливаются с молитвами Св. Церкви, молитва его несомненно проникает небо, восходить к престолу Божию!

Господи! услыши молитву Церкви Твоей! Возвесели силой Твоей Благочестивейшего Отца отечества нашего; даруй Ему все, чего желает сердце Его! Призри с небес, и посещай выну благоволением Твоим виноград сей, его же насади десница Твоя. Аминь.

Слово по освящении соборного храма во имя Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в г. Старой Русе (21 января 1834 г.)

Отвеща им Иисус: рех вам, и не веруете; дела яже Аз творю о имени Отца Моего, та свидетельствуют о Мне (Ин. 10:25)

Жестокосердое лицемерие Фарисеев хотело некогда оправдаться перед всевидящей Истиной! Когда Спаситель, по случаю праздника обновления храма Иерусалимского, проповедовал Свое учение, посредством коего Он имел собрать все народы мира во двор Своей Церкви, и истину Своего учения подтверждал готовностью запечатлеть оное Своей жизнью, Фарисеи, не убеждаемые ни Его учением, ни знамениями, доказывавшими Его Божественное посольство, желая показать перед народом, будто бы они готовы признать Спасителя Христом, предсказанным Пророками; но в подтверждение сего не имеют еще очевидных доказательств, приступают к Спасителю и говорят: *доколе души наша вземлеши? Аще Ты еси Христос, рцы нам необинуяся (Ин.10:24)*. Что же соответствует им Божественная Истина? Вместо многословных доказательств, коими услаждаются недугующие словопрением (1Тим. 6:4), указывает им на дела свои: *рех вам, говорит Спаситель, и не веруете, дела, яже Аз творю о имени Отца Моего, та свидетельствуют о Мне (Ин. 10:25)*. Не пререкают ли подобным образом и нашей святой Церкви отлучившиеся от нее по своему мудрованию, а за сие отлученные судом Церкви от общения с ней, заблудшие сыны ее, коих немалое число наполняет и град сей? Не требуют ли и сии совопросники доказательств на то, что наша Церковь есть единственная, святая, соборная и Апостольская, не смотря на то, что служители Церкви представляют им неоспоримые доказательства ее истины? Ныне на сие требование совопросников Церковь отвечает торжественным священнодействием. Совершив

освящение сего храма, воздвигнутого и приукрашенного содействие Благочестивейшего Царя-Отца нашего Отечества и усердием покланяющихся Богу в духе и истине (Ин. 4:24), святая Церковь громче трубы возвещает противникам своим: *дела, яже Аз творю о имени Отца Моего Небеснаго, та свидетельствуют о Мне. Но вы не веруете Мне, несте бо от овец Моих; овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их, и по Мне грядут* (Ин. 10:25–27). Так, к числу бесчисленных доказательств истинности нашей Церкви, можно по справедливости отнести и ревность сынов ее к созиданию и украшению храмов во славу Бога Триединого; ибо посредством устроения храмов наша Церковь собирает во единый двор овец Христова стада, желающих спасения, просвещает их словом Евангелия и Апостольского учения, и освящает Божественными таинствами, дабы соделать их достойными наследниками Царствия Небесного. Для сей цели устроен и освящен храм сей, и мы уповаляем на милосердие Божие, что Он благодатью Христовой будет содействовать во граде сем к соединению со Христом и Его Церковью нeliцемерно ищущих спасения, к просвещению их светом истины, к освящению желающих наследовать Царствие Небесное.

Цель всего домостроительства Божия, пришествия в мир Христа Спасителя и основания Церкви есть соединение людей узами любви с Богом и между собой. *Отче Святый!* взвывал Спаситель в молитве перед страданием о учениках Своих, *соблюди их во имя Твое; да будут едино, якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе; да и тии в Нас едино будут... да будут едино, якоже и Мы едино есма* (Ин. 17:11,21,22). С сею целью Апостолы внушали Христианам соблюдать единение духа в союзе мира; чтобы они были как бы едино тело, един дух, как и призваны во едином упоминании, как един Господь, единна вера, един крещение, един Бог и Отец всех (Еф. 4:3–6), да единодушно как бы едиными устами прославляется Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа (Рим. 15:6). С сею целью Иисус Христос дал есть овы убо Апостолы, овы же пророки, овы же Благовестники, овы же пастыри и учители, к совершению святых. На сколько времени? На тысячу ли, или на две тысячи

лет? Дондеже достигнем вси во единение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф. 4:11–13), то есть, на все то время, доколе соединимся с Ним на веки в блаженной вечности. С сей целью Спаситель установил Таинство Божественной Евхаристии, заповедав в истиной Церкви совершать оное до второго Своего пришествия, дабы Таинство сие, соединяя нас со Христом, постоянно внушало нам, по слову Апостола, что мы, яко един хлеб, едино тело есмы мнози: *вси бо от единаго хлеба причащаемся* (1Кор. 10:17). С сей целью Апостолы внушали Христианам, да не будет между ними разделений, но да будут они *утверждени в том же разумении и в той же мысли* (1Кор. 1:10), да остерегаются *вводящих разделения и раздоры кроме учения*, коему они *научились от Апостолов*; да уклоняются от скрытных лжеучителей, проповедующих во мраке тайны свое учение, потому что такие люди *не работают Господеви нашему Иисусу Христу, но своему чреву, иже благами словесы и благословением прельщают сердца простодушных* (Рим. 16:17, 18)!

Для споспешествования сей великой цели соединения людей с Богом и между собой, Святая Церковь со времени основания своего созидала и строила храмы во славу Бога Триединого. С сей целью воздвигнуть, преукрашен и освящен настоящий храм, да будет как бы одной из бесчисленных стогн небесного Иерусалима, соединяющего людей союзом любви о имени Христовом! Отныне и в сем храме, как во всех бесчисленных храмах нашей Церкви, будут приноситься теплые молитвы и вздохания к Богу: *о мире всего мира, о соединении Церквей, о озарении светом истины даже помраченных неверием, о призвании во единый двор Христова стада, да будет некогда едино стадо и един Пастырь* (Ин. 10:16). А сии прошения, сии молитвы, сии вздохания, сии священнодействия не свидетельствуют ли, что Церковь, совершающая их, есть едина и также, которую основал Иисус Христос, присносущий в Церкви своей *вчера, и днесь, и вовеки* (Евр. 13:8). И кто, не подавляя в себе гласа совести, дерзнет пререкать, что сии молитвы, сии вздохания, сии

священнодействия, совершаемые в духе и по заповеди Христовой, не доказывают, что наша Церковь есть истинная Христова Церковь? Не вы ли, именующие свои соборища *согласиями*? Но если ваши общества принадлежат к Церкви Христовой, то почему между вами господствует такое разделение? Все вы хвалитесь, что следуете одним и тем же старым книгам и старым уставам, но если подлинно следуете одним и тем же неизменным, вечным истинам, то почему между вами столько разделений? Ты следуешь, по твоим словам, *Феодосиевскому согласию*; тот следует *Ветковскому согласию*; иные следуют *Титловскому*, другие *безтитловскому*; иные другим каким-то согласиям: научи же меня, возлюбленный! что это за согласия, между коими столько разногласий? *Еда разделися Христос?* *Еда Феодосий распялся по вас, или во имя его креститесь?* (1Кор. 1:12). Еда в Помории, или на Ветке основал Христос Церковь Свою, *ниимущую скверны и порока иничесоже от таковых?* *Егда бо глаголет кто из вас, аз убо есмъ Феодосиевского согласия, аз титловского, аз же безтитловского; тот Ветковского, а тот какого-то другого: не плотстии ли есте и по человеку ходите* (1Кор. 3:4. 3)? Соберитесь, расточенные заблудшие овцы, соберитесь в недра единой, Святой, соборной и Апостольской Церкви! Соединитесь под сенью сей чадолюбивой Матери, желающей вашего спасения, дабы единым сердцем и едиными устами славить Бога, Отца Небесного, и тогда, только в соединении с Церковью, ваша вера и упование будет стоять на незыблемом и твердом основании!

Так, только в соединении с истинной Христовой Церковью вера может иметь твердое и непоколебимое основание, потому что только в ней желающее спасения могут быть *наздани на основании Апостол и Пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу, о Немже всяко создание составляемо растет в Церковь Святую о Господе* (Еф. 2:20,21). «Каким образом?», спросишь. Тем самым, коим Христос основал, а Апостолы насадили по всей вселенной Церковь Его; то есть, проповеданием чистого, без малейшей лжесловесной примеси, учения Иисуса Христа и Апостолов, – посредством живого слова

Божия, которое доселе в непрерывном преемстве от времен Апостольских проповедуется Пастырями Церкви, проповедуется теми, коим в лиц Апостолов Спаситель сказал: *слушая вас, Мене слушает, и отметаяйся вас, Мене отмечается* (Лк. 10:16). Почему? Потому что отметающийся учения Христова, проповедуемого Пастырями истинной Церкви, не человека отлетается, но Бога, давшаго им Духа Святаго (1Сол. 4:8). А что учение Иисуса Христа неизменно сохраняется в истинной Церкви во всей чистоте, от времен Апостольских доселе, сие несомненно из того, что как Апостолы, так и Пастыри Церкви, не иначе поставляли преемников своего звания, как преподавать им истинное Христианское учение. Так Апостол Павел, повелевая ученику своему Тимофею, Ефесскому Епископу, рукоположить вместо себя преемников, вместе с сим заповедал ему: *яже слышал еси от Мене многими свидетели, сия предаждь верным человеком, иже довольны будут и иных научити* (2Тим. 2:2). Таким образом, всегда сохранялось в Церкви и теперь сохраняется истинное Апостольское учение. Посему, не противореча самой истине, ты не можешь сказать, что сие учение пресеклось когда-либо. Ибо если скажешь, что в то или другое время проповедовалось Пастырями Церкви истинное учение, а все их преемники уклонились от чистоты их учения, то ты укориши сим не настоящих Пастырей Церкви, но тех, коих одних признаешь истинными Пастырями. Ибо какие они были истинные Пастыри, если не соблюли заповеди Апостольской и поставили себе преемников, не испытав их и не уверившись, что поставляют Пастырей, следующих исинному Апостольскому учению? Притом, можешь ли ты утверждать, не противореча явным свидетельствам слова Божия, будто в одно время, в одно, так сказать, мгновение, внезапно, повсюду оскудели истинные Пастыри Церкви? Что же будет значить непреложное обетование Христа Спасителя, изрекшего, что Его Церкви и врата адова не одолеют (Мф. 16:18). Посему, если Пастыри наши не суть истинные Пастыри Христовой Церкви, то покажи мне их в своих согласиях, покажи мне высокий сан Епископства, Священства и Диаконства в своих соборищах, как было изначально. Но если твои соборища и твои согласия

составляют хотя частицу истиной Церкви, то почему Бог, хранящий промыслом Своим и малые гнезда птиц небесных, без воли Коего и волос главы нашей не погибнет, не сохранил для твоего согласия, ни Епископства, ни Священства? Ты, однако же, в ослеплении своем утверждаешь, что в твоем согласии проповедуется чистое учение. Кто же его проповедует? Не ты ли сам, или подобные тебе? Но кто тебе, или твоему клеврету дал власть проповедовать слово Христово? Вопрошу тебя словами божественного Павла: *Еда вси Апостоли? Еда вси Пророцы? Еда вси учители (1Кор. 12:29)?* Если не вси, если Бог разделил между людьми сии высокие дарования, то твой учитель принимается за святыню *неумовенными руками*, проповедует нечистыми устами, тем паче, что по слову Св. Игнатия Богоносца, *лживый дух себе проповедует, своя глаголет самоугоден бо есть; себе прославляет, гордыни бо есть полн, лжесловесет, прелестен, ласкосерден, хитр... несогласен, велеречив, ползок, боязлив* (Еф.). Если же твой руководитель подлинно учитель истины; то зачем он кроется во мраке, подобно татю? Почему он не приидет во двор Христова стада открыто, яко Пастырь, а *прелазит инуде (Ин. 10:1)*. Зачем он не проповедует своего учения явно? Истинное учение не боится свидетелей, оно проповедуется посреди света полуденного; ибо Спаситель заповедал проповедать оное *на кровех (Мф. 10:27)*, а твой руководитель нашептывает тебе свои толки в углу, посреди тьмы ночной. Не таково ли шептание убийц, согласующихся на погибель ближнего? И что тебя заставляет следовать за твоим руководителем? Не обманчивая ли наружность, и притворный вид святости? А разве ты не слышал Павла предостерегающего, что и дух злобы часто *представляется светлым Ангелом (2Кор. 11:14)*? Не хитросплетенные ли слова твоего наставника? Но ты знаешь, что сатана умеет искушать даже словами Св. Писания. Так он искушал *Начальника и Совершителя веры (Евр. 12:2)*, Господа нашего Иисуса Христа; посему не дивно, что и служители сатаны *развращают Св. Писание к своей и других погибели (2Пет. 3:16)*. Если подлинно ты хочешь следовать истине, то приди во объятия истинно

Христовой Церкви, в ее храмах, как отныне и в настоящем, ты ежедневно можешь внимать словам Апостолов и самого Господа нашего Иисуса Христа, а что всего более, ты будешь внимать здесь не одной мертвой букве, но животворной силе и духу слова Божия, от времен Апостольских до ныне неизменно сохраняющимся в истинной Церкви Христовой, и, таким образом, соделаешься сыном Божественного света и правды его!

Но поскольку наследником Царствия Божия никто не может быть без совершенного освящения, потому что ничтоже скверно внидет в Царствие Небесное (Откр. 21:27), то для сей цели человеколюбие Божие даровало Церкви Таинства освящения, коими она, при посредстве Пастырей своих, воспитывает граждан для Царствия Небесного. С сей целью Церковь, возродив человека посредством Таинства Крещения, укрепляет силы его для жизни по Богу действием Миропомазания; питает душу Телом и Кровью Христа Спасителя, очищает от скверн души и тела Таинством Покаяния; руководствует и наставляет посредством своего Чиноначалия и Священства, благословляет естественное рождение ей освящением супружеского союза; наконец напутствует его в жизнь вечную посредством Таинства Елеосвящения!

Отныне и в сем храме будут преподаваться сии благодатные дарования; отныне верные будут притекать к алтарю сему, да приобщатся святыне во освящение душ и телес своих; будут притекать для собеседования здесь с Богом; будут припадать к святому сему жертвеннику, испрашивая свыше помощи в трудных обстоятельствах жизни, и укрепляться благодатной силой на пути к вечности. Отныне Христолюбивое воинство будет осеняться здесь непреоборимым мужеством свыше, готовясь на защиту Церкви, престола Царева и Отечества. Не престанут прибегать в храм сей и матери для подкрепления сил своих, слабеющих в матерних попечениях, и изливать перед Богом души свои, да благословит Бог плод чрева их. Отныне отцы будут приводить в храм сей детей с молитвою, да проникнет младые сердца их и руководствует страх Божий. Сюда будут приносить и телеса почивших братьев

наших, да молитва Церкви осенить их надеждой воскресения в жизнь вечную. Здесь, наконец, будут стекаться верные посреди всеобщих бедствий, и вossылать теплые вздохания, да помилует их милосердие Божие!

И кто дерзнет утверждать, что сии священнодействия Церкви суть обряды, не имеющие благодатной силы и значения; что бескровная жертва, имеющая совершаться отныне на сем алтаре, не в состоянии преклонить на милость правосудие Божие? Кто осмелится сказать, что молитвы Церкви, возносимые о великом и страшном имени Христа Спасителя, не проникают неба и не низводя оттуда благословения Божия? Поведайте, благочестивые души, неужели ваши моления, вossылаемые в храмах наших, никогда не были услышаны? Неужели ваши слезы, проливаемые в скорби перед алтарем Церкви, навсегда оставались неоткрытыми? Воздайте убо славу Господеви, и засвидетельствуйте перед противниками Церкви, что сия Матерь наша имеет непрекаемая свидетельства благодатного присутствия Божия в ее храмах! Но кроме тайных благодеяний Божиих, известных вам одним, Боголюбивые души, Церковь имеет свидетельство сей истины в бесчисленных чудесах, коими сияют прославленные *благодатию Христовой святые иконы и нетленные мощи угодников Божиих*. Наконец, не засвидетельствовал ли Бог святости нашей Церкви, прославив в новейшие времена нетлением мощей Святителей своих, Димитрия Ростовского, Иннокентия Иркутского и Митрофана Воронежского чудотворца? Посему, жестоко *ти есть противу рожна прати* (Деян. 9:5), хулитель святой Церкви, произвольно лишающий себя ходатайства ее перед Богом и освящения, сообщаемого Божественными Таинствами! а паче, не подвергаешь ли ты себя страшному суду Божию, если, будучи простолюдином, дерзаешь святотатственно совершать в сонмищах своих некоторые действия под видом таинств, ни от кого не получив на сие разрешения и власти? В Ветхом Завете Бог запретил под угрозой смерти прикасаться ко всему тому, что находилось в скинии Завета, а ты, не имея дара священства, дерзаешь приступать к великим священнодействиям, коих ветхозаветные обряды были только

слабой тенью. Ах, не приемли имене Господа Бога твоего всуе (Исх. 20:7); не прельщайся: Бог поругаем не бывает (Гал. 6:7), – страшно есть еже власти в руце Бога Живаго (Евр. 10:31)!

Но зачем омрачать настояще светлое торжество Церкви обращением слова к расточенным овцам, блуждающим по дебрям и распутьям раскола? Возрадуемся, братья, о Господе, благопоспешившем начать и совершить устроение сего храма. Возвеселимся, сыновья Церкви, о Благочестивейшем Царе нашем, зиждущем благоденствие народов на истинном благочестии, – предшествующем нам в делах веры и добродетели, являющем в лице Своем не только истинные свойства Отца Отечества, но и все Христианские доблести! Притекая же в храм сей, да памятуем, что *Бог, живый во свете неприступнем* (1Тим. 6:16), наполняя вездеприсутствием и славой Своей небо и землю, для того дозволил нам, слабым смертным, строить храмы имени Своему, чтобы мы сами старались быть живыми храмами Духа Святого! Да прославляем убо Бога и в душах в телесех наших (1Кор. 6:19, 20), и, притекая в храм сей, притекая ко Иисусу Христу, камени живу … от Бога избранну, честну, и сами да созидаемся в храм духовен, – возносити жертвы благоприятны Богови Иисус Христом (1Пет. 2:4, 5). О, если бы храм сей был истинным собором! Если бы он до скончания века совмешал в себе собрание не только людей, но и Ангелов; если бы в нем соединились союзом любви о имени Христа Спасителя не только верные, но и расточенные овцы стада Христова!

Отче щедрот и всякого человеколюбия! взыщи сам взыскиующих Тебе и осени их Твоим освящением! Огради престол Благочестивейшего Царя нашего, положившего краеугольный камень во устроение храма сего, приложи дни ко дням Его, да царствует Он беспечально над наследием Твоим! Прослави силой Твоей, Господи ! и всех споспешествовавших благоустройению и украшению храма сего; обрати на путь правый и противящихся истине; совокупи их Святой Твоей, Соборной и Апостольской Церкви, и спаси всех, ищущих спасения Твоего. Аминь.

Слово, произнесенное по случаю пострижения монахинь

Не любите мира, ни яже в мире, аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем (1Ин. 2:15)

Так увещевал первенствующих Христиан возлюбленный ученик Христов. В первые веки Христианства последователи Иисуса Христа миром называли преимущественно неверных и вообще язычников, потому что тогда только вне Христианских обществ люди, будучи помрачены смыслом, были отчуждены от жизни по Богу, поступали в суете ума своего (Еф. 4:17, 18), и жили *в похотех плоти* своей, *творяще волю плоти и помышлений* развращенного сердца своего (Еф. 2:3). А Христиане сияли добродетелями как светила в мире, как чада Божии непорочные посреди строптивых и развращенных языческих народов (Фил. 2:15); сияли такой святостью жизни, что язычники удивлялись, от чего происходит, что кто только из них вступить в общество Христиан, тот вдруг переменяет образ жизни и не участвует уже с ними в распутстве по-прежнему (1Пет. 4:4). Но с течением времени, мало-помалу языческие обычай проникли и в жизнь Христиан, и наименование мира перестало принадлежать исключительно неверным народам, потому что часть мира составляли уже и именующиеся Христианами. В сии времена люди, проникнутые страхом суда Божия и учением Евангелия, приметили, что между Христианами приобретение спасения сделалось трудным, ибо растление нравов и их увлекло бы на путь неизбежной гибели, и потому удалились в пустыни, лучше захотели жить с дикими зверьми, нежели с людьми распутными. Вскоре пример их жизни нашел последователей, а таким образом возникли и устроились наши монашеские общества. К одному из таковых обществах и вы сопричислились, Боголюбивые сестры, изрекшие ныне обет иночества. Вы оставили мир, и тем избрали самую благую часть на земле, потому что мир старается помрачить Евангельское учение; полагает бесчисленные

препятствия ко спасению, и беспрестанно тревожить ищущих Царствия Божия.

Учение и правила Евангелия всегда одни и те же. Но посреди мира люди ищут предлогов уклониться от исполнения заповедей Евангельских, хотя они даны для всякого Христианина. Кому неизвестно, что всякий преступник Христианских обязанностей не может приобрести вечного спасения без строгого покаяния во грехах своих? Но непрерывное покаяние и строгий образ жизни в мире почитается обязанностью одних отшельников. Уединение, как духовное, по которому дух наш, отрешаясь от мира, устремляется к Богу, так и телесное, по которому человек удаляется от соблазняющих его предметов, — в мире почитается такой строгой добродетелью, коей исполнение будто бы не возможно. Молитву, — столь необходимую для укрепления наших немощей, что Спаситель заповедал молиться беспрестанно, — мир предоставляет тем, коим, по его мнению, нечего делать. А роскошь и временные удовольствия, коих Святые боялись, как величайшего бедствия, миролюбцы почитают высочайшим блаженством. Желания превознесения над собратьями, столь противные духу Христианства, считают побуждением к великим подвигам. Рассеянность и кружение в вихре суетных забав и позорищ, столь опасные для спасения, в мире почитают невинным препровождением времени. Даже чувственные вожделения именуются слабостью, неразлучной от человеческой природы. Злословия и осуждения ближнего сделались как бы потребностью общежития. Особенно высокие Христианские добродетели, коим самые язычники не могли отказать в уважении, в Христианском мире потеряли свою цену, так что их обыкновенно приписывают или странности характера, или желанию казаться необыкновенным. Правда и посреди мира есть истинно благочестивые; Господь еще имеет сущих своих и посреди этого Вавилона; но они столь редки, как класы на ниве земледельца по собрании жатвы; их голос так слаб, что его невозможно расслышать посреди громких восклицаний и шума бесчисленного множества людей, живущих по правилам мира; свет добродетелей их такой окружен тьмой, что его едва

можно приметить во мраке мира сего. По сим причинам предрассудки и нечестие помрачают в мире свет Евангельского учения и люди увлекаются потоком всеобщего растления нравов. Именитые и худородные, старые и молодые, просвещенные и необразованные следуют общему ослеплению. Не очевидно ли из сего, что посреди мира весьма легко забыть обязанности истинного Христианина, увлечься всеобщим потоком нечестия и пребыть равнодушным к голосу Евангелия. Посему блаженна ваша участь, Боголюбивые сестры, изрекшие ныне обет иночества, ибо оставив мир, вы сопричислялись к такому обществу, в коем не только ежедневно будете внимать учению Иисуса Христа и Апостолов в его истинной силе; ежедневно можете назидаться чтением жизнеописания Святых, угодивших Богу, но сверх того будете укрепляться в подвигах своего звания наставлениями начальствующих и душеспасительной беседой сестер, имеющих общей целью исполнение заповедей Евангельских.

Но хотя бы правила Евангелия и не были помрачаемы, все, однако ж, приобретение спасения посреди мира не совсем надежно, по причине преткновений, везде встречающихся в мире для спасения. Так, например, последователь Иисуса Христа должен действовать подобно Апостолу Павлу, который говорил: *аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1:10), а в мире положено правилом всячески угоджать и нравиться людям. Евангелие требует от нас нелицемерной истины, обличения неправды, постоянного борения со страстями и похотями, а мир ласкательство, потворство страстям и льстивое извинение пороков считает необходимыми правилами для жизни. От сего происходит, что в мире кто умеет скрывать свои пороки, так что они не сделались еще явными, тот думает, что он праведник и что самому Богу не за что уже судить его. Таким образом, один вид добродетели в мире почитают самой добродетелью и таким подвигом, каких требует Евангелие. Даже истинное благочестие не может посреди мира избежать потрясения в самом основании своем, особенно, когда мир, всегда равнодушный и даже жестокий к последователям Христовым, вдруг вздумает превозносить

похвалами их добродетели. От сего происходит, что подвизавшиеся сперва из одной любви к Богу, в последствии подвзываются для суетной славы мира сего, перестают быть истинно благочестивыми и делаются лицемерами. Таковы пути мира сего. Кто посреди его избегнет одного преткновения, тот подвергается другим, опаснейшими. Успевший истребит в себе корыстолюбие, порабощается сладострастием; победивший самые свирепые страсти своего сердца, падает при малейшем соблазне; равнодушный к стяжаниям, собственно, для себя, вдруг начинает мучиться жаждой сокровищ для своего семейства; неимущий случаев ко греху не в состоянии устоять против нечаянного искушения. Правда, по действию благодати Божией, и миролюбцы часто ощущают в себе сильную жажду спасения. Но сия жажда, по большей части, остается одним бесплодным желанием; потому что они хотели бы быть святыми на свой образец, желали бы приобрести вечное блаженство, но не лишиться и временных удовольствий; быть наследниками Царствия Божия, не переставая работать суете и тлению. От всех подобных преткновений, полагаемых миром последователям Христовым в деле спасения, вы, Боголюбивые сестры, свободны будете в сей обители. Вам не только ничто не воспрепятствует здесь в подвигах благочестия; но даже все будет содействовать исполнению оных, и совокупное славословие Господа, и взаимное духовное общение, и примеры опытных в иноческих подвигах, – словом, и в храме и в келейном уединении вам ничто не помешает размышлять о Боге и трудиться для спасения души своей.

Наконец, кроме препятствий, полагаемых истинному благочестию, в мире не надежно приобретение спасения, по причине тех опасений и беспокойств, коим ежечасно подвергаются миролюбцы. Ибо хотя они, по-видимому, обладают счастьем и весельем, но в самом деле не знают ни счастья, ни радости истинной, потому что сих потребностей сердца человеческого миролюбцы ищут в суете и тлении. А кроме Бога, какое благо мира может облаженствовать сердце человеческое? По сей причине, полагая свое счастье в удовлетворении нечистым желаниям своего сердца, миролюбцы

за одну каплю мгновенно исчезающей сладости часто на всегда теряют спокойствие своей совести. Живя и действуя для настоящего мгновения, они беспрерывно мучаются горькими последствиями мнимого счастья, которое от них улетает, потому что, по определению Божию, без Него мы не можем быть счастливыми ни на одно мгновение; что без Него наши желания делаются нашими мучителями. Кроме сего взгляните, какими опасениями беспрерывно терзаются миролюбцы, и вы удостоверитесь, что обольстительное на взгляд счастье мира только поверхностно. Например, супружества в мире редко бывают соединены истинным согласием; но без согласия супружество есть не что иное, как временный ад. А в иных, по-видимому, согласных супружествах, супруги постоянно мучаются опасением потерять друг друга, ибо сколько беспомощных вдовиц, скитающихся в безотрадной горести; сколько супругов, навсегда расстроивших домашнее благосостояние преждевременной смертью жен своих. Поистине нельзя не содрогнуться от страха, рассматривая скорби мира сего. Там дети, потерявшие родителей, в нищете несут горькую участь сиротства; тут родные ненавидят и преследуют друг друга; здесь друзья мучаются подозрениями обоюдной измены; там злоба открывает слабости, за тайну ей сообщенные; здесь явно разрушают благосостояние ближнего; а там насилие низводит во гроб беззащитного. Часто видны пронырство, ненависть, зависть, клеветы, вражда, ухищрения, неправды... Посему, может ли быть благонадежным спасение души посреди такого мира, и жалко ли оставить мир этот, враждебный и мятежный? Нет, Боголюбивые души, мир весь во зле лежит, и вы счастливы, оставить его, потому что если вы решились оставить мнимые блага, привязывавшие вас к миру, то в настоящем состоянии вам ничего терять не остается; теперь никакая потеря устрашить вас не может, кроме опасения потерять душевное спасение. Аминь.

Слово по случаю переведения в новоустроенный дом и в начале учения девиц духовного звания, воспитывающихся в девичьем Свято- Духовском Буйничском монастыре, близ губернии г. Могилева

Аще страждеть един уд, с ним страждут вси уди (1Кор. 12:26)

Св. апостол Павел, сравнивая благоустроенное общество верующих с человеческим телом, поучает, что как в теле нашем нет ненужного, бесполезного члена, так и в теле общественном: *не может око рещи руце: не требе ми еси, или паки глава ногам: не требе ми есте (1Кор. 12:21)*; что как члены тела нашего, по-видимому, слабейшие, не менее других нужны, и кажущиеся менее благородными требуют большей об них заботливости (1Кор. 12:23), так для благосостояния общества необходимо, чтобы оно прилагало попечение о всех членах своих – без исключения: да не будет, говорит, *распри в телеси, но да тожде в себе лекутся уди (1Кор. 12:25)*, потому что как в плотском, так и в общественном теле, когда страдает один член, страдают с ним все члены (1Кор. 12:26). Кому же неизвестно, что не члены одни, а целая половина человеческих обществ, именуемая женской, по многим отношениям слабосильнее мужской, что жены, по выражению другого Апостола, суть *немощнейшие сосуды (1Пет. 3:7)*? А необразованность, незнание своих обязанностей не суть ли болезни, стократ для обществ пагубнее болезней телесных, заразительнее всякой язвы? Имея в виду сии истины, вообразим женское существо в каком угодно состоянии, пусть это будет старица или отроковица, супруга или дева, мать или дочь, сестра или прислужница, близкая по крови или чужая, – во всяком случае, она составляет частицу общественного тела! Что же, если эта частица заражена неисцелимым нравственным недугом, сгорает

огнем греховным? Чем угрожает она, если не целому обществу, то окружающим ее? Приняв еще в соображение, что первые наставники самых отроков суть матери и лица, окружающие младенца от колыбели, не встретимся ли мы с мыслью, что источник общественных неустройств и пороков, с одной стороны, немало заключается в недостатке образования отроковиц, соответственного их назначению, с другой стороны в превратном их образовании, похожем на тот образ лечения, которое хотя, по-видимому, искусственно, но не соответствует болезни, посему только усиливает ее и ускоряет кончину страждущего? Размышляя о сем, благодарение Богу, служитель Евангелия торжественно может утверждать, что дух веры Евангельской, возродив женский пол для жизни сообразной с волей Божией, украсил многих жен и дев добродетелями самыми возвышенными и благотворными для человечества; что только истинно Христианское воспитание девиц спасительно для них и благотворно для человеческих обществ!

У народов, неозаренных светом Божественного Откровения, в глубокой древности, как и теперь, девы и жены большей частью содержались в строжайшем заключении; а если мир некоторые жены обоготворял в виде идолов, то это превознесение, по суду самого разума, было позорнее для женского пола всякого унижения. Только в избранном народе Божием отраднее была участь женщины и являлись доблестные Девворы, неустрашимые Юдифи, целомудренные Сусанны, мужественные Соломонии. Наконец, в лице избранной Богом из всех родов, Благословленной в женах Марии, воссиял для всех веков и высочайший образец девственной чистоты, и высочайший пример Матери.

Спаситель, призвав в благодатное Царство Свое Апостолов, приблизил к Себе и многих жен, принимал их услуги, не пренебрегал их угощением, благосклонно взирал на их приношения, высоко ценил их усердие, не отвергал от Себя даже таких, которые казались погибшими для добродетели. Некоторые из сих жен, получив от Господа прощение грехов своих, другие быв исцелены от неисцеленных болезней, или освобождены от злых духов, в чувстве благодарности

обратились к Иисусу Христу всем сердцем; сопровождая Спасителя во время проповеди Его по городам и селам, они бесстрашно последовали за Ним и на самую Голгофу, были свидетельницами крестных страданий Его и соделались первыми благовестниками Его воскресения.

По вознесении Господа, вместе с учениками принимали участие в проповеди Евангелия и некоторые благочестивые жены. Кроме сего Апостолы поставляли в Христианских общинах служительниц под именем Диаконисс и вдовиц, которые ходили за больными, посещали в темницах св. мучениц, омывали их раны; исправляли некоторые услуги в храмах (Пост. Апост. кн. 3. гл. 15); учили закону Божию жен и девиц, готовящихся к крещению (1 Карф. Собор. Прав. 12); прислуживали Священнослужителям при совершении ими над лицами женского пола Св. Таинств, особенно Св. Крещения. Во времена гонений многие жены и девы, будучи истязуемыми за имя Христово, как, например, Св. Фекла (празднуется сентября 24), Афанасия (января 31), Екатерина (ноября 24), Анастасия (апр. 14), Евфимия (сентября 16), Кириакия (июня 7), Варвара (декабря 4), – мудрыми ответами, непоколебимой твердостью и величием духа своего приводили в изумление самых мучителей, тогда как претерпеваемые ими страдания были столь болезненны, – что всякое слово изнемогло бы в их описании. Ибо мученицам истогали языки, отрезывали сосцы, вырывали зубы, строгали железными когтями и опаляли огнем тела их, погружали их в кипящую смолу, или масло, сжигали в медных сосудах, сокрушали млатами и другими орудиями члены их. Некоторые, как Фелицаха (янв. 25), Васса (авг. 21), Иулитта (июля 15), прежде своих страданий, будучи очевидными свидетельницами мучения и смерти своих детей, даже целого семейства, ни на одно мгновение не поколебались в исповедании имени Христова.

Столь высокие подвиги мужества в исповедании Св. мученицами имени Христова, не говоря уже о подвигах дев и жен, просиявших целомудрием, постом и умерщвлением страстей своих, само собой ведут к заключению, что первенствующие Христианки не менее сияли и семейными

добродетелями, потому что такое величие духа несвойственно строптивому, растлённому пороками сердцу. И, действительно, Христианки первых веков, следуя учению Св. Апостолов, не полагали своего украшения в плетении волос и в разнообразных драгоценных нарядах (1Пет. 3:3); но старались в неистлении кроткого и молчаливого духа об одной душевной красоте (1Пет. 3:4), обогащались добрыми делами (1Тим. 2:9, 10), и созиная себя в живой храм Богу, всемерно удалялись от растленных забав и обычаев мира сего (1Пет. 4:4). От сего происходило, что целые дома первенствующих Христиан были святыми, так что Апостолы именовали их семейства *домашними церквами* (Рим. 16:4; Фил. 2). В последствии даже некоторые из великих Святителей, именуемых Отцами Церкви, одолжены были своим благоверием, как сами сознавались, настроению духа и воспитанию, полученному ими от матерей своих, или в домашнем быту. Так, например, благочестивая Анфуса, овдовев с двадцати лет, не захотела уже вступить во второй брак с тем единственno, чтобы дать наилучшее в духе благочестия воспитание сыну своему, Св. Иоанну Златоустому (Христ. чтен. 1821 г. Ч. 4, стр. 120). Христолюбивая Макрина, бабка Василия Великого, еще в детском его сердце напечатлела своими внушениями учение веры православной (Приб. к творениям Святых Отцов. Житие Св. Василия Великого. Т. 5, с. 4). Набожная Моника самыми горькими слезами выплакала у Бога благодать обращения в недра Св. Церкви сына своего, блаженного Августина, когда сей, по опрометчивой любознательности, уклонился было в злейшую Манихейскую ересь (Христианские чтения. 1845 г. Ч. 4, с. 21).

К прискорбию, краткость времени не позволяет упомянуть сколько содействовали св. жены и девы озарению светом Евангелия целых народов, как, например, Св. равноапостольная царица Елена (мая 21), просветительница Грузии Св. Нина, равноапостольная княгиня Ольга (июля 21), примером и внушениями своими нашим Великим Князьям первая подавшая мысль о просвещении всей России Св. Крещением. Впрочем, из приведенных примеров достаточно усматривается, сколь благопспешны были подвиги святых дев и жен в деле

Евангельской проповеди, тогда как всеобщее растление нравов в языческих народах угрожало миру всеобщим запустением. Следовательно, и в ваше время надлежало бы ожидать самых благотворных для семейств и целых обществ последствий, если бы супруги и матери, подражая первенствующим Христианкам, свято соблюдали преданное им завещание Св. Апостолов; если бы отроки, воспитываясь с самого детства в страхе Божием, учились заботиться о том, как благоугодить Господу, – быть святыми и телом и духом (1Кор. 7:24), предпочитать всякой красоте белизну лица, происходящую от поста и воздержания, украшаться скромностью и целомудрием (1Тим. 2:9), быть верными своему долгу и обязанностям, пребывать постоянно в благочестии (1Тим. 2:10) и трудолюбии, не увлекаться суетностью, гнушаться всякой лестью, не следовать своим прихотям, не обольщаться превратными обычаями мира сего; упражняться в искусствах и знаниях, необходимых в домашнем быту и общежитии, предпочитать семейное уединение позорищным выставкам и мирскому кружению. Такой образ воспитания не мог ли бы скрепить родственных связей, которые так ослабели в наше время? Не водворил ли бы умеренности в домах, а вместе с сим сладкого мира и довольства своим бытом, тогда как теперь едва ли кто доволен своим состоянием, потому что у всех почти желания стали до той степени непомерно, что во всяком звании не достает средств к их удовлетворению!

Но сделаем частнейшее применение сказанного к какому-нибудь состоянию. Каких, например, можно было бы ожидать плодов, если бы наши приходские священники имели супруг, вполне соответствующих своему званию? Конечно блажен человек свободный от сетей, опутывающих дух наш земными попечениями, кому дано свыше всецело посвятить себя Богу и Церкви Христовой. Правда и то, что сан Пресвитера требует чистоты высшей, но если уже благоснисхождению Божию угодно было достоинством Священства почтить перстного человека; если, по и изречению Духа Святого: *честна женитва во всех* (Евр. 13:4); если никто по совести не может утверждать, что одно таинство уничтожается другим, совершааемым благодатью

одного и того же Духа Святого, – как, например, таинство брака священством или браком – священство, то Церковь Богоумудренно судила не возбранять сожительства с законными супругами восходящим на степень священства (Гангрский Собор. Правило 4., 6 Вселенский Собор. Правило 13). А если Апостолы, по свидетельству древности, не отвергали услуг благочестивых Христианок (Clem. Alex. Strom. 8, rag. 736), то в подобных случаях могут иметь нужду и приходские священники. Если сопровождавшие Апостолов Христианки споспешествовали им в проповеди Евангелия, то почему благовоспитанная супруга священника не могла бы отчасти содействовать ему в сем отношении под его руководством? Почему, например, не могла бы она, разумеется, не в церкви, а на дому, учить девочек начаткам веры, молитвам, женским рукоделиям, домашнему устройству и порядку, посещать больных жен и утешать их в скорби? Апостол Павел требует, между прочим, от пастыря Церкви – подавать собой пример домостроительства. Именно завещает ему содержать детей в *послушании со всякой честностью* (1Тим. 3:4, 5). И Христианская древность представляла в священном сане целые семейства, прославившиеся святостью жизни. Так Св. Григорий Назианzen, по возвышенности учения его, прозванный Св. Церковью Богословом, родился от отца того же имени, когда сей был уже служителем алтаря (Приб. к творениям святых отцов. Т.1. Житие Св. Григория Богослова. Стр. 1). Матерь святого Назианзена, Нонна и брат его Кесарий причлены Церковью к лицу Святых (празднуются: августа 5, и марта 9); добродетели Горгонии, сестры своей сам Григорий прославил красноречивым словом своим (Слово 8. Де). В житии Св. Василия Великого, читаем сказание о чудной жизни Св. пресвитера Анастасия и супруги его Феогнии (Чет.-Мин. января 1, 2); Святому Иринею, епископу Сирмийскому ни родные, ни дети его не помешали засвидетельствовать любовь свою ко Христу мученическою кончиной (Чет.-Мин. марта 26); 10 дня января месяца Церковь празднует память иже во Святых Отца нашего Григория Нисского и супруги его Феозвь, бывшей, по возведении его в сан Епископа, Диакониссой (Чет.-Мин. Января

10 дня); 22 дня сентября месяца память Св. пресвитера Ионы и сыновей его Феофана творца канонов и Феодора начертанного. Если же такие примеры были в древности, то почему бы они не могли повторяться в наши времена?

Так, слушатели, Христианское благочестие на все полезно, с ним соединены непреложные обетования Божии о ниспослании нам временного довольства и вечного блаженства. В сем убеждении учрежден в здешней обители приют для воспитания девиц в духе Христианского благочестия. Но, зная, что только благодать Божия увенчивает успехом намерения и дела человеческие, вознесите с нами, братья, молитвы ко Господу, да окропит сих отроковиц росой благодати Своей; да благословит с высоты небес; да насадит в сердцах их спасительный страх Свой; да озарит их ум светом Своим, да будет чистое и Богообязненное житие их, да славится и ими пречестное и великолепное имя Отца и Сына и Святаго Духа, во веки веков. Аминь.

Слово, произнесенное в церкви тюремного замка

Петра стрежаху в темнице: молитва же бе прилежна от Церкви к Богу о нем (Деян. 12:5)

В храме, посвященном имени Божию при сем узилище, празднуя веригам первоверховного апостола Петра, узника по Христе, о чём приличнее беседовать, как не об участии в судьбе узников? Что же было случаем к установлению настоящего праздника? По свидетельству писателя Апостольских Деяний, когда Ирод, потомок нечестивца того же имени, поверг Апостола Петра за благовестие Христово в темницу, то вся Иерусалимская Церковь столь живое приняла в нем участие, что верующие неусыпно молились Богу об Апостоле, как будто всех их постигло бедствие, как будто бы все они вместе с Апостолом были низвержены в темницу. С течением времени, от прикосновения к железным узам Петровым, как от прикосновения к платкам и полотенцам, бывшим на теле апостола Павла, верные получали столь многочисленные исцеления болезней всякого рода, что по прошествии четырех веков патриарх Иерусалимский Ювеналий, для поднесения в дар Евдокии супруге царя Феодосия Меньшего, не нашел большей драгоценности, как Петровы вериги (Чет.-Минеи, января 16). Это событие послужило к учреждению настоящего праздника, и нам подает урок, что в узах могут томиться и люди неповинные, подобно Апостолам. Вместе с этим сие событие, с одной стороны, должно ободрять невинно страждущих надеждой, что промысл Божий рано или поздно изведет правду их, яко свет полудня, и сторицей наградит за терпение; с другой стороны, празднуемое событие должно побуждать нас к деятельному состраданию заключенным в темницах, в том предположении, что, может быть, в числе действительных есть только мнимые преступники, невинно страждущие. Конечно, такие люди достойны сострадания; но за чём, спросите вы, оказывать оное явным нарушителям закона? Вопрос стоит ответа – потому особенно, что преступники закона не терпимы

во всех человеческих обществах, а беззакония бесконечно ненавистны правосудию Божию. В целом мире искони не было, и нет народа, в котором бы не употреблялись более или менее жестоки казни к искоренению обманов, хищения, убийств, крамол, мятежей, насилия и других беззаконий; не было и нет народа, в котором бы творящие таковые, по свидетельству Апостола, не были признаваемы достойными смерти (Рим. 1:32). И естественно, потому что для всякого дорога собственность, каждый любит жизнь свою, никому не приятно быть жертвой обид или хищения и обманов, всякий рад наслаждаться миром и спокойствием. Даже ожесточенные в беззакониях злодеи неравнодушны к отнятию у них собственности, к лишению жизни и своей безопасности, ненавидят неправду, хотя не в себе, а в других; и были примеры, что шайки разбойников учреждали между собой род правосудия, по которому защищали свою безопасность, соблюдали некоторую у себя подчиненность и наказывали своих изменников.

Чувство правоты, столь глубоко насажденное в душе человеческой, должно бы убедить самого закоренелого в преступлениях, что Создатель сердца нашего, как научает нас слово Божие, есть высочайшая святость и нет неправды в Нем (Втор. 32:4. Пс. 5:5); что в очах Божиих ничего нет ненавистнее беззакония; что Бог, объемлющий своей любовью все твари, ненавидит одно зло и отвращается от всякого порока; что Бог преступникам своего закона, кроме временных казней, предопределил вечные наказания в геенне огненной. Истину сию Евангелие представляет в самом ощущительном свете, свидетельствуя, что когда Святых Святейший Господь наш Иисус Христос принял на Себя ходатайство о помиловании рода человеческого за противление Божественным законам, то понес на Себе весь гнев правосудия Божия, так что Он, не сотворивший ни единого греха, претерпел оплование, защущения, биение, увенчание тернием, лютейшие мучения и крестную смерть за грехи наши! Но хотя грех до той степени гнусен в очах Божиих, при всем том милосердие Божие не хочет гибели ни одного грешника, но желает обращения его на путь

добродетели. С сей целью, чтобы призвать грешников к покаянию – Господь наш низошел с небес на землю, принял на Себя образ раба, уничижил Себя до того, что Сам вменен был со беззаконьями; а чтобы побудить нас к состраданию над содержащими в узах, решительно объявил, что Он в страшный день второго своего пришествия осудит тех, которые не принимали деятельного участия в судьбе узников; а тех, которые оказывали им искреннее сострадание, соделает наследниками Царствия Небесного: одним возвестить: *в темнице бых, и не посетисте Мене... идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его;* другим скажет: *в темнице бых, и приидосте ко Мне: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25:41,43,34,36).

В чем же должно состоять требуемое Евангелием участие в судьбе узников? Во всемерном усилии нашем обратить их на путь покаяния, сделать из людей вредных обществу полезных, в составе человечества и для достижения сей цели оказывать им всякое благотворное сострадание. Евангелие, силой благодати, мытарей соделало праведниками, блудниц целомудренными девами, гонителей Св. Церкви претворило в ревнителей славы Божией, закоренелых злодеев извело путем покаяния из области сатаны в Царство Небесное. Способствовать всеми силами достижению сей великой цели благодати Христовой есть долг каждого Христианина и одна из самых приятных жертв Господу, умилостивляющих Его к прощению наших грехов: *яко обративый грешника от заблуждения пути его спасет душу свою от вечной смерти и покрыет множество грехов своих* (Иак. 5:20), удостоверяет слово Божие.

А кто не имеет нужды в прощении грехов, в милосердии Творца своего? И такие люди, как Апостолы, говорили вообще, что *много согрешаем все* (Иак. 3:2). И венчанный Пророк взыпал: *аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит* (Пс. 129:3)? взыпал и молился: *не вниди в суд с рабом твоим, Господи: яко не оправдится пред Тобой всяк живый*

(Пс. 142:2)! Можно бы присовокупить еще, что часто между людьми пользующимися и не пользующимися честным именем бывает так, что преступления одних делаются явными, а других покрыты еще мраком неизвестности. Положим, однако, что все мы чисты от грубых пороков; но ежедневным образом жизни не становимся ли мы достойными вечного осуждения? не обременены ли мы таким множеством повсечасных, по нашему мнению, малых грехов, которые в совокупности увлекают душу в адскую пропасть? Положим, что беззакония узников, по своей важности, уподобляются тяжести огромных камней, а наши грехи, по своей мелочи, похожи на песок, но не равно ли погрязнет человек в пучине, когда к шее его привязать большой камень, или мешок мелкого песку?

Следовательно, все мы имеем нужду в покаянии – и те, которых явные беззакония лишили свободы мирных граждан, и живущие на свободе; и те, которые от праздности и порабощения страстям сделались нетерпимы в человеческих обществах, и мы, наслаждающиеся плодами общежития! Посему станем оказывать, братья, деятельное сострадание узникам, чтобы нам самим заслужить помилование на суде Божием. Употребим все усилия к убеждению нарушителей закона Божия, что временные узы для нераскаянных беззаконников могут сделаться как бы залогом вечных адовых уз; что если Евангелие заставляет нас облегчать участь преступников, то от них требует решительного покаяния в том, что они хотели жить с обидой других. Они должны дать Богу непреложный обет не красть, но трудами рук своих снискивать пропитание себе и другим. Кто из них покушался даже на жизнь что-либо, того наставим, что по воле Божией каждый человек должен прилагать попечение о сохранении жизни своей и всякого ближнего. Кого недостаток воспитания, праздность, и страсти превратили в дикого зверя, того глас Евангелия при нашем усилии да соделает снова человеком!

И блаженны милостивые, потому что они сами помилованы будут (Мф. 5:7); блаженны и те, которые истинным покаянием загладили грехи свои, так что Бог простил содеянные ими беззакония. Аминь.

Слово, произнесенное в 1830 году по случаю появления губительной болезни в городе Белгороде

Теща Симонова бе одержима огнем велиим, и молиша Его о ней. И став над нею, запрети огню, и оставил ю (Лк. 4:38, 39)

Сколь блаженное было время, когда Сам небесный Врач исцелял людей от недугов! Врачевание совершалось одним всесильным словом и посему надежда на исцеление была несомненна! О, Спасителю наш! Где Ты ныне, да спасеши ны от угрожающих нам лютых, да избавиши от уныния, да удалиши от нас страх преждевременные смерти, и отвратиши меч правосудия небесного, поражающий людей достояния Твоего? – Но изречения Спасителя, обещавшего пребывать в Церкви Своей – пребывать с нами до скончания века, неужели относились только ко временам первых веков Христианства? Отринем, Христиане, малодушие! *Небо и земля прейдут, обетования же Спасителя не прейдут. Христос вчера и днесь, Той же и во веки (Мф. 24:35; Евр. 13:8)!*

Но если Он, по непреложному Своему обетованию, и ныне пребывает в Церкви Своей, то среди настоящего бедствия мы должны возложить твердое упование на Его Промысл. Если Он все устроит для нашего блага, то мы должны с благодарностью пользоваться средствами, ниспосыпаемыми Промыслом Его, для спасения нас от настоящего бедствия.

Мы должны питать в сердце своем несомненное упование на Промысл Спасителя, и следовательно, должны не токмо отложить всякое уныние; но даже благодушествовать несмотря на опасности, окружившие нас!

Кого из сетующих спасло уныние? Полезно сетование о грехах, ради коих грядет гнев Божий на сынов непокорных, но уныние снедает сердце, лишает всякого спокойствия, делает бесполезными все средства к избежанию зла и преждевременно приближает человека ко гробу. Оно есть признак неверия. А вы знаете, слушатели, что Сам Спаситель не хотел исцелять людей во время земной жизни Своей, по причине их неверия. И не

можаше *ту*, замечают Евангелисты *ни единыя силы сотворити, за неверство их* (Мф. 13:58. Мк. 4:6). Блюдите убо себе, братья, да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво, исполнено неверия. Но утешайте себе на всяк день *Дондеже днесь нарицается* (Евр. 3:12,13)! Утешайте себе великим и всемощным именем Христа Спасителя, который смертью Своей упразднит имущаго державу смерти, да избавит сих, елицы страхом смерти... повинни беша греховной работе (Евр. 2:14,15). Утешайте себя твердой надеждой на Того, Который вся содергит глаголом силы Своей, Коему покорена всяческая – небесная, земная и преисподня, который доселе спасал нас *святым Промыслом Своим!*

И в самом деле, братья, если помыслим о том, что мы безвредно прожили столько, сколько прожили, то сердце наше не может не принести живейшей благодарности Промыслу Божию, спасавшему нас доселе, не может не одушевиться верой на спасение в будущем! Сколько смятений и переворотов претерпели в прошедшем чужие страны – мы пребыли безвредны. Смерть у других народов с пламенником в руках истребляла грады и веси – наши села и грады сохранял Промысл. Вне пределов отечества меч браны пожинал целые тысячи – мы наслаждались миром и спокойствием! И только ли? Кто из нас не подвергался бедствиям и злоключениям, кои, по видимому, низводили нас до ада; и, однако же, десница Вышнего сохранила нас. Многократно, не один из нас не думал уже встать от одра болезни, не одному угрожала смерть, но по милости Божией мы доселе пребываем целы и невредимы. Таковых благодеяний Промысла какое сердце не признает? А сколько еще таких, коих мы не примечаем! Не о Господе ли мы живем, движемся и есмы (Деян. 17:28)? Без милосердия Божия, без Его святого Промысла мы не могли бы существовать ни одного мгновения! И, однако же живем еще, милосердие Божие хранит нас, подает нам хлеб в наслаждение и в пищу нашу, и даже ныне несмотря на общее несчастье, исполняет весельем сердце наше, подвигая к Отеческому соболезнованию о нас Благочестивейшего Государя Императора, столь бодрственно и деятельно пекущегося о нашем спасении! Утвердим себя,

слушатели, в уповании на Промысл Божий! В Его руках мы безопаснее младенца, покоящегося у груди материнской! Без воли Его и волос главы нашей не погибнет!

Но, предавая себя в волю Божию, мы должны с благодарностью пользоваться средствами, ниспосыпаемыми Промыслом Божиим для спасения нас от угрожающей нам смерти! Правосудие Божие наказывает нас, и Его же милосердие посыпает нам спасение! Удалим от себя грехи – причину настоящего бедствия, и не отвергнем средств, предохраняющих от окруживших нас сетей адовых. Отцы наши справедливо говорили: береженаго Бог бережет. Но быть неосторожным посреди всеобщего бедствия, значит прилагать беззаконие к беззаконию. Ибо кроме того, что неосторожный умирает в нераскаянии, а через сие подвергается вечной смерти, – он бывает причиной преждевременной смерти ближнего. И так мудрая осторожность не только необходима в настоящем случае, но даже есть непременный долг истинного Христианина.

Не говори, что невозможно избежать наказания небесного! Так, наказание Божие во всякое время постигнет тебя, если ты останется в греховном ожесточении. Но принеси покаяние и ищи средств к сохранению жизни! И буря ниспосыпается с неба, и дождь падает с высоты небесной; однако же ты, застигнутый бурей, не останешься на открытом воздух, когда можешь найти спокойное убежище от ненастья. Не ожидай, пока бедствие не прекратится само собой, и не искушай Бога ожиданием чудесного избавления! Ибо чудеса бывают только по особенным, самым важным причинам. И если есть естественные средства ко спасению, то всегда ли нужны чудеса для избавления нас от бедствий? Для Бога все равно – спасти нас от несчастья сверхъестественным или естественным образом. Если же Он спасает естественными средствами; то менее ли это значит, нежели, когда бы ты получил спасение чудесное? Видишь ли, птицы улетают в теплые страны от наступающих морозов; и бессловесные животные обонянием ищут врачевства в своих недугах. Они, руководствуясь одними чувствами, ищут спасения от предстоящей им погибели, почему

же тебе, одаренному разумом, отвергать средства, оправданные опытом, и пренебрегать помощью врачебного искусства?

Не радеть о спасении жизни, когда есть средства к ее сохранению, значит оскорблять промысл Божий. Ибо не Господь ли посыпает врачей на потребу нашу? Конечно, от Вышнего исцеление, но Писание говорит: *почитай врача противу потреб честию его, ибо Господь созда его*, Господь созда от земли врачевания, муж мудрый не возгнушается ими (Сир. 38:1,2,4). И так не оскорбляй Промысла, наказующего и милующего тебя; не оскорбляй Промысла, пекущегося о тебе, но паче прослави Бога, приемля с благодарностью помочь, подаваемую тебе! Прославь Промысл безропотным повиновением Правительству, старающемуся обезопасить жизнь твою! Страйся сохранить жизнь, дабы в будущем ты мог принести покаяние за грехи протекшей жизни. Если бы ты был и праведен, то и тогда не должен подвергаться явной опасности, разве для славы имени Божия, или для пользы ближнего. Но все мы грешники; посему будем спасать жизнь для того, чтобы остатком ее пробрести жизнь вечную.

Христиане! Бог карает нас подобно отцу, который, наказывая детей, желает, чтобы они принесли раскаяние в своем проступке и исправились. Принесем убо истинное раскаяние в наших беззакониях, предадим себя в волю Небесного Отца, наказующего нас, да причастимся святыни Его; не отвергнем помочи, ниспосыпаемой Его святым Промыслом, и спасемся.

Ты же, Отче щедрот и милосердия! Не помяни прежних беззаконий наших, но поспеши встретить нас милосердием Твоим, ибо мы весьма изнурены. Ослаби нам, да почием, облегчи удары правосудия Твоего, да прославим милосердие Твое. Аминь.

Слово во время продолжения губительной болезни в городе Белгороде

Всякое бо наказание в настоящее время не минится радость быти, но печаль (Евр. 12:11)

Подлинно не радость! Дух наш погружен в уныние, горесть сокрушила сердце, лица омрачились печалью, скорбь запечатлела чело каждого, вздохания наши колеблют воздух, очи источают источники слез; – от страха смерти, от бедствий, обошедших нас, горюют бедные, никого не радует и богатство; сетует юность, малодушествуют и возмужалые, умолкли клики веселья, обратились в плач праздники, и торжества наши в рыдание, – исчезла всякая радость как будто бы она и не была нам знакома! Отче Небесный! Сие ли знамение любви Твоей к нам? Так, братья, настояще горе есть несомненный признак любви Божией к нам! Мы не смели бы утверждать сего; но вы сами слышали, что говорит Апостол: *егоже бо любит Господь, наказует, биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог. Который бо есть сын, егоже не наказует отец (Евр. 12:6–8)*? Постараемся же узнать, братья, от чего действия любви Божией к нам столь для нас горьки; и с какой целью любовь Божия ниспосыпает на нас настоящие бедствия?

Бог любы есть (1Ин. 4:8)! Он не перестает любить нас и тогда, когда напаляет слезами горести; Он, наказывая нас, не мстит подобно человеку, воскипевшему яростью. Но действия любви Его в отношении к нам горьки (в подобных настоящему обстоятельствах), потому что в протекшей жизни мы не находили сладости в любви Божией; что для нас приятными казались только похотения нечистого нашего сердца.

По причине различного свойства любви в сердцах человеческих, и действия любви Божией для одних людей составляют высочайшее блаженство, а для других страдание, подобно тому, как от лучей солнечных одни тела иссыхают, другие – тают. Были люди, какие, может быть, есть и ныне, кои не одну, но тысячу смертей готовы были перенести из любви

Божией, были люди, для коих все временные бедствия казались ничем из любви к Богу! Священное откровение и жизнеописания святых Божиих представляют нам много подобных примеров. Они взвывали: *по вся дни умираем (1Кор. 15:31. Рим. 8:35. 39), вменихомся яко овцы обреченные на заколения (Рим. 8:36), но ни смерть, ни живот, ни настоящая, ни грядущая... ни что не может разлучить нас от любви Божией (Рим. 8:38,39)*; и, хотя мы в очах мира кажемся скорбящими, но мы всегда радуемся (2Кор. 6:10)! Сердце их горело столь сильной любовью к Богу, что они и не думали избегать мучений, горестей, бедствий и самой смерти из любви Божией. И как вы думаете, слушатели! страшно ли было бы постигшее нас бедствие для горящих столь сильной любовью к Богу? Страшно ли было бы настоящее горе для блаженных Павлов, для многострадальных Иовов, для бесчисленных мученических сонмов? С одной стороны, вероятно, их бы не коснулась такая смерть, какая нам угрожает, с другой стороны, они и не помышляли об условиях и роде смерти, когда желали *разрешится и со Христом быти (Фил. 1:23)*. И так, наше бедствие страшно только для грешников, для нас, слушатели! Оно горько для нас до того, что в нем мы даже не можем усмотреть любви Божией к нам, не можем ощущать любви Того, Который не хочет *смерти грешника (Иез.33:11)*; горько потому, что сердце наше не чувствовало доселе присутствия Божия в Его благодеяниях, что мы, не хотевшие осязать Его, своей любовью всегда *недалече от единаго коегождо нас суща (Деян. 17:27)*, наконец восчувствовали близость Его в горестях, сокрушающих наше сердце.

Так, ты страждешь ныне, бедное сердце! страх смерти ужасает тебя, потому что ты находило мнимое свое блаженство только в суете и тлении; что похоть мира и гордость житейская были для тебя законом, твое бытие составляли помышления злая, действия противозаконные, начинания беззаконные! И каким предметам не прилеплялось ты в мире сем? Ах, ты все любило, кроме Бога! и нечистые удовольствия, и желания корысти, и постыдные вожделения наполняли тебя до того, что в тебе не было ни малейшего места для любви Бога и ближнего. Ты было проникнуто, ты жило всеми страстями мира, а ныне

страждешь, когда коснулась тебя любовь Божия, желая обратить тебя для твоего же блаженства. Страждешь, потому что наконец ты восчувствовало всю гнусность своих порывов и всю зловредность своих привычек; что узнало настоящую цену мира, и славы его, и предчувствуешь ужасы вечности и отчуждения от Бога!

С сею-то целью любовь Божия и ниспослала на нас настоящее бедствие. Без него мы никогда, может быть, не подумали бы искренно о исправлении жизни, и вечность считали бы одной мечтой!

Правда, Евангелие всегда внушало нам, что мир сей преходит, и изменяется образ его, что здесь нет ничего пребывающего, что любы мира сего вражда на Бога, что ничто не достойно всей любви нашей, кроме Бога! Но сии внушения как бы терялись в воздухе, не поражая сердец наших, и не обращая их к Богу. Таким образом протекшая жизнь наша была беспрерывным оскорблением Бога. Наши силы, наши способности были посвящены на служение миру, и мы до того сделались верными правилам и образу растленной нашей жизни, что без настоящего бедствия, может быть, и не подумали бы об исправлении ее, и, следовательно, умерли бы во грехах наших. Видя страшное ожесточение людей, любовь Божия изрекла на небеси определение, переданное некогда пророком Иеремиею: *понеже ославиша люди закон Мой, егоже дах пред лицем их, и не послушаша гласа Моего и не ходиша по нему, но поидаша по изволению сердца своего лукаваго...* сего ради тако глаголет Господь Сил, Бог Израилев: се, Аз напитаю люди сия теснотами и в питие дам им воду желчную... Да изведут очи слезы и вежди их воду... да научат дщери своя рыданию, и каяждо искреннюю свою плачу... понеже взыдет смерть сквозе окна их и пройдет землю их (Иер.9:13–15,18,20 21). Изрекши сие определение, любовь Божия долго еще щадила нас; – и когда, наконец, обратилась к нам с прещением, – смотрите, какая сделалась с нами перемена: похотения сердца нашего обмертвили, торжища корыстолюбия нашего опустели, имущие жен сделались как неимущие, радующиеся, как нерадующиеся, и требующие мира сего, как нетребующие

(1Кор. 7:29, 30); все вздыхают, лют слезы умиления, каждый взводит очи на небо, все обращаются к Богу, – и мы во всей силе почувствовали, что любовь Божия требует нашего исправления, требует нашего сердца, требует всей любви нашей для того, чтобы нас соделать блаженными в вечности!

О вечность!.. Помышляли ли мы доселе о ней, братья? Помышляли ли мы, что вечность не имеет пределов? Вопрошали ли мы себя: для чего мы созданы? какое наше предназначение? что нас ожидает, когда мы оставим мир настоящий? Почти никогда, слушатели! Даже смерть наших близких, друзей, домашних едва внушала нам прежде, что преходящих благ мира сего не должно предпочитать Богу и вечности; что в приобретении целого мира нет никакой пользы, если потеряем свою душу. Ныне невольно представляется нашему помышлению вечность. Доселе погребальный звон, большею частью, был только предметом нашего любопытства, ныне, когда смерть сделалась столь нечаянной, и повседневной, мы начинаем понимать, что любовь Божия посредством временной смерти напоминает нам о смерти вечной! и погребальный звон невольно поражает сердце наше ужасом! Ныне каждый из нас размышляет с собой так, как надлежало бы нам всегда размышлять; каждый во внутреннем сердца своего говорит: «что, если и мне должно умереть? Куда я пойду, если я умру завтра, или даже ныне? Никто не возвращается из челюстей смерти. Все силы ума моего не могут проникнуть в область вечности; и, однако же, сердце мое трепещет! Не от того ли, что, по учению Евангелия, там ожидает грешника червь неумирающий и огонь неугасаемый? Ах! могу ли когда-либо удостоиться вечного блаженства? Помилуй мя, вечное милосердие!». О любовь Божия! Сколь спасительны твои уроки!

Приимем же, братья, с любовью и с сыновней покорностью урок любви Божией! Нынешнее бедствие есть действие не столько суда, сколько любви, потому что, хотя Бог посыпает на нас смерть преждевременную, нечаянную, но еще дает время и нашему покаянию. Некогда приидет страшный час всемирного суда Божия, и тогда не будет уже времени для покаяния! Ныне

Бог наказывает нас подобно отцу, тогда будить судить как нелицеприятный Судья; тогда возгорятся все громы правосудия Его, и покаяние не будет уже приемлемо. Притецем убо к Богу и со слезами раскаяния, и с полной надеждой на помилование, как притекает в материнские объятия дитя, уверенное, что мать ни в чем не откажет ему. Затвердим в памяти своей настоящий урок любви Божией! И если Бог пощадит нас еще, и продлит жизнь нашу, то да не будет она похожа на протекшую, но да будет святая и Богоугодная. Станем пользоваться миром, сколько неизбежно потребно, а предметом желаний и помышлений своих будем иметь Бога и блаженную вечность!

Отче Небесный! даруй еще нам время на покаяние; обрати нас на путь заповедей Твоих, утверди благодатью Твоей добрые произволения наши, и спаси нас милосердием Твоим. Аминь.

Слово по случаю прекращения губительной болезни в городе Белгороде

Радуйтесь Ему (Господеви) с трепетом! (Пс. 2:11)

Возвеселися, граде возлюбленный, отринь уныние твое, оставь сетование! Да процветет паки твоя промышленность, да оживотворится снова твоя деятельность! Господь отъял печали твои, призрел на тебя оком милосердия и обратился к тебе Свою милостью! Восхвали убо Бога, восставившего тебя, принеси Ему фимиам благодарения и возрадуйся о Господе Спасе твоем!

Но, братья моя, Дух Святой внушиает, что перед Господом и радоваться должно с трепетом! В самом деле, если преступные удовольствия, радовавшие нас в протекшей жизни, привлекли на нас гнев Божий и поразили нас таким ужасом, что недавно еще каждый из нас страшился потерять свою жизнь, то можно ли предаваться веселью мира, примысли о том, что Бог, избавивший нас от протекшего бедствия, снова может ниспослать на нас наказание, если жизнь наша и впредь будет такова, какова была до недавнего посещения Божия?

Радуясь убо о Господе, избавившем нас от внезапной смерти, мы должны помнить, что протекшее бедствие ниспослано было для нашего покаяния; и всегда помышлять о том, что обращение на прежние беззакония привлекает вящее Божие наказание!

Протекшее бедствие подвигло нас хотя к минутному покаянию; из сего явствует, что оно для таковой цели и было ниспослано. Произведенные в нас чувствования показали причину бедствия, и принесли плоды спасительные. Вы сами можете свидетельствовать, что, как только мы прибегнули к Богу, тотчас сила постившей нас язвы видимо ослабела.

Правда, если мы о Господе живем и движемся и есмы (Деян. 17:28); то надлежало бы, чтобы вся жизнь наша была жертвой пламенной любви к Богу, чтобы мы всегда руководствовались чувством воздеприсутствия Божия. Но таково свойство растленной нашей природы, что никакие

умопредставления и истины, никакие советы и увершания не могут произвести в нас столь спасительных чувствований, как наказания, как прещения правды Божией.

Егда убиваше их, замечает муж по сердцу Божию о Израильтянах, егда убиваше их, тогда взыскаху Его (Бога) (Пс. 77:34). Тоже сказал бы Пророк и о нас, братья! Ибо какова была наша жизнь протекшая? Ах, не помяни, Господи! наших беззаконий прежних! и да не возглаголют уста моя дел человеческих (Пс. 16:4). Нужно ли сказывать почему? Потому, что повествование о делах наших не только не принесло бы никакого назидания, но даже для невинных послужило бы соблазном; что если бы открылись тайная сердца нашего, то мы взирали бы друг на друга с ужасом! . . . Так, лучше прейти молчанием дела, кои, по Апостолу (Еф. 5:3), даже именоваться не должны, не токмо во святилище, но и ни в каком Христианском обществе. Но о том невозможно умолчать, сколько мы были удалены от благочестия отцов наших; до какой степени господствовало между нами равнодушие ко всему священному. Ах, пути Сиона, пути храмов Божиих рыдали, что, как будто бы после некоего опустошения, редкие ходили по ним даже в праздники! Сетовала о сем Церковь, сетовали самые Ангелы! Господь приниче видети, аще есть между нами разумеваяй или взыскаяй Бога (Пс. 13:2), и не было ни единаго.

Но едва коснулась нас рука правосудия Божия, и мы, влекомые единодушным чувством сокрушения о грехах наших, обратились к Богу, исповедали перед Ним наши беззакония, поверглись перед Ним с признанием вины своей! Все взыскали Господа, соединились со Спасителем посредством таинственной Его вечери! Весь город превратился как бы в отшельническую обитель, и утро, и вечер все стекались на славословие и молитву. Храмы Божии почти ежедневно были наполнены множеством молящихся, воссыпавших пламенные вздохания к Богу! Это было торжество Церкви, яже в небесах; радовались о сем Ангелы, веселились Святые Божии в горных селениях своих – не потому, чтобы постигшее нас бедствие было приятно небожителям; но потому что на небесах радуются о покаянии грешника (Лук. 15, 7); что крепость и торжество

воинствующей Церкви составляет обращение чад ее к Богу; что печаль наша была яже по Бозе (2Кор. 7:10), была во спасение, что скорбь наша послу жила нам к очищению покаянием грехов наших, а покаяние преклонило к нам милосердие Божие и было действительнейшим врачевством против угрожавшей пагубы!

О, дал бы Бог, чтобы мы были столько признательны к благодеяниям Его, сколько были чувствительны к Его наказанию; чтобы столько обращали нас к Богу дары Его благости, сколько сокрушало нас Его прещение! Дал бы Бог, чтобы мы, покрайней мере, никогда не забыли прошедшего бедствия, и впредь руководствовались спасительным страхом оного!

Но мы забудем, Боже всеблагий! забудем действие Твоего правосудия, им же вмале наказал еси нас! забудем прещение Твое, как забываем Твои благодеяния!.. Забудем, и снова обратимся на греховные наши дела, потечем по путям беззакония, устремимся в вихрь страстей и кружения мирского! Забудем, что Ты нас избавил от челюстей смерти, забудем Тебя, Боже наш!.. И тогда!.. Что нас тогда ожидает, Отче праведный? Тогда правосудие Твое или посетит нас новым вящим наказанием, или отвергнет нас на веки, как сынов гнева и наследников вечного мучения.

Так, братья, в хранилище правды Божией есть бесчисленные громы на поражение грешника, а когда Бог посыпает наказание, то, без обращения к Нему, не спасает человека ни мудрость, не предосторожности, ни все силы ума нашего. И сие не значит того, что в бедствиях не должно искать никаких средств ко спасению, но только то, что *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущи. Аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. 126:1); что *един Господь имеет власть живота и смерти, низводит даже до врат адовых, и возводит* (Прем. 16:13); что в болезни первое врачевство – покаяние и молитва (Сир. 38:9); что когда человек обратится к Богу, то для него самые простые средства спасительны!

Нужны ли для сего доказательства, когда урок сей преподан нам посредством бедствия, от коего мы только что избавились?

Как бы ни рассуждала мудрость мира сего, не умудряемая и страданиями человечества, останется навсегда очевидной истиной то, что протекшее бедствие ниспослано было на нас Божественным правосудием, и только милосердие Божие спасло нас от нечаянной смерти! С одной стороны, ни мы, ни отцы наши не слышали и названия посетившей нас язвы, с другой стороны, огражденные отеческим попечением мудрого Царя нашего, защищенные сугубой бдительностью, как двойной стеной, от тлетворных южных язв, мы помышляли в сердце своем, что не только иноплеменник не пройдет с оружием в руках сквозь землю нашу, но что даже никакое общее наказание не постигнет нас! Но вот посланница правосудия Божия – губительная болезнь перешла пределы непроходимые для врагов наших, прокралась посреди многочисленной отечественной стражи, пронеслась сквозь землю Русскую, уязвила самое сердце отечества, проникла в дома наши, возлегла на ложах наших, и одних преждевременно низвела во гроб, других измучила страхом и томлением. И кто весть? – если бы раскаяние наше во грехах не испросило у Бога самых простых средств к уврачеванию и предохранению от ее уязвлений; а паче, если б любовь Божия не обратилась к нам своей милостью, то, может быть, земля наша осталась бы пустою, и по цветущему нашему граду бороздила бы в последствии соха земледельца!

Но кому известно, что нас ожидает еще в будущем, если мы остатка жизни своей не проведем в покаянии о наших заблуждениях, и, если возрастающего юношества не воспитаем в страхе Божием? Правосудие Божие с равным нелицеприятием и удобностью подвергает наказанию погрязшее в беззакониях целые народы, как и одного какого-либо грешника. Посему, когда какой народ избавится от постигшего его наказания Божия, то к нему можно отнести то, что Спаситель наш сказал некоему расслабленному, по исцелении его от тридцативосьмилетнего недуга: *се здрав бысть, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5:14). Истина сия начертана неизгладимыми письменами на земле нашей; о непреложности ее свидетельствуют все протекшие века и целые

народы! Так Ниневия, покаявшаяся проповедью Ионы и пощаженная от угрожавшего ей бедствия, когда вскоре потом паки обратилась на свои беззакония, – наказана вечным запустением, и самое имя Ниневии стерто с лица земли. Подобным образом, и по тем же причинам истреблены многие царства востока и запада, севера и юга; даже земля, некогда, по выражению Писания, текущая медом и млеком, поражена проклятием!

Когда нечестивый не обращается, то, по словам Писания, правосудие Божие напрягает лук свой, кладет на него оружие смерти и стрелы свои сodelывает палящими (Пс. 7:14). Глады и пагубы, землетрясения и наводнения, меч и огонь, все бедствия и сами стихии вооружаются по воле Божией на истребление грешника. Впрочем, несмотря на тяжесть подобных бедствий, блажен человек, когда, наказуемый Богом, прибегнет к Нему с раскаянием, горе тому, кого и самые наказания не исправляют! его ожидает вечная несчастная участь. А каковы бы ни были временные бедствия, они ничто в сравнении с мучениями, уготованными грешнику в вечности, где дым мучения осужденных восходит во веки веков; где капля воды охлаждающей показалась бы дороже всех сокровищ мира; куда не проникает ни малейшей луч надежды на прекращение мучений, или на избавление от них.

Памятуем убо, братья! посещение Божие, от коего мы только что избавились, и, воссыпая промыслу Божию душевную благодарность за спасение нас от нечаянных смертей, возвеселимся о Господе Спасе нашем! возрадуемся о спасении своем! Но возрадуемся с трепетом и с твердой решимостью поступать всегда по воле Божией: дабы, возвратившись на пути беззакония, не подвергнуться нам вящшему гневу Божию, паче же всего, чтобы не подпасть вечному осуждению. Внушайте, родители, внушайте благовременно детям своим страх Божий, да не постигнет их страх преждевременной смерти, паче же да не сodelаются они наследниками геенны! И когда, в последствии, спросят вас дети и внуки ваши, когда спросят вас будущие рода, что означают вне града могилы, удаленные от общего погребального места? когда спросят вас, почему они

стоят в таком уединении? поведайте им, что, когда между нами умножались беззакония и усиливалось растление нравов, тогда правосудие Божие ниспоспало лютую и неслыханную ранее язву, которая быстро лишала людей жизни. Исповедайте перед ними, что только раскаяние во грехах было действительнейшим врачеством против угрожавшей нам пагубы, и что одно милосердие Божие спасло нас!

Так, Боже всеблагий! одно милосердие Твое спасло нас от преждевременной пагубы. О, да спасет оно нас и от вечной смерти? Утверди благодатью Твоей, еже соделал еси в нас спасение Твое, и соделай нас наследниками жизни вечной. АМИНЬ.

Слово во время губительной язвы в г. Могилев в 1848 г., 1-ое

Рече Иисус Ахару: сыне мой, дажь славу днесь Господу Богу Израилеву, и дажь Ему исповедание, и исповежь ми, что сотворил еси, и не утай от Мене (Нав. 7:19)

Город наш снова посетила губительная болезнь!.. Неблаговременно ли, братья, воздать славу Богу искренним сознанием, что Он праведно, по делам нашим карает нас, а вместе с сим принесет истинное покаяние во грехах наших: да помилует и пощадит нас еще милосердие Божие!

Тогда как мудрость мира сего ищет причины бедствий в природе вещей, слово Божие внушиает, что в мире нет зла, кроме греха. Таким же образом грех есть источник всех горестей, злоключений, несчастий, общественных и частных бедствий. Грехи наводят землетрясения, пожары, наводнения, засухи, глады, опустошения, мятежи, кровопролитные войны, болезни, моровые язвы. И сколь ни гибок ум человеческий в изыскании мнимых причин таких бедствий (хотя придуманные им доселе причины не заслуживают вероятия, потому что если разум знает действительные причины бедствий, то должен бы придумать и действительные средства к их отвращению), по крайней мере, благодарение Богу, разум наконец сознался, что в природе вещей не усматривает причины губительной язвы, постигающей в наше время целые области: ни в воздухе, ни в воде, ни даже, как большей частью утверждают, в обращении с пораженными силой этой язвы.

Стало быть, если разум, при всей напряженности своего взора, не усматривает в видимой природе источник настоящего всеобщего бедствия, не знает, кем оно ниспослано, то должен отнести его к правосудию Того, в деснице коего жизнь и дыхание наше, и поверить Христианскому учению, что, по суду правды Божией, каждый грех достоин вечного осуждения, достоин геенны огненной; что если милосердие Божие щадит грешников; то единственно ради умилостивляющей вечное правосудие Голгофской жертвы Спасителя; что, к отвращению постигающих

человека бедствии, прежде всего, необходимо произвольное, свободное сознание нашей виновности перед Богом, и прославление тем судеб Божиих, всегда праведно нас карающих.

Первое условие к умилостивлению правды Божией есть сокрушенное сознание в своей виновности, или исповедание перед Богом своих грехов. Оно состоит в решительном осуждении самих себя, в искреннем чувстве, что мы, по делам нашим, достойны смерти, достойны геенны огненной; в ревностной готовности для очищения себя от грехов перенести всякие злоключения и бедствия. А при свете заповедей Божиих, совесть каждого из нас едва ли отречется от сознания, что мы перед Богом безответные грешники! Посему не оскверним святыни храма Божия исчислением грехопадений, которые, по выражению Апостола, не должны бы даже именоваться (Еф. 5:3) в обществах Христианских, тогда как в наше время потоком разливаются по городам и селам.

Но для Христианского чувства всего прискорбнее, что между нами не видно плодов покаяния; что нас не побуждают, не приводят к нему никакие бедствия; что хотя Господь, не желая смерти грешников, многократно наказывал уже нас, а мы все живем, будто не ощущая его наказаний; хотя Господь угрожал уже нам истреблением, а мы не обратились к Его оправданиям, не подвизались против греха до крови, не противостояли ему всеми силами, не решились быть верными заповедям Божиим, хотя бы эту верность довелось запечатлеть своей жизнью. Таким образом, бесполезны были для нас и наказания Божии; потому что мы не раскаялись во грехах наших, не сделались лучшими. Так, если бы в наше время жил между нами пророк Исаия; то, взирая на нашу страну, истощенную продолжавшимся несколько лет бесплодием, видя, что в эти годы прозябания земли – сию надежду земледельцев истребляли до корня то знойные засухи, то продолжительные дожди, то целые полчища каких-то неизвестных насекомых; что сверх того в нашей стране господствовали многие злокачественные болезни, что еще недавно свирепствовала между нами снова посетившая нас губительная язва, – Пророк

воскликнул бы: как еще вас наказывать, чтобы вы перестали грешить? Как еще поражать вас правде Божией за новые ваши беззакония? Мало ли и без того вы претерпели? Мало ли сердца ваши перенесли горестей? Что еще уязвляется, *приумножающе беззаконие? всякая глава в болезнь и всякое сердце в печаль?* Но, с другой стороны, если, бы привелось какому-либо иностранцу проезжать наши города и села; то он подумал бы, что в целом мире нет страны более цветущей благоденствием, чем наша; что у нас во всем полное обилие, и богатство течет реками; что нигде нет людей, подобно нам благоденствующих. А если бы кто-либо стал уверять заключающего таким-образом, что у нас четыре года был сряду голод, что наше состояние очень незавидно, что у каждого из нас много горя, то он отвечал бы: быть не может! разве ты не видишь, с какой суетливостью у вас во всякое время стремятся к забавам? с какой заботливостью изыскивают различные увеселения? с какой жадностью стремятся смотреть на зрелища? разве ты не замечал, что в ваши праздничные даже дни корчемницы ваши наполнены пьянистующим народом, а люди высших сословий в собственных домах кружатся до изнеможения в вихре суеты и легкомыслия? Разве ты не видишь, что даже теперь, посреди всеобщего бедствия, когда Бог и Церковь ваша приглашает вас к покаянию, иные нарочно заводят игрища, как будто бы опасаясь, чтобы вы в самом деле не покаялись?

И точно, братья, мы или столько благополучны, то нет людей благополучнее нас, или такой достигли мудрости, что ничем считаем и смерть внезапную, и гнев Божий, и суд Его, и вечную нашу участь; ибо где у нас плоды покаяния? кто размышляет о весьма вероятной внезапной кончине своей? кто оплакивает грехи свои?. . Похоже ли хотя чем-нибудь наше поведение на покаяние жителей древней Ниневии, которые, едва услышав об угрожающей им каре небесной, немедленно провозгласили такой строгий пост, по которому воспрещено было не только людям вкушать какую-либо пищу, но даже выводить на пастбища и поить водой домашних животных. Но жители Ниневии не имели Христианских понятий о будущей

жизни и только угрожаемые прещением Божиим принесли такие плоды покаяния; а мы, имея понятие о суде Божием, о страшной участи нераскаянных грешников за гробом, и поражаемые карою небесной – пребываем на счет вечной нашей участи в каком-то страшном равнодушии, не показывая никаких признаков покаяния. Какие же могут быть последствия такой беспечности?

О, Господи, пощади и помилуй нас Твоим милосердием! Не входи в суд с нами безответными перед Тобой грешниками, не наказывай нас в ярости Твоей; но даруй нам благодать покаяния, обрати нас, повергни в пучину вечного забвения грехи наши, и спаси нас щедротами Твоими. Аминь.

Слово во время губительной язвы. 2-ое.

Печаль бо, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасете соделовает (2Кор. 7:10).

Вот какой плод рождает печаль ради Бога. Она не повергает людей, как некоторые думают, в безотрадное уныние или отчаяние, но производит только решительное, неизменное покаяние, заставляет грешника проливать слезы о греховном образе жизни своей, побуждает к ее исправлению; но в то же время ободряет человека упованием на милосердие Божие, так что кающийся не только не раскаивается в принесении покаяния, а даже ощущает в сердце своем небесную отраду, одушевляется верой, что он, осененный благодатью Божией, безвредно пройдет даже посреди мрака смертного и удостоится вечного спасения! Так, по учению Христианскому, не в рассеянности и забавах мирских спасение от уныния во время общественных бедствий, и от угрожающей каждому кары небесной, но единственно в искреннем покаянии.

Поэтому, внимая в настоящее время покаянным молитвам и воплям, возносимым в храмах Божиих, мы можем убедиться, что нет матери, попечительнее Святой Церкви о временном нашем счастье и вечной участи нашей; что никто сколько, как Церковь, не печется о том, чтобы мы еще в сей жизни наслаждались истинной радостью и утешением во всякой скорби; а если Церковь призывает нас к покаянию, особенно во время общественных бедствий, то единственно для истинного нашего блага временного и вечного.

Ничего нет суетнее радостей мирских, потому что в мире нет наслаждения, которое было бы недоступно печали, все в нем ничтожнее тени, все обманчивее сновидений! Часто, посреди самого разгара мирских увеселений, предающихся им сопровождает скука, досада и туга неизъяснимая. А какое расстройство производят сии забавы в душе и сердце? Сколько приносит истощения здоровью одно превращение ночей на дни? Чего стоят одни наряды и приуготовления к так называемым увеселениям? Если несмотря на все это, люди жаждут забав,

стремятся на игры, то потому только, что мирские увеселения, подобно некоторым цветам и травам, имеют свойство приводить нашу чувственность в какое-то страстное опьянение. Известно, что приуготовляемые из некоторых трав и цветов составы, помрачая в употребляющем их умственное сознание, доставляют человеку какое-то чувственное удовольствие, возбуждая в нем беспорядочное брожение мыслей, и производя в воображении какие-то мечты наслаждений. Но также известно, что употребление одуряющих составов, расстраивая силы и здоровье употребляющего их, всякий раз снова влечет его к опьянению ими, доводит человека до совершенного расслабления, наконец, преждевременно умерщвляет. Такие же последствия, только менее приметные, мирских радостей, забав и увеселений.

В противоположность сему Святая Церковь желает, чтобы чада ее вкушали чистые, не помрачаемые ни пороком, ни скорбью, удовольствия, наслаждались прочной радостью и беспечальными увеселениями. С сей целью Церковь молится, проповедует вечные Евангельские истины, употребляет всевозможные с своей стороны усилия, чтобы родители всегда вкушали радость беспрекословного послушания, покорности и благоугождения им детей своих, а дети ничем столько не дорожили, как любовью и благословением своих родителей; чтобы супруги находили постоянную отраду во взаимной любви, верности и согласии между собой; чтобы начальник, видя точное исполнение своих распоряжений, с радостью исполняли обязанности своего звания, а не вздыхали от нерадения и строптивости подчиненных; чтобы подчиненные в своем горе и нуждах, всегда встречали отрадный взор своих начальников, как отцов и покровителей своих; чтобы обижаемые находили верное утешение в святыниах правосудия, а занимающиеся торговлей радовались только праведным прибыткам; чтобы господа утешались верностью и усердием своихъ слуг и работников, а сии имели в господах своихъ защитников и попечителей; чтобы обладающие земными благами наслаждались высочайшим удовольствием благотворения нищим,увечным и сирым, а сии почерпали усаждение своихъ горестей в человеколюбии

богатых; чтобы повсюду в семействах и обителях, в городах и селах чада Церкви наслаждались плодами мира, искренней любви и взаимного доверия; чтобы все верующие всегда радовались чистою радостью о Господе, а в определенное судьбами Божиими время вошли в вечную радость Господа! Какие наслаждения, забавы, радости мирские могут сравниться только с возвышенными, прочными, чистыми удовольствиями, которых всем чадам своим желает Христова Церковь?

Все усердно желая чадам своим постоянно наслаждаться плодами чистой, ни чем не преогорчеваемой радости, Святая Церковь принимает всеискреннее участие во всякой скорби чад своих и со всей материнской попечительностью спешит утешать их, доставить им самые верные средства к избавлению от всякого злоключения, особенно же к умилостивлению Бога во время общественных бедствий, ниспосыпаемых на нас праведным судом Божиим за наши беззакония!

Вот почему Церковь и в настоящее время призывает нас к покаянию, требует, чтобы мы сетовали не только о постигшем нас бедствии, сколько о том, что мы грехами своими низвели на себя это бедствие; требует сокрушения и печали о том, что мы преогорчили благость Божию; но требует с тем, чтобы печаль наша превратилась в радость избавления от всеобщего сетования! Следовательно, не внимать в такие времена призыву Святой Церкви к покаянию, оставаться нераскаянным грешником, и, посреди всеобщего бедствия, предаваться еще играм, забавам, не значит ли идти наперекор гневу небесному, упорно раздражать благость Божию, и не только по делом привлекать на себя временную смерть, но даже быть предметом вечного осуждения?

Ах, пощади себя, возлюбленный, удержи ногу твою, которую спеша на игрища, может быть, занес ты уже в могилу твою. Думаешь ли ты, что, суетные увеселения рассеют твое уныние, освободят тебя от страха смерти? Нет; этот страх повсюду будет преследовать, томить тебя: потому что, человек, обремененный грехами, куда бы ни обратился, по определению правды Божией, повсюду носит в самом себе осуждение на смерть! И кто в состоянии укрыться от руки Божией? Камо

пойду, взыывает Пророк к Богу, камо пойду от Духа Твоего? И от лица Твоего камо бежу? Аще взыду на небо – Ты тамо еси, аще сниду во ад – тамо еси. Аще возму крыле мои рано и вселюся в последних моря – и тамо бо рука Твоя (Пс. 138:7–10)!

Но если нигде не возможно укрыться от руки Божией, то самое верное средство к умилостивлению гнева небесного, карающего нас, есть покаяние. Оно одно сильно ободрить и одушевить нас надеждой на милость Божию! А всеобщее бедствие показывает, что все мы прогневали Бога своими поступками, что от всех нас требуется покаяние! Нужно ли в этом удостоверение? Что, если бы посреди нас, в этом самом собрании, предстал открыто какой-либо светоносный Ангел и со всей торжественностью объявил, что он пришел поразить скоропостижною смертью одного только из нас, но самого нераскаянного между нами грешника, что этот несчастный немедленно, внезапно падает мертвым, что час его настал?.. Не пришли ль бы все мы в ужас? Не помыслил ли бы каждый из нас, что он хоть самый грешник, которого Ангел пришел поразить? Следовательно, все мы согрешили, все прогневали благоутробие Божие, все достойны смерти!

Но Ангел истребитель еще держит смертоносный меч, простертый над нами: как же нам не прийти в чувство покаяния? Покаемся, братья, покаемся! Соединим горькие слезы сердечного сокрушения нашего с покаянными молитвами и вздоханиями о нас св. Церкви. Обратимся всем сердцем к Богу, карающему и милующему нас, с твердым предположением впредь вести жизнь сообразную с Его святой волей; а Он помилует и спасет нас!

Господи! да не превозможет злоба беззаконий наших Твоего милосердия! помилуй нас ради святого Твоего имени и дай нам еще время на покаяние! Аминь.

Слово перед Благодарственным Молебствием об избавлении от губительной болезни и по случаю свирапствовавших в г. Могилев пожаров

Не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия... Благодаряще всегла о всех, о имени Господа нашего Иисуса Христа Богу и Отцу (Еф. 5:17, 20)

По словам Апостола значит, надлежало бы нам столько же благодарить Бога за бедствия, сколько и за благодеяние; столько, например, за посещение нас губительной болезнью, от которой мы только что освободились, сколько за избавление от нее. Так и поступали Святые. Праведный Иов, лишенный богатого имения и детей, пораженный, сверх того, жестокою проказою, лежа на гноище, говорил: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословлено во веки (Иов. 1:21)! Апостолу Павлу смерть не только не страшна, но даже вожделенна была до того, что он взывал: мне еже жити Христос, а еже умрети приобретение есть (Филип. 1:21). Первенствующие Христиане летели на мучения и смерть за имя Христово, как пчелы на цветы медоносные! А мы или столько животолюбивы, пристрастны к настоящей жизни, или столько страшимся суда Божия, ожидающего нас за гробом, что нас побудило собраться для принесения благодарности Богу только прекращение губительной болезни во граде нашем! Но слава Богу и за то! слава Богу, что хотя прошедшее бедствие произвело в нас живое сознание, что наша жизнь есть дар Отца Небесного, что продолжением ее мы одолжены всесущей милости Божией! Чем же мы засвидетельствуем благодарность Богу за сохранение жизни нашей? Не ужели одними словами, или молитвами священнослужителей святой Церкви? Но подобного рода благодарностью возгнушались бы и земные наши благодетели, зная, что мы, благодаря устами, непризнательны в сердце, не думаем благоугождать им. Тем паче перед лицом Бога всеведущего, изъявление

благодарности за сохранение жизни нашей должно состоять – в посвящении остатка ее покаянию и прославлению Бога; в противном случае, мы снова привлечем на себя гнев Божий.

Стечеие наше для принесения Богу благодарности за спасение наше от губительной болезни доказывает, что человек никогда столько не дорожит жизнью, как избавившись от очевидной опасности потерять ее. Но надлежало бы, чтобы каждое мгновение нашей жизни было жертвой благодарения Богу за ее продолжение, потому что всякое мгновение бытия нашего есть доказательство благодеющей нам любви Божией. Так, все, чем мы пользуемся, чем обладаем, есть дар всецедрой благости Божией: и воздух, которым дышим, и вода, которой утоляем жажду нашу, и земля, которая питает нас, и доставляет нам необходимое к поддержанию бытия нашего; даже сохранением сил телесного нашего состава, которым пользуется душа наша, как некоей одеждой, мы одолжены неусыпному промышлению о нас благости Божией, потому что без нашей заботливости, даже без сознания нашего кровь совершает в теле нашем свое течение, и непостижимо для нас бесчисленные кровеносные сосуды, рассеянные по всему телу в виде тончайших нитей, совершают предназначеннное им Богом отправление. А от скольких наветов и опасностей проридение Божие ежечасно заступает, бережет и ограждает нас?

Если же мы за бесценный дар жизни нашей должны благодарить Бога всякое мгновение, постоянно провождать жизнь в чувстве безпределной признательности за Его отеческое о нас попечение, то спасение от всеобщего бедствия, каково изнутившая нас страхом губительная болезнь, возлагает на нас вящий долг, требует от нас более, нежели одной благодарности. Чего же требует? Не трудно узнать сие из тех ощущений, которые возбуждала в нас также губительная болезнь. Когда она между нами свирепствовала, тогда, ежечасно слыша, что тот или другой ближний наш внезапно стал ее жертвой, невольно помышляли мы о своей смерти, и необходимости после кончины своей с перед судом Божиим, дать отчет во всем, что мы делали, живя в теле, доброе или худое; помышляли об участи, ожидающей грешников в

вечности, и вздыхали о своем окаянстве. Значит, для этой цели и ниспослана была на град наш губительная болезнь, ниспослана была с тем, чтобы побудить нас к истинному покаянию. А в этом отношении она была для нас величайшим благодеянием Божиим, была доказательством беспредельной к нам любви Божией, не хотящей смерти нераскаянного грешника.

Так, братья, губительная болезнь громче Пророков взвыала к нам: *сташте на путех жизни, и вопросите о стезях Господних и видите; кий есть путь благ, и ходите по нему, и обрящете очищение душам вашим* (Иер. 6:16). *Исправите пути ваша...и ходите в путях Господних... и благо будет вам* (Иер. 7:3,23)! Что ж, исправились ли мы? Положили ли в сердце своем не оскорблять впредь благость Божию своими грехами, загладить святостью поведения произведенные нами соблазны, посвятить остаток жизни нашей во славу Божию? К прискорбью, едва ли не каждый из нас снова обратился на стропотные пути свои, как будто с прекращением губительной болезни все беды кончились. Правда, Бог нас помиловал, повелел Ангелу, поразившему в нашем граде смертоносными стрелами братьев наших: *довольно ныне; отними руку твою* (2Цар. 24:16)! Но кто весть, на долго ли; кто весть, за что нас Бог помиловал? Может быть ради неизвестных нам верных рабов своих, живущих между нами; а всего вероятнее, Бог пощадил нас ради человеколюбия своего, ради святого своего имени, которым мы запечатлены, помиловал нас ради самого Себя! Ибо где у нас плоды покаяния? Лучше ли мы теперь? Богообоязненнее ли провождаем жизнь свою, нежели провождали ее до постигшей нас губительной болезни?

Если совесть наша удостоверяет нас в противном тому, если в нас, по-прежнему, царствует грех, а не благодать Божия, содействующая в исправлении жизни, то без пользы для нас была постигшая нас губительная болезнь! А сие не тоже ли, что с упорством раздражать благость Божию, идти наперекор вечному правосудию, зная и испытывая, что в сокровищнице правды Божией есть бесчисленные средства к наказанию грешника. Очувствуемся, братья, и покаемся! покаемся тем паче, что если всякое время, то преимущественно настоящие

времена призывают нас к покаянию. Спаситель осудил Фарисеев за то, что они, умев по некоторым приметам предугадывать ненастье и хорошую погоду (Мф. 16:3), не хотела сознаться, что исполнились пророчества относительно времени пришествия Христова. Какой же мы подвергнемся участи, частью сами уже испытывая, а частью будучи хотя отдаленными свидетелями событий, которые, по слову Христову, имеют предварить Его второе пришествие, перед коим последуют браны, и слышания бранем, *И будут глади, и пагубы, и труси по местом* (Мф. 24:7). Если такие события не сокрушают нашего сердца покаянием, тогда как Господь заповедал нам бодрствовать и молиться, ожидая с часу на час Его пришествия, – потому самому, что оно будет внезапно и час его неизвестен, то по меньшей мере да обратят нас на путь покаяния ближайшие к нам горестные события. Вот едва мы стали свободны от губительной язвы, как от сокрушительного действия внезапно возникших в нашем граде пожаров, имущество и плоды долголетних трудов многих семейств понеслись в дыму на воздух и в несколько мгновений как призрак исчезли, истребились до того что некоторым домохозяевам, удрученным теперь нищетой, кажется будто они во сне были богатыми. И кто из вас не испытал, как изнурительно, тревожно это состояние города для всех нас? Не каждый ли из нас, с некоторого времени со страхом отходить ко сну, и с боязнью встречает наступающий день? Мы измучились от вздохов, истомились от стонов и беспрерывной тревоги. Что же означают, что внушают нам сии новые бедствия?.. Опять не иное что, как то, что благость Божия грозой пожаров внушиает нам всемерно заботиться об исправлении душевного нашего состояния, о вечной нашей участи. И если б мы столько заботились о приобретении вечного нашего спасения, сколько о сохранении наших имуществ, о безопасности наших жилищ, то мы не испытывали бы такой тревоги из страха, чтобы они не сделались жертвой огненной стихии: потому что Бог, без воли коего и волос не падает с головы нашей, удалил бы от нас всякое опасение и устрашающие нас ужасы!

Так, что бы кто ни говорил о постигших наш город истребительных пожарах, – станет ли приписывать их чьей-либо неосторожности и случаю, или злоумышленного, – по духу Христианского учения, не было бы таких несчастных случаев, без допущения Божия по нашим грехам, для приведения нас в чувство покаяния и спасения нашего страхом огня временного от огня вечного, потому что, все в Божией власти!

Поверим же, братья, бытию уготованного нераскаянным грешникам огня вечного, когда правосудие Божие карает нас огнем временным; а испытывая сокрушительную силу огня временного, устрашимся огня геенского, который, по удостоверению Богомудрых Отцов Церкви, такого свойства, что одной искры его не в состоянии погасить все воды мира сего (Слово в неделю о мытаре и Фарисее св. Димитрия Ростовского), и от одной искры его превратилась бы в пепел вся вселенная (Поучения в неделю Сыропустную св. Димитрия Ростовского), если бы милосердие Божие не удерживало геенского огня в предназначенных ему пределах. Покаемся, братья, искренним покаянием во всех грехах и беззакониях наших, а сим засвидетельствуем перед Богом истинную благодарность за избавление нас от губительной язвы, и освободимся от смущающих нас ужасов и опасностей, потом что живый в помощи Вышняго, в крови Бога небесного водворится (Пс. 90:1). Аминь.

Примечания

¹ - Святитель Петр (Могила) митрополит Киевский.

Православное исповедание кафолической и Апостольской Церкви, вопрос 51.

² - Митрополит Платон (Левшин). Увещание бывшим своим чада, ныне недугом раскола немоществующим.

³ - Блаженный Августин Иппонийский. О крещении против донатистов. Кн. 2, гл. 6, письмо 118.

⁴ - Святитель Петр (Могила), митрополит Киевский. Православное исповедание кафолической и Апостольской Церкви, вопрос 51.

⁵ - Святой Амвросий Медиаланский. Книга о Исааке и душе. Гл. 8.

⁶ - Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. Беседа 54.

⁷ - Тертуллиан. О венце воина.

⁸ - Святой Кирилл Иерусалимский. Огласительные поучения. 13:36.

⁹ - Краткие молитвы на Великом Повечерии.